

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (142)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2024

© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2024

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2024, № 1 (142) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Веремеев С.Ф. Проблема единства христианской церкви в ВКЛ в конце XIV – начале XVI вв.	5
Гарматны В.П. Структура памешчыцкага землеўладання на Палессі ў 1921–1939 гг. ...	12
Кротаў А.М. Вобраз Польшчы ва ўспрыманні беларусаў у XVI–XVII стст.	18
Лознюха С.Л. Основные направления политики Великобритании в отношении европейской интеграции в 1945–1975 годы	25
Моторова Н.С. Топливный кризис на неоккупированной территории Беларуси в годы Первой мировой войны.	31
Смірноў С.М. Праблема «язычніцкага монатэізму» Рымскай імперыі эпохі прынцыпату ў сучаснай заходняй гістарыяграфіі	37

ФИЛОЛОГИЯ

Бобрык У.А. Семантычныя групы прозвішчаў Кармянскага раёна.	43
Гладкова Г.А. Вобразная сістэма рамана Евы Фялінскай «Пан дэпутат»	47
Гулевич Е.В. Детство как травма в современной американской литературе (на материале мемуаров Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня»)	52
Дуктава Л.Г. Рэпрэзентацыя нацыянальных культурных кодаў ў апавесцях І. Шамякіна 1990-х гадоў.	58
Калютчик Н.Ф. Дихотомия явного и скрытого конфликтов в эпической прозе А.П. Чехова 1895–1904 гг. (повесть «Три года», рассказ «У знакомых»)	63
Карёбо О.Н. Композиционные особенности обозрения как дискурсивного жанра (на материале онлайн-издания Motorsport)	69
Кірушкіна Г.А., Ляшчынская В.А. Хлеб як кампанент і аснова вобразаў фразеалагізмаў беларускай і французскай моў: агульнае і адметнае	73
Лешчанка Л.А. Эскапізм у творчай спадчыне Яна Баршчэўскага і Эдгара По	78
Ню Вэньцзюань. Структурно-композиционная организация новостного комментария и особенности ее вербализации (на материале китайского и английского языков).	82
Польников М.О. Переосмысление русской классики в постмодернистской эстетике: драматургия Н.Н. Садура	88
Станкевіч А.А. Іншасказальныя вобразы флоры ў беларускіх народных загадках	94
Траццяк З.І. Нацыянальная спецыфіка ўвасаблення Першай сусветнай вайны ў амерыканскай літаратуры 1920–30-х гг.	98
Хоменко Е.В. Экспликация позиции автора в жанровых разновидностях научного текста ...	105

ФИЛОСОФИЯ

- Калмыков В.Н. *Преимственность и новизна в осмыслении модернизированного не-одидиалектического материализма*..... 110
- Малахов Д.В. *Этические измерения феноменологии Э. Гуссерля в контексте проблемы конституирования субъекта исторической памяти*..... 116
- Павловец А.Д. *Экзистенция «героя» как событийная форма обладания судьбой*..... 123

РЕЦЕНЗИИ

- Сяржант Н.Л. *Новае ў беларускім літаратуразнаўстве, або Па старонках глыбокага даследавання*..... 130

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2024, № 1 (142) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Veremeev S.F. <i>The problem of the unity of the Christian Church in Grand Duchy of Lithuania in the late XIV – early XVI centuries</i>	5
Garmaty V.P. <i>The structure of land ownership in Polesie in 1921–1939</i>	12
Krotau A.M. <i>The image of Poland in the perception of Belarusians in the XVI–XVII centuries</i>	18
Loznyukha S.L. <i>The main directions of British policy towards European integration in 1945–1975</i>	25
Motorova N.S. <i>The fuel crisis in the unoccupied territory of Belarus during the First World War</i> ..	31
Smirnou S.M. <i>The problem of «pagan monotheism» of the Roman Empire of the era of the Principate in modern Western historiography</i>	37

PHILOLOGY

Bobryk U.A. <i>Semantic groups of surnames of the Korma region</i>	43
Hladkova H.A. <i>The figurative system of Eva Felinskaya's novel «Pan delegate»</i>	47
Hulevich A.V. <i>Childhood as trauma in modern American literature (based on the memoirs «You don't have to say you love me» by Sh. Alexie)</i>	52
Duktava L.G. <i>Representation of national cultural codes in I. Shamyakin's stories of the 1990s</i>	58
Kalutchnik N.F. <i>The dichotomy of obvious and hidden conflicts in the epic prose of A.P. Chekhov of 1895–1904 (stories «Three Years» and «At Friends' Place»)</i>	63
Karebo O.N. <i>Compositional features of review as a discursive genre (based on the material of the online publication Motorsport)</i>	69
Kirushkina G.A., Liashchynskaya V.A. <i>Bread as a component and basis of images of phraseological units of the Belarusian and French languages: common and distinctive</i>	73
Leshchanka L.A. <i>Escapism in the creative heritage of Jan Borszewski and Edgar Poe</i>	78
Niu Wenjuan. <i>The compositional and structural organization of the news commentary and features of its verbalization (on the material of Chinese and English languages)</i>	82
Polnikov M.O. <i>Reinterpretation of Russian classics in postmodern aesthetics: drama of N.N. Sadur</i>	88
Stankevich A.A. <i>Unusual images of flora in Belarusian folk riddles</i>	94
Tratsiak Z.I. <i>National specifics of the First World War embodiment in the American literature of the 1920s–30s</i>	98
Khomenko E.V. <i>Explication of the author's position in the genre varieties of the scientific text</i>	105

PHILOSOPHY

Kalmykov V.N. <i>Continuity and novelty in the understanding of modernized neo-Dialectical Materialism</i>	110
--	-----

Malahov D.V. <i>Ethical dimensions of E. Husserl's phenomenology in the context of the problem of constituting the subject of historical memory</i>	116
Pavlovets A.D. <i>The existence of a «hero» as an event-based form of possession of fate</i>	123
REVIEWS	
Siarzhant N.L. <i>New in Belarusian literary studies, or Through the pages of in-depth research</i>	130

История

УДК 94:27-9(476+474.5)''14/15''

EDN: AJWEUK

Проблема единства христианской церкви в ВКЛ в конце XIV – начале XVI вв.

С.Ф. ВЕРЕМЕЕВ

В статье рассмотрены попытки восстановления единства христианской церкви, предпринятые представителями светской и духовной элиты ВКЛ в период XIV – начала XVI вв. Охарактеризовано отношение латинского духовенства к унии с Восточной церковью.

Ключевые слова: Восточная церковь, Западная (Латинская) церковь, Киевская (Русская) митрополия, Флорентийский собор, уния.

The article examines the attempts to restore the unity of the Christian Church made by representatives of the secular and spiritual elite of the Grand Duchy of Lithuania in the period of the late XIV – early XVI centuries. The attitude of the Latin clergy to the union with the Eastern Church is characterized.

Keywords: Eastern Church, Western (Latin) Church, Kiev (Russian) Metropolis, Florence Cathedral, Union.

События 1054 г. стали отправной точкой разделения прежде единой христианской церкви на Западную (Латинскую или Римско-Католическую) и Восточную (Греческую или Православную). На протяжении последующих столетий неоднократно предпринимались попытки преодоления этого раскола, в том числе и представителями властных элит, светских и духовных, Великого княжества Литовского. Для ВКЛ, в состав которого входили белорусские земли, эти инициативы имели особенное значение и актуальность: хотя преимущественное большинство его жителей составляли православные русины, часть населения принадлежала к Латинской церкви, которая ещё в XIV в. приобрела привилегированное положение в стране. Религиозное единство выступало залогом внутренней прочности, стабильности государства. Стремление к нему диктовалось ещё и христианскими мотивами (призывом Христа «Да будут все едино» (Ин. 17:20)).

Ещё в 1396 г. великий князь литовский Ягайло и митрополит Киевский и всея Руси Киприан обратились к Константинопольскому патриарху Антонию с предложением созвать на территории ВКЛ собор представителей Восточной и Латинской церквей для преодоления существующих разногласий и восстановления христианского единства. Ягайло в своём намерении наряду с сугубо прагматическим мотивом сплочения своих подданных мог руководствоваться и христианскими побуждениями, в том числе и по причине своего неопитства (неофиты, как правило, зачастую отличаются религиозным рвением). О позиции Витовта по данному вопросу ничего не известно, но, принимая во внимание его дальнейшую политику, направленную на объединение с Латинской церковью (об этом речь пойдёт ниже), можно предположить, что он поддерживал унионные намерения Ягайло.

В январе 1397 г. Ягайло и митрополит Киприан получили ответ от константинопольского патриарха Антония. Патриарх их предложение не поддержал, аргументируя свою позицию тем, что для проведения объединительного собора ещё не пришло время, так как Византия занята войной с турками. Вернуться к обсуждению этого вопроса, по его мнению, можно было бы после преодоления турецкой угрозы. При этом патриарх отмечал, что территория ВКЛ является неподходящим местом для проведения собора Греческой и Латинской церквей (такой собор имел бы статус вселенского) в силу своей отдалённости, туда проблематично было бы приехать представителям древних восточных патриархатов, например,

Александрийского. Более уместно, на его взгляд, было бы провести такой собор в Константинополе [1, с. 338–339], [2, с. 509–511]. Таким образом, реализация инициативы Ягайло и Киприана была отложена на неопределённое время.

Спустя двадцать лет, в 1417 г. была предпринята очередная попытка восстановления единства Латинской и Восточной церквей. Здесь необходимо кратко описать её предысторию. В 1415 г. по воле Витовта на соборе в Новогрудке митрополитом Восточной церкви на территории ВКЛ (Литовской митрополии) был избран Григорий Цамблак. Его избрание состоялось без санкции Константинополя, поэтому Цамблак не получил признания патриарха и более того, даже был отлучён от церкви и предан анафеме. Однако анафема, как это нередко случалось в церковной истории, действовала недолго. Византия не хотела обострения конфликта с Витовтом, нуждаясь в его военной помощи в борьбе с турками, поэтому уже вскоре Константинопольский патриарх Иосиф II (с 1416 г.) признал Цамблака законным митрополитом [3, с. 585]. Вскоре после этого, в 1417 г. Григорий Цамблак во главе делегации Литовской митрополии, включавшей четырех православных епископов из ВКЛ, принял участие в проходившем тогда соборе Западной церкви в г. Констанц. Ему был оказан торжественный приём, встретить делегацию выехал лично император Священной Римской империи Сигизмунд I. В приветственной речи, обращённой к Папе Мартину V и другим участникам собора, Цамблак предложил создать новый собор с участием представителей Западной и Латинской церквей, чтобы обсудить существующие между ними различия в вероучении и «воедино собрать расщепленное тело церковное» [2, с. 513–514]. Цамблак говорил о том, что для заключения унии сложились благоприятные условия, её поддерживают Ягайло и Витовт, а также император Византии и патриарх Константинополя. Папа приветствовал эти намерения [2, с. 513–516]. В историографии существует мнение, что на самом деле Цамблак выступал против унии с Латинской церковью и действовал вынужденно, исполняя волю Витовта и Ягайло [3, с. 586], однако это мнение спорное. Известно, к примеру, что Ягайло писал впоследствии Папе Мартину V о Цамблаке как о человеке, желавшем унии [2, с. 517–518]. Что касается правителей ВКЛ и Польши, то в их приверженности унии, по крайней мере на тот момент, не приходится сомневаться.

В поддержку восстановления единства Восточной и Западной церквей выступал князь Свидригайло и современный ему киевский митрополит Герасим (1432–1435 гг.). В 1431 г. начал работу собор в г. Базель, созданный Папой Мартином V с целью реформы Западной церкви [4, с. 433–434]. В марте 1433 г. от имени «*князей, знати, бояр, военных, городов и горожан русских земель*» участникам Базельского собора было направлено письмо в поддержку церковной унии [5, с. 153]. В июле того же года к Базельскому собору обратился Свидригайло, который писал о своих усилиях убедить в необходимости восстановления церковного единства «*князей, воевод и знатных русских*». Папа Евгений IV в своём ответном послании, датированном октябрём 1434 г., призывал митрополита Герасима не прекращать объединительных усилий и предлагал ему предпринять следующее: созвать в ВКЛ церковный собор, который бы дал ему полномочия для заключения унии, после чего самому приехать в Рим и окончательно решить данную проблему. Помимо того, Папа дал митрополиту охранную грамоту, призывающую католиков содействовать переговорам [5, с. 154]. Однако вскоре Герасим был заподозрен Свидригайло в измене в пользу Сигизмунда Кейстуовича (в то время в ВКЛ шла борьба за великокняжеский престол между Свидригайло и Сигизмундом), в марте 1435 г. арестован и спустя некоторое время сожжён заживо. Устранение одного из ведущих акторов унионного процесса, надо полагать, значительно ослабило последний. С другой стороны, ряд историков ставит под сомнение приверженность Герасима к унии. Так, авторы «Православной энциклопедии» обращают внимание на то, что о проуниатской позиции Герасима мы знаем лишь на основании свидетельства послов великого князя Литовского, которые могли выдавать желаемое за действительное [5, с. 154]. Церковный историк М. Веретенников полагает, что Герасим стремился не к унии, а к «*паритетному богословскому диалогу*» с католиками [6].

Базельский собор стал неким прологом Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг. (первоначально открылся в г. Феррара, но из-за эпидемии чумы был перенесён во Флоренцию). Участие в нём приняли представители как Западной церкви (во главе с Папой), так и

Восточной (во главе с императором Византии и патриархом Константинополя). Восточно-христианский мир представляло 700 делегатов, среди которых были епископы из ВКЛ, Московского княжества, Болгарии, Румынии, Грузии, стран Ближнего Востока. Делегацию Русской церкви возглавлял митрополит Исидор (митрополит с 1436 г.). Отметим, что в то время он признавался главой Киевской митрополии как в ВКЛ, так и в Московском государстве (в юрисдикции находилось 18 епархий) [7, с. 82], именно из Москвы он отправился на собор [8, с. 1724], где являлся одним из главных действующих лиц.

Обсуждение вероучительных разногласий проходило на соборе на равноправной основе. Обе стороны – латинская и греческая – видели друг в друге братьев и взаимно признавали церковные таинства, в том числе и законность рукоположений духовенства [9, с. 83]. По сути, во Флоренции был достигнут консенсус относительно главных вопросов, разделявших христиан: филиокве, чистилище, совершение Евхаристии, первенство Папы в церкви. В стремлении к восстановлению церковного единства представители Византии руководствовались как христианскими мотивами, так и прагматическими соображениями: император Иоанн VIII Палеолог надеялся на военную помощь со стороны Запада в войне против турок, которые захватили к тому времени основную часть его империи [9, с. 79]. Одним из главных действующих лиц на соборе был митрополит Исидор.

6 июля 1439 г. был принят соборный декрет или булла «*Laetentur caeli*» («Да веселятся небеса») [10], который подписали Папа, византийский император, представители западного и восточного духовенства. В нём отмечалось, что расхождения относительно того, исходит ли Святой Дух от Отца (учение Восточной церкви) или же от Отца и Сына (учение Западной церкви), а также относительно существования чистилища вызваны разной терминологией, используемой богословами на Востоке и Западе, принципиальных различий между ними при этом нет. Для Евхаристии разрешалось использовать как квасной, так и пресный хлеб, в зависимости от сложившейся традиции. В «*Laetentur caeli*» было прописано, что римским понтификам «*вручена полная власть всей Церковью руководить, управлять, пасти её, как это утверждается в документах Вселенских соборов и святых канонах*» [10], а восточные патриархи должны и впредь сохранять все свои привилегии и права. Отметим, что при этом объёмы и границы папской власти, равно как и власти патриархов и соотношение между ними, не уточнялись, что открывало простор для альтернативных интерпретаций в будущем и, как следствие, дальнейших конфликтов.

После собора русский митрополит Исидор был назначен Папским легатом для Польши, Литвы, Руси и Ливонии и возведён в сан кардинала. По пути в свою митрополию он в марте 1440 г. в столице Венгрии Буде обратился с посланием к верующим, в котором проинформировал о решениях собора и заявил о наступившем единстве церквей: христиане отныне могли посещать богослужения как в греческих, так и в латинских храмах, принимать там участие, обращаться за духовной помощью к священникам. В латинском кафедральном соборе Кракова Исидор отслужил литургию по восточному обряду.

В августе 1440 г. он прибыл в столицу ВКЛ Вильно, однако там столкнулся с противодействием со стороны местного латинского епископа Матфея, фактически не признавшего решения Флорентийского собора и воспрепятствовавшего деятельности Исидора [7, с. 114–121]. Верхушку латинского духовенства не устраивали условия Флорентийской унии, предполагавшей равноправие восточных и западных христиан, иерархи выступали тогда за прямое обращение русинов в латинский обряд [11, с. 206], [12, с. 40]. Такую их позицию можно объяснить убеждённой в сотериологической исключительности своей церкви, а также ограниченностью и ригидностью. С другой стороны, с непримиримой позицией иерархов в Латинской церкви были согласны далеко не все. Так, монахи-бернардины гораздо более терпимо относились к восточному обряду и православным русинам, признавали действительность крещения у них, апеллируя при этом к Флорентийскому собору, допускавшему разные формулы крещения при условии его совершения во имя Св. Троицы. Бернардины поддерживали в этом Папы Римские Сикст IV, а затем и Александр VI [12, с. 56, 71]. Любопытно, что бернардины рассказывали об истинности восточного обряда самим православным [11, с. 239], [12, с. 71]. Таким

образом, отношение духовенства Латинской церкви в ВКЛ и Польше к решениям Флорентийского собора в 40–50-е гг. XV в. было неоднозначным. Вероятно, таковым оно осталось и в дальнейшем (данный вопрос требует специального изучения).

Вскоре после Вильно Исидор посетил Киев, где 5 февраля 1441 г. во время церковной службы в храме Св. Софии провозгласил унию. Реакция местной православной общины неясна. С одной стороны, киевский князь Олелько в своей грамоте признавал Исидора митрополитом, с другой – в той же грамоте не содержалось упоминания об унии и о кардинальском достоинстве Исидора [13, с. 179–181]. Вместе с тем, в распоряжении историков есть лишь копия данной грамоты (а не её оригинал), в которой соответствующие фрагменты могли быть удалены [11, с. 338]. Нет информации и о реакции на известие об унии духовенства и верующих [7, с. 122]. Можно предполагать, что перспектива равноправия с Латинской церковью по крайней мере для части православного духовенства могла выглядеть привлекательной.

Из ВКЛ Исидор направился в Москву, куда прибыл в марте 1441 г. Во время литургии в Успенском соборе Кремля он вознёс молитву за Папу Римского, а после окончания богослужения объявил с амвона о соединении церквей. Это вызвало резко отрицательную реакцию властей: митрополит был арестован, осужден церковным собором и заключён в Чудов монастырь. Светская власть и церковные иерархи Московского княжества не приняли Флорентийской унии, расценивая её как отступление от истинной веры, но и митрополит Исидор проявил упорство, решительно отказавшись отречься от неё, несмотря на уговоры и угрозы [7, с. 124–125]. В сентябре 1441 г. он бежал из Москвы, вероятнее всего, с молчаливого согласия её властей, которые оказались в ситуации цугцванга: Константинопольским патриархом был тогда сторонник унии Митрофан II, который, очевидно, не осудил бы Исидора, а организация несанкционированного патриархом суда над митрополитом была бы вопреки канонам. Из Москвы Исидор бежал в ВКЛ, где находился около года, а затем уехал в Венгрию. Столь короткое его пребывание в ВКЛ историки объясняют неприятием унии виленским латинским епископом Матфеем и великим князем литовским Казимиром (затем Казимир изменил свою позицию, об этом ниже) [14]. Вместе с тем, крупным успехом Исидора стало издание королём Польши и Венгрии Владиславом III Варненчиком в 1443 г. грамоты об уравнивании в правах *«греческой религии»* с *«римской»* [15, с. 59–60], действие которой, правда, ограничивалось периодом правления монарха, а он в 1444 г. погиб в битве под Варной [7, с. 127].

В октябре 1458 г. новым киевским митрополитом стал Григорий Болгарин, ученик Исидора и его бывший протодьякон. Он был назначен Григорием III Маммой, униатским патриархом Константинополя, находящимся в изгнании, это решение утвердил Папа Пий II. В пользу Григория Исидор отказался вначале от киевской (на территории ВКЛ и Польского королевства), а затем и московской части Русской митрополии. А.В. Карташев пишет, что Григорий Болгарин объезжал церкви и епархии своей митрополии и во время богослужений поминал Папу Римского [16, с. 545]. Таким образом, Григорий Болгарин являлся действующим митрополитом, находящимся в унии с Римом на условиях Флорентийского собора.

Григория не признала Москва. Великий князь Московский Василий Васильевич убеждал великого князя литовского Казимира не принимать Григория в ВКЛ, а московский митрополит Иона направил двух игуменов – своих эмиссаров для противодействия ему [1, с. 504–505]. Кроме того, Иона призывал епископов в ВКЛ выйти из повиновения новому митрополиту, угрожая им в противном случае *«великой и неизмолимой пред Богом тяжестью церковной»*, однако тщетно: практически все епископы признали Григория Болгарина, за исключением епископа Брянского и Черниговского Ефимия, бежавшего в Москву [16, с. 545]. В Москве же объявили, что православные, подчинившиеся Григорию – *«злomu отступнику от православия»*, сами отлучили себя от церкви и они уже более не *«крестиани»* [17, с. 563].

В середине 1460-х гг. Григорий обратился за благословением к патриарху Константинополя. В феврале 1467 г. патриарх Дионисий I предложил православным ВКЛ и Московского государства признать Григория своим законным митрополитом [17, с. 563]. Патриарх не был в единстве с Римом, и обращение Григория Болгарина к нему можно расценивать как разрыв единства с Папой Римским. В историографии мнения на этот счёт разнятся: если известный исследователь истории Восточной церкви периода средневековья А. Амманн пола-

гал, что Григорий сохранял хорошие отношения с Римом и Константинополем одновременно, то большинство современных историков трактует обращение в Константинополь как разрыв с Римом, вызванный неприятием унии православным населением ВКЛ [11, с. 208–209]. По мнению Б. Гудзяка, Григорий надеялся распространить свою власть и на московскую часть бывшей общерусской митрополии, поэтому обратился к патриарху [15, с. 64].

В последующий период решения Флорентийского Собора признавал митрополит Мисаил (митрополит в 1473–1480 гг.). Возглавив киевскую кафедру в 1473 г., он хотел получить посвящение не от патриарха Константинополя, а от Римского Папы и обратился к нему с посланием, которое, однако, в силу непонятных причин осталось без ответа [12, с. 45]. 14 марта 1476 г. Мисаил направил Папе Римскому Сиксту IV новое послание. Оно содержало множество похвальных слов в адрес понтифика, который, в частности, назывался «*вселенским учителем*» и «*верховным отцом православных патриархов*». В послании звучала просьба о благословении, заявлялось о приверженности решениям Флорентийского собора и единстве Киевской митрополии с Апостольским Престолом. Митрополит Мисаил жаловался на притеснения со стороны латинского духовенства и выступал за равноправие Восточной и Западной церковью под верховной властью Папы. В Киевской митрополии при этом должен был сохраняться восточный обряд («*обычай и устав*») [11, с. 213–214], [12, с. 47].

Помимо самого митрополита послание подписали архимандриты Киево-Печерского монастыря Иоанн и Виленского Троицкого монастыря Макарий, а также 13 представителей православной светской знати ВКЛ: родственники великого князя Казимира князь Михаил Олелькович и Фёдор Бельский, правитель Вяземского княжества князь Дмитрий Константинович (Рюрикович), витебский наместник, маршалок и гетман наивысший Иван Ходкевич, Павел Каменецкий, полоцкий боярин Евстафий Корсак, староста путивльский Роман и его брат Иоанн (киевские бояре), наивысший писарь ВКЛ Якуб, подскарбий Александр Солтан, его сыновья Михаил, Андрей и Иван [18, с. 199–200]. Подписи представителей православной знати свидетельствуют об определённой поддержке идеи унии со стороны православных элит ВКЛ. Из числа представителей знати двое являлись Гедиминовичами, один – Рюриковичем. К тому времени в ВКЛ сложилось представление об особом попечении православных князей над церковью в ВКЛ [12, с. 51]. Любопытно, что Гедиминовичи, находившиеся тогда в конфликте с великим князем Казимиром и пытавшиеся его свергнуть, тем не менее, подписали послание [12, с. 52]. Вероятно, они ставили единство христианского мира и благо церкви выше собственных интересов. Нет оснований подозревать подписантов послания в тайном стремлении упразднить восточный обряд и превратить русинов в «римлян». Очевидно также, что послание не могло появиться без санкции и одобрения Казимира Ягеллончика, который на тот момент (в отличие от времён Исидора) уже поддерживал унию с Римом.

Сложно оценить степень поддержки унионной инициативы митрополита Мисаила в церковной среде. Исследователи уже обращали внимание на отсутствие подписей других епископов под посланием [2, с. 534], [12, с. 49], равно как и подписей влиятельных православных князей Волыни [12, с. 53]. Но, возможно, сторонников унии тогда было больше. Так, в июле 1475 г. бернардины Польской провинции (она охватывала и ВКЛ) писали Сиксту IV, что их храмы посещают и часто присутствуют на проповедях православные русины, которые, вместе с тем, не намереваются переходить в латинский обряд. По предположению Б.Н. Флори, это могли быть сторонники унии [12, с. 48]. Послание Мисаила не привело к каким-либо конкретным результатам. В историографии высказывается предположение, что оно могло и вовсе не дойти до адресата – Папы [12, с. 53]. Преемник Мисаила Симеон, избранный в 1481 г., находился в юрисдикции Константинополя.

На рубеже XV–XVI вв. попытку восстановления единства Восточной и Западной церковью предприняли великий князь литовский Александр и киевский митрополит Иосиф Болгаринич (митрополит в 1497–1501 гг.). 20 августа 1500 г. митрополит Иосиф обратился с посланием к Папе Александру VI (Борджиа). По стилистике оно напоминало послание Мисаила, которое мы рассматривали выше, и, вероятно, послужило примером для Иосифа. Папа был назван «*тастырем всех верных и главой вселенской Церкви и всех святых отцов и патриархов*», заявлялось о приверженности решениям Флорентийского собора и звучала просьба

к Папе о благословении и покровительстве. Помимо того, митрополит Иосиф отмечал, что другие его просьбы изложит понтифику его посланник Иван Сапега [12, с. 65]. Об их содержании известно из иных источников. Митрополит Иосиф просил Папу признать его главой Восточной церкви во владениях великого князя Александра, наделив правом прощать грехи христианам восточного и латинского обрядов, подтвердить неприкосновенность восточного обряда и действенность крещений в нём, а также его равноправие с обрядом латинским [12, с. 65], [19]. Послание митрополита Иосифа, в отличие от послания Мисаила, по сути, носило личный характер. Однако в условиях начавшейся тогда войны ВКЛ с Московским государством созвать церковный собор, который санкционировал бы переговоры об объединении либо же принял обращение к понтифику, было проблематично. Кроме того, одновременно с посланием Иосифа Папе были направлены письма великого князя Александра и латинского епископа Вильно Альберта Войцеха Табора. Они оба просили Папу принять митрополита Иосифа под своё покровительство [12, с. 66]. Этот факт показывает, что обращение к Папе не было личной инициативой Иосифа (или не только его инициативой). Действия великого князя Александра объясняются, помимо стремления к внутреннему укреплению государства, также и династическим фактором: он был женат на дочери Ивана III Елене, при вступлении в брак с которой в 1495 г. обязался не принуждать её к переходу в латинский обряд. Обрядовая принадлежность своих потомков внушала Александру обеспокоенность.

В апреле–мае 1501 г. Папа Александр VI ответил великому князю литовскому Александру и епископу Табору. Он писал, что не может признать митрополи́че достоинство Иосифа, так как тот был рукоположен не патриархом Константинополя, находящимся в единстве с Римом, а Константинопольским патриархом «*еретиком Иоакимом*». Следовательно, Иосиф должен был отказаться от сана и просить Папу или униатского патриарха Константинополя о возведении на митрополию [12, с. 66]. Как представляется, Александр VI выдвинул тем самым заведомо неприемлемое требование. Вопросы церковной власти и титулов – это очень щекотливая тема, которая зачастую является непреодолимым препятствием для объединения христиан.

Хотя Иосиф заявлял о приверженности решениям Флорентийского собора, Папа писал, что эти решения де-факто не выполняются в ВКЛ: православные русины не разделяют догматических определений Флорентийского собора, не признают верховенство Папы, враждебно относятся к верующим латинского и т. д. Виленскому латинскому епископу поручалось исследовать, в какой степени выполняются флорентийские решения. Лишь после этого Рим готов был вернуться к рассмотрению предложения Иосифа. Самому киевскому митрополиту Папа Александр VI вовсе не ответил. Исследователи полагают, что на формирование столь категоричной позиции Апостольского Престола повлияла латинская иерархия ВКЛ и Польши, настроенная антиуниатски [12, с. 67–68]. Для ясности картины отметим, что Папа Александр VI Борджиа не стремился ликвидировать восточный обряд и не требовал от русинов отказаться от него. В своём ответном письме великому князю литовскому Александру он писал, что если Русская церковь примет католические догматы о верховенстве римских понтификов в христианском мире, филиокве, учение о чистилище, то «греческому» духовенству будет разрешено вступать в брак, а также использовать квасной хлеб во время литургии. Иными словами, речь шла о выполнении решений Флорентийского собора как условия единства с Римом и сохранении при этом обрядового своеобразия Восточной церкви. Это условие выполнено не было и, таким образом, инициатива великого князя Александра и митрополита Иосифа Болгариновича потерпела фиаско.

О каких-либо конкретных действиях в направлении восстановления единства с Римом на протяжении большей части XVI в. неизвестно. Сказывался неудачный опыт унионных инициатив предшествующего периода, непростые взаимоотношения между представителями латинского и восточного обрядов, а также кризисное состояние самой Восточной церкви. Лишь в конце XVI в. попытки восстановления единства восточных и западных христиан вновь были возобновлены.

Литература

1. Голубинский, Е. Е. История Русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Университетская типография, 1900. – Т. II : От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. – 919 с.

2. Грушевський, М. Історія України–Руси : в 11 т., 12 кн. / М. Грушевський. – К. : Наук. думка, 1994. – Т. 5. – 704 с.
3. Турилов, А. А. Григорий Цамблак / А. А. Турилов // Православная энциклопедия – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 583–592.
4. Задворный, В. Базельский собор / В. Задворный // Католическая энциклопедия. – М. : Издательство Францисканцев, 2002. – Т. I. – С. 433–434.
5. Тарасов, А. Е. Герасим / А. Е. Тарасов // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 11. – С. 152–154.
6. Веретенников, М. Митрополиты Древней Руси / архим. М. Веретенников. – М., 2016. – 1256 с.
7. Акишин, С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463) / С. Ю. Акишин. – Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2018. – 324 с.
8. Кудрявцев, О. Ферраро-Флорентийский собор / О. Кудрявцев // Католическая энциклопедия. – М. : Издательство Францисканцев, 2011. – Т. IV. – С. 1722–1726.
9. Суттнер, Э. Христианство Востока и Запада : В поисках зримого проявления единства / Э. Суттнер. – М. : Библ.-Богосл. ин-т св. Апостола Андрея, 2003. – 312 с.
10. Laetentur Caeli. Bulla Unionis Graecorum. 6 iulii 1439 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vatican.va/content/eugenius-iv/la/documents/bulla-laetentur-caeli-6-iulii-1439.html>. – Date of access : 17.01.2023.
11. Флоря, Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье : сборник / Б. Н. Флоря. – М. : ЦНЦ «ПЭ», 2007. – 436 с.
12. Флоря, Б. Н. Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV – начале XVI в. / Б. Н. Флоря // Славяне и их соседи. – М. : Наука, 1999. – Вып. 7. – С. 40–81.
13. Уставная грамота киевского князя Александра Владимировича церкви св. Софии в Киеве и митрополиту киевскому и всея Руси Исидору // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд., подг. Я. Н. Шапов. – М. : Наука, 1976. – С. 179–181.
14. Акишин, С. Ю. Исидор / С. Ю. Акишин, Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 27. – С. 177–182.
15. Гудзяк, Б. Криза і реформа : Київська митрополія, Царгородський патріархат і генега Берестейської унії / Б. Гудзяк ; під ред. О. Турія. – Львів : Інститут історії Церкви, 2000. – 426 с.
16. Карташев, А. Собрание сочинений : в 2 т. / А. Карташев. – М. : ТЕРРА, 1992. – Т. 1 : Очерки по истории Русской церкви. – 686 с.
17. Флоря, Б. Н. Григорий / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 562–563.
18. Грамота киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, 1476 г., обнародованная Ипатием Потеем в 1605 г. («Посельство до папежа») // Архив Юго-Западной России, издаваемый Коммиссиею для разбора древних актов. – Киев, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 193–231.
19. Флоря, Б. Н. Иосиф Болгаринич / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2010. – Т. 25. – С. 620–621.

Структура памешчыцкага землеўладання на Палессі ў 1921–1939 гг.

В.П. ГАРМАТНЫ

У артыкуле разглядаецца памешчыцкае землеўладанне на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг., становішча памешчыкаў як асобнай сацыяльнай групы і яе галоўныя складнікі, узровень матэрыяльнага дабрабыту і ўзаемаадносіны з іншымі сацыяльнымі групамі.

Ключавыя словы: памешчык, Палессе, сацыяльная структура, землеўладанне.

The article examines land ownership in the territory of the Polesie Voivodeship in 1921–1939, the position of landowners as a separate social group and its main components, the level of material well-being and relations with other social groups.

Keywords: landowner, Polesie, social structure, land ownership.

Уводзіны. На працягу 1921–1939 гг. Брэстчына ўваходзіла ў склад міжваеннай Польскай дзяржавы і ў асноўным супадала з тэрыторыяй Палескага ваяводства. У гэты перыяд Палессе надзвычай выразна характарызаваўся як сельскагаспадарчы рэгіён з захаваннем празмернай колькасці памешчыцкага землеўладання, што распэньвалася як відавочны перажытак з часоў паншчыны [1, с. 177–178], [2, с. 108]. Большую частку мясцовага насельніцтва складалі мала- і безземельныя сяляне, якія востра пакутавалі ад зямельнага голаду і спадзяваліся атрымаць памешчыцкія ўгоддзі па самым нізкім кошце альбо навогул бясплатна [3, с. 163], [4, с. 140].

Агляд гістарыяграфіі і крыніц. У айчыннай гістарыяграфіі савецкага перыяду памешчыцкае землеўладанне на Палессі, як і ва ўсёй Заходняй Беларусі міжваеннага часу, ацэньвалася рэзка негатыўна, падкрэслівалася ў першую чаргу роля памешчыкаў як эксплуатацыйна-навакольнага сялянства, аб чым, напрыклад, красамоўна сведчыць назва працы аднаго з найбольш вядомых тагачасных даследчыкаў заходнебеларускай праблематыкі міжваеннага перыяду А.М. Мацко [5]. Сярод такіх выданняў у першую чаргу можна якасна вылучыць працу А.А. Сарокіна, у якой у адпаведнасці марксісцка-ленінскім падыходамі грунтоўна прааналізавана аграрнае пытанне на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., паказана становішча асноўных сацыяльных груп, прааналізаваны перадумовы сялянскага руху, у тым ліку і ўзаемаадносіны з памешчыкамі [6]. У гэтым жа рэчышчы выкананы таксама і манаграфіі Б.Я. Кухарава [7] і І.В. Палуяна [8], дзе вялікая ўвага нададзена палітыцы польскіх уладаў па падтрымцы памешчыкаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Палесся як яе часткі.

У сучаснай айчыннай гістарыяграфіі праблемамі памешчыцкага землеўладання на Палессі займалася В.М. Папко [9], якая прысвяціла асобную кнігу арганізацыі гаспадарання ў маёнтках роду Дзяконскіх, які хоць і не быў на той час самым заможным і уплывовым, але пакінуў значны след у сацыяльна-эканамічным развіцці Пружаншчыны і Кобрыншчыны.

В.С. Місіюк паказаў трансфармацыю памешчыкаў Заходняй Беларусі (і ў тым ліку Палесся) ва ўмовах цывілізацыйных змен і намаганні своечасова рэагаваць на іх выклікі [10].

Агульнае сацыяльна-эканамічнае становішча Палескага ваяводства ў складзе міжваеннай Польшчы, палітыка дзяржаўных уладаў і асноўныя падыходы да вырашэння галоўных мясцовых праблем (перш за ўсё аграрнай), стан даследавання рэгіёну ў цэлым прааналізаваны ў навуковых працах А.Г. Цымбала і І.С. Чарнякевіч [3]–[4].

У польскай гістарыяграфіі дзейнасцю памешчыкаў і арганізацыяй іх гаспадарання ў 1921–1939 гг. найперш за ўсё займаўся Б.У. Галка, які з’яўляецца аўтарам грунтоўнага даследавання, у якім прывёў падрабязныя звесткі наконт сацыяльнай структуры памешчыкаў Палесся і іх нацыянальнага складу, паказаў спецыфіку іх становішча [11].

У працы Я. Вацлавікавай на багатым факталагічным і крыніцавым матэрыяле (перш за ўсё на ўспамінах) разгледжаны лад жыцця памешчыкаў міжваеннай Польшчы, іх матэрыяльнае становішча і ўдзел у грамадска-палітычным жыцці, узаемаадносіны з блізкімі і сацыяльна іншымі, перш за ўсё з дварскай службай і навакольнымі сялянамі [12].

Істотнае месца памешчыцкае землеўладанне займае ў працах польскіх гісторыкаў, прысвечаных непасрэдна Палессю, якое ў параўнанні з іншымі заходнебеларускімі ваяводствамі выклікала сярод даследчыкаў найбольшую цікавасць па прычыне сваёй непаўторнасці ў сацыяльна-эканамічным і этнаграфічным плане. Сведчаннем гэтаму з'яўляюцца манаграфіі Е. Тамашэўскага [13], В. Сляшынскага [14] і П. Ціхарацкага [15], а таксама працы З. Тамчонок [16]–[17], дзе ў цэлым паказана становішча Заходняй Беларусі.

Становішча памешчыкаў у якасці асобнай сацыяльнай групы ў міжваеннай Польшчы і іх адносіны да ажыццяўлення ў краіне аграрнай рэформы сталі прадметам даследавання А. Ліхаровіча [18]. Е. Жукоўскі прааналізаваў культурна-асветніцкую дзейнасць памешчыкаў Палесся сярод мясцовага сялянства, іх стасункі і ўзаемазалежнасць [19].

Сярод крыніц, непасрэдна прысвечаных становішчу памешчыцкага гаспадарання на Палессі ў 1921–1939 гг., неабходна адзначыць спіс мясцовых памешчыкаў, падрыхтаваны да друку С. Гарчынскім і Т. Эпштэйнам з адпаведнымі каментарыямі і заўвагамі [20]. Вялікую навуковую цікавасць прадстаўляе таксама і выдадзены польскімі навукоўцамі фотаальбом, прысвечаны памешчыкам міжваеннага перыяду, дзякуючы якому можна атрымаць комплекснае ўяўленне аб іх жыцці і асноўных напрамках дзейнасці [21].

Разам з тым неабходна падкрэсліць, што далёка не ўсе аспекты разглядаемага пытання атрымалі належнае асвятленне ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, у сувязі з чым патрабуецца яго далейшая навуковая распрацоўка і дадзены артыкул з'яўляецца спробай запоўніць гэты прабел.

Асноўная частка. У тагачаснай сацыяльнай структуры міжваеннай Польшчы памешчыкі займалі асобнае месца, характарызаваліся найбольш высокім дабрабытам, у сувязі з чым адчувалі сябе свайго роду асобнай кастай, вышэйшай за іншых, што часцяком выклікала ў іншых саслоўяў зайздасць і непавагу да іх [18, s. 87], [21, s. 27]. У параўнанні з мінулымі часамі памешчыцкае саслоўе стала больш адкрытым, туды можна было ўвайсці дзякуючы набыццю асобнага маёнтка, але такія выпадкі заставаліся даволі рэдкімі.

У якасці галоўных прыкмет прыналежнасці да памешчыкаў як спецыфічнай тагачаснай сацыяльнай групы можна выдзеліць наступныя:

1. прыналежнасць да шляхетнага саслоўя, веданне асабістага радаводу і гонар за сваіх заслужаных продкаў, усведамленне сваёй нібыта цывілізатарскай місіі ў дачыненні да сялян і сябе ў якасці ўсемагутных уладароў на сваіх землях, што не магло не выклікаць антаганістычнага супрацьстаяння з палешукамі [22, с. 24], [8, с. 55], [23];

2. уладанне не менш за 50 га зямлі з асобна вылучанай сядзібай, якая якасна выразнівалася на фоне сялянскіх хат, мела ад 3 да 15 пакояў (у сярэднім – 10) і з'яўлялася яскравым сімвалам свайго дамінавання ў наваколлі [24, s. 9–10];

3. наяўнасць дворскай службы, якая звычайна набіралася з навакольных вяскоўцаў. Акрамя таго, у найбольш багатых гаспадарках кухарак і гувернантак выпісвалі з-за мяжы (перш за ўсё з Францыі і Італіі);

4. актыўны ўдзел у грамадска-палітычным жыцці рэгіёна праз дзейнасць шматлікіх грамадскіх і сацыяльна-эканамічных арганізацый, мэтай якіх было далейшае злучэнне памешчыкаў у якасці адзінай сацыяльнай групы. Разам з тым ва ўспамінах некаторых памешчыкаў адзначаецца, што пасяджэнні такіх арганізацый звычайна надоўга зацягваліся і толькі адрывалі ад асабістых гаспадарчых спраў [21, s. 11–12].

Памешчыкі былі ў пераважнай большасці палякамі і таму разглядаліся ўладамі як апора сацыяльна-эканамічнага панавання на вёсцы, у сувязі з чым карысталіся істотнай дапамогай з боку ўрада, перш за ўсё ільготнымі банкаўскімі крэдытамі [22, с. 124], [14, s. 131]. Разам з тым у тагачасным грамадстве ў адносінах да памешчыкаў неаднаразова выказваліся надзвычай крытычныя заўвагі, што тыя ў першую чаргу займаюцца марнай тратай грошай (наведваннем замежных дзяржаў, закупкай прадметаў шыку, перш за ўсё легкавых аўтамабіляў), на той час як, згодна з меркаваннямі сучаснікаў, ім належала прыкладаць істотна большыя намаганні па паланізацыі мясцовага насельніцтва дзеля замацавання гэтых зямель пад польскай уладай [11, s. 46], [19, s. 153–154].

Па свайму эканамічнаму стану палескія памешчыкі былі далёка неаднароднымі (перш за ўсё па памеру землеўладання і маёмаснаму становішчу) і ў цэлым іх можна падзяліць на наступныя асноўныя групы:

1. арыстакратыя (галоўным чынам Радзівілы і Скірмунты), найбольш багатыя і ўплывовыя (не менш 1 000 га землеўладанняў), цесна звязаныя з замежнымі дзяржавамі і іх элітамі, але пры гэтым падкрэслена прывязаныя да сваёй зямлі, у сувязі з гэтым напрыклад сяляне Давыд-Гарадоцкай ардынацыі Радзівілаў звычайна называлі сваіх памешчыкаў не проста панамі, а «князямі». У азначаных гаспадарках заўсёды меўся прасторны і багата аздоблены сядзібны дом з мноствам хатняй прыслугі і гувернантак для выхавання і адукацыі дзяцей, акрамя таго часцяком меліся летняя і зімовая рэзідэнцыі з вялікай колькасцю заўсёды гатовых да выезду пародзістых коней, а потым нават і легкавыя аўтамабілі. Прадстаўнікі гэтай групы часта ажыццяўлялі паездкі за мяжу для лячэння, дзелавых візітаў, адпачынку, наведвання родных і гэтак далей. Многія з арыстакратаў пераважна пражывалі ў гарадах заходняй і цэнтральнай Польшчы, таму арганізацыяй гаспадарання ў палескіх маёнтках займаўся кваліфікаваны кіруючы персанал, перш за ўсё аканом, які і ўвасабляў у вачах сялян памешчыцкую ўладу [7, с. 23], [25, с. 7];

2. памешчыкі сярэдняй рукі (ад 100 да 1 000 га) характарызаваліся адданасцю традыцыйным каштоўнасцям, перш за ўсё вернасцю традыцыям і захаванню ўсяго ў нязменным стане. Прадстаўнікі азначанай групы маглі задаволіць свае асноўныя сямейныя патрэбы, але без празмернага шыку, як кажуць «сціпла і з густам», у сувязі з чым у многіх гаспадарках такога роду з надзеяй на далейшае іх пашырэнне землеўласнікі намагаліся прыстасаваць свае маёнткі да рознага роду навінак, альбо з меншага спрабавалі гэта зрабіць, укладалі істотныя сродкі ў мадэрнізацыю гаспадарання, не маючы магчымасці адразу набыць дадатковай зямлі [11, с. 68], [12, с. 26];

3. адносна небагатыя памешчыцкія сем'і (да 100 га) ставілі перад сабою за мэту проста выжыванне ва ўмовах цывілізацыйных перамен і праблем, якія ў сувязі з гэтым узніклі. З-за некаторага недахопу сродкаў азначаныя гаспадаркі звычайна эканомілі на дворскай службе і таму ўсе асноўныя гаспадарчыя пытанні вырашаў сам пан асабіста. Вялікую ўвагу пры гэтым памешчыкі надавалі выхаванню дзяцей, якія ў выніку, дзякуючы атрыманай адукацыі і падрыхтоўцы, маглі б у будучыні займацца разумовай дзейнасцю незалежна ад ступені ўладання зямлёю. З-за адсутнасці фінансавай магчымасці наняць гувернантак і хатніх настаўніц адукацыяй дзяцей займалася непасрэдна гаспадыня маёнтка. Галоўная ўвага пры гэтым надавалася агульнай агра-тэхнічнай падрыхтоўцы, эканамічным і прававым ведам, напрыклад, у памешчыцкіх дзяцей звычайна меўся свой маленькі агародзік, дзе яны маглі практыкавацца ў вырошчванні гародніны [10, с. 62], [12, с. 51].

Сустракаліся і надзвычай непрыемныя выпадкі пераацэнкі памешчыкамі ўласнага багацця, якія межавалі з асабістай амаральнасцю і безгаспадарлівасцю. Так, адзін з найбольш аўтарытэтных даследчыкаў міжваеннага польскага грамадства Ю. Жарноўскі распавядаў пра аднаго «барона», які напрыклад не мог сабе дазволіць нават наведванне Варшавы і адрозніваўся ад сваіх навакольных суседзяў-сялян толькі тым, што выпісваў газету. Пры гэтым свой невялікі маёнтак той ацаніў у 1 000 000 злотых, але па з'едлівых заўвагах суразмоўцы ніхто яму такой сумы ніколі ў жыцці не заплаціў бы! [19, с. 153].

Паводле матэрыялаў агульнадзяржаўнага сельскагаспадарчага перапісу ад 30 верасня 1921 г. у Палескім ваяводстве налічвалася 856 маёнткаў плошчай больш за 50 га (з іх больш за 100 га – 698, 20 % ад усёй міжваеннай Польшчы, больш за 1 000 га – 246), якія ахоплівалі 146 985 га [11, с. 67–71]. На іншым баку знаходзілася каля 480 000 сялянскіх гаспадарак (больш за 99 % сельскагаспадарчага насельніцтва ваяводства), якія валодалі толькі 3 300 000 га (42 %) ворнай зямлі, прычым 8 250 сялян-палешукоў мелі ў сярэднім па 0,5 га, а каля 20 % сялян былі зусім беззямельнымі. Падобнай празмернай канцэнтрацыі зямельнай уласнасці не назіралася больш ні ў адным тагачасным еўрапейскім рэгіёне, што надзвычай абвастрала аграрнае пытанне, якое цесна перапляталася тут з нацыянальным і таму патрабавала тэрміновага вырашэння. Акрамя таго, многія палітычныя сілы ва ўмовах усеагульнага ўздыму пасля рэвалюцыйных падзей 1917 г. актыўна выступалі за перадачу памешчыцкіх зямель на карысць сялян [7, с. 24–25].

На 1921 г. на Палессі налічвалася 773 памешчыкі (0,76 % землеўладальнікаў), ва ўласнасці якіх знаходзілася не менш чым па 100 га, агульная плошча іх уладанняў складала 1 256 553 га (61,91 %). Найбольшая канцэнтрацыя буйной землеўласнасці назіралася ў Лунінецкім (80,2 %), Косаўскім (71,8 %) і Пінскім (62,7 %) паветах [2, с. 108]. Асноўныя звесткі адносна памешчыцкага землеўладання прадстаўлены ў наступнай табліцы [6, с. 191]:

Памер, у га	Гаспадарак	Палякі		Беларусы		Іншыя	
		Гаспадарак	%	Гаспадарак	%	Гаспадарак	%
50–100	180	88	49,0	71	39,4	21	11,6
100–500	318	227	71,4	50	18,9	41	9,7
500–1000	107	74	69,1	14	13,1	19	17,8
Звыш 1 000	246	166	67,5	17	6,9	63	25,6
Усяго	851	555	65,2	152	17,9	144	16,9

У нацыянальным плане структура памешчыцкага землеўладання на Палессі на 1921 г. выглядала наступным чынам [20, с. 5]:

Нацыянальнасць	Колькасць маёнткаў	%	Плошча, тысяч га	%
Беларусы	152	17,9	74,2	4,6
Палякі	555	65,2	1 093,2	67,4
Рускія	79	9,3	312,6	19,3
Украінцы	39	4,6	73,7	4,5
Яўрэі	19	2,0	51,1	3,1
Іншыя	9	1,0	17,0	1,0
Разам	851	100	1 621,8	100

На 1921 г. у Палескім ваяводстве налічвалася 202 памешчыцкія латыфунды абшарам 1 142 000 га, што складала палову ад усіх заходнебеларускіх. Яскравым паказчыкам дыспропорцыі зямельнага карыстання на Палессі на пачатку 1920-х гг. з'яўляецца той факт, што 16 найбольш буйных памешчыцкіх гаспадарак ахоплівалі прыкладна такі ж абшар зямлі, як 101 500 сялянскіх гаспадарак памерам да 20 га сумесна [7, с. 23–24].

На пачатак 1920-х гг. на Палессі памешчыцкія гаспадаркі абшарам больш за 100 га займалі 49,4 % землекарыстання (з іх лясы складалі 48,8 %, лугі 19,8 %, неўжыткі 24,1 %, ворная зямля 7,3 %), сярэдні памер маёнтка складаў 3 076 га [15, с. 130]. Найбольш распаўсюджанымі на 1924 г. у памешчыцкім землеўладанні на Палессі былі грунты IV класа, якія абкладаліся зямельным падаткам у памеры 2,10 злотых з га, што было на той час самым нізкім паказчыкам па ўсёй Польшчы. Таму кошт палескай зямлі істотна саступаў нават суседняй Валыні – напрыклад, у 1928 г. 1 га найлепшай зямлі (пшанічна-бураковай) каштаваў тут усяго 1 020 злотых, у той час як у Валынскім ваяводстве ўдвая даражэй (2 160 злотых) [14, с. 133], [17, с. 112]. Акрамя таго, зямельны падатак у Палескім ваяводстве быў самым нізкім у тагачаснай Польшчы [15, с. 58]. Аб памеры памешчыцкіх маёнткаў на Палессі і іх падаткаабкладанні на 1921 г. сведчыць наступная табліца [11, с. 78, 89]:

Памер, у га	Колькасць	Агульная плошча, у га	У сярэднім на маёнтка, га	Падатак з 1 га, у злотых	Падатак з 1 маёнтка, у злотых
Усяго	856	476 158	556	–	–
50–100	180	8 752	48	7,17	344,1
100–200	142	14 117	99	10,81	1 077,1
200–300	81	12 915	159	13,43	2 135,3
300–400	55	12 525	227	14,03	3 184,8
400–500	41	12 064	294	14,03	4 124,8
500–1000	107	43 573	407	15,72	639,0
> 1 000	250	372 212	1 488	19,38	28 837,4

Паводле звестак наступнага ўсепольскага перапісу 1931 г. на Палессі налічвалася 968 гаспадарак больш за 100 га (з іх 202 абшарам больш за 1 000 і 16 больш за 10 000 га). У большасці выпадкаў яны знаходзіліся на багніста-лясістай частцы Палесся, таму калі вялікія гас-

падаркі плошчай больш 50 га на 1937 г. ахоплівалі 38,6 % усяго рэгіёна, то ў адносінах да ворнай зямлі гэты паказчык складаў 22 % [14, s. 132–133]. Паводле звестак В.М. Папко на 1931 г. у Палескім ваяводстве памешчыкам належала 38,6 % сельскагаспадарчых зямель (другое месца пасля Познаньскага ваяводства, дзе гэты паказчык складаў 41,6 %), на той час як дробныя гаспадаркі ахоплівалі 42,5 % [9, с. 118]. Сітуацыя з памешчыцкім землеўладаннем Палесся ў параўнанні з суседнімі ваяводствамі і сярэднімі паказчыкамі па Польшчы на 1931 г. выглядала наступным чынам (у %) [16, s. 27]:

Ваяводства	Гаспадаркі да 50 га		Гаспадаркі звыш 50 га		% насельніцтва
	Ад агульнай плошчы землекарыстання	Ворныя землі	Ад агульнай плошчы землекарыстання	Ворныя землі	
Польшча	57,6	80,3	25,8	17,3	0,5
Віленскае	57,9	81,6	28,3	16,6	0,8
Навагрудскае	57,9	84,6	27,2	13,9	0,5
Палескае	42,5	85,7	38,6	11,8	0,3

У цэлым на Палессі памешчыцкія маёнткі былі як правіла больш вялікімі па плошчы, але пры гэтым доля ворных зямель заставалася меншай з-за агульнай забягненасці [1, с. 75]. Паводле звестак на 1939 г. сярэдні памер маёнтка ў Польшчы складаў 522 га, у той час як на Палессі аж 2 121 га [2, с. 110]. У параўнанні з памешчыцкімі гаспадаркамі ў іншых ваяводствах тагачаснай Польшчы асноўную долю землеўладання тут складалі не ворныя землі, а лес, які ўвесь час заставаўся надзвычай запатрабаваным таварам і крыніцай асноўнага багацця памешчыкаў [13, s. 103], [17, s. 112].

Заклучэнне. Памешчыкі адыгрывалі ў 1921–1939 гг. у сельскай гаспадарцы Палескага ваяводства вырашальную ролю, іх маёнткі дзякуючы цяжкай працы навакольнага сялянства з’яўляліся галоўнымі вытворчымі цэнтрамі. Разам з тым сацыяльны склад памешчыкаў не быў аднародным, у залежнасці ад ступені землеўладання выдзяляліся тры іх асноўныя групы (да 100 га, 100–1 000 га, больш 1 000 га), якія даволі рэзка адрозніваліся грамадскім уплывам, адносінамі да жыцця, выхавання дзяцей і ўзаема сувязямі з навакольным сялянствам. У параўнанні з землямі памешчыкаў суседніх ваяводстваў на Палессі ворныя землі былі істотна горшай якасці, што сур’ёзна зніжала агульны матэрыяльны дабрабыт мясцовых землеўласнікаў.

Літаратура

1. Гольдштейн, И. И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии / И. И. Гольдштейн. – М. : Соцгиз, 1940. – 296 с.
2. Сильванович, С. А. Планы и реальность польской политики на Полесье в 1921–1939 гг. / С. А. Сильванович // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : матер. IV Междунар. научно-практ. конф., Пинск, 20–22 мая 2010 г. : в 2 ч. / ПолесГУ ; редкол.: К. К. Шебеко (гл. ред.) [и др.] – Пинск, 2010. – Ч. 2. – С. 108–110.
3. Цымбал, А. Г. Палессе ў палітыцы польскіх улад (1921–1939) у адлюстраванні польскай гістарыяграфіі / А. Г. Цымбал // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць. – Мінск. : МДЛУ, 2018. – Вып. 16. – С. 63–68.
4. Чарнякевіч, І. С. Палессе ў навуковай і грамадскай думцы ў міжваенны перыяд / І. С. Чарнякевіч // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнац. і міждзярж. адносіны : зб. нав. артыкулаў. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. – Вып. 3. – С. 140–144.
5. Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1972. – 334 с.
6. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 199 с.
7. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 110 с.
8. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 205 с.
9. Папко, В. М. Род Дзяконскіх і іх маёнткі на Брэстчыне ў XIX–XX стст. / В. М. Папко. – Брэст : Альтернатива, 2011. – 245 с.

10. Мисиюк, В. С. Крупные землевладельцы Западной Белоруссии в контексте общественной трансформации (1921–1939) / В. С. Мисиюк // Системная трансформация общества : сб. науч. трудов каф. соц.-гум. наук. – Брест : БрГТУ, 2015. – С. 62–66.
11. Galka, B. W. Ziemiańskie i ich organizacje w Polsce lat 1918–1939 / B. W. Galka. – Toruń : Adam Marszałek, 1999. – 214 s.
12. Waclawikova, J. Literacki obraz ziemiaństwa polskiego w wybranej literaturze pamiętnikarskiej / J. Waclawikova. – Olomouc, 2016. – S. 1–93.
13. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia, 1921–1939 : zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : Państw. Wydaw. Nauk., 1963. – 208 s.
14. Śleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 335 s.
15. Cichoracki, P. Województwo Poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW ; Wrocław : IH Uniw. Wrocławskiego, 2014. – 477 s.
16. Tomczonek, Z. Ruch ludowy na kresach północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej / Z. Tomczonek. – Białystok : Wydaw. Politech. Białostockiej, 1996. – 247 s.
17. Tomczonek, Z. Wies poleska 1918–1939 / Z. Tomczonek // Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёну Беларусі : матэр. Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 красавіка 1998 г. : у 2 ч. ; навук. рэд.: С. В. Арцёменка [і інш.]. – Брэст, 1998. – Ч. 2. – С. 110–115.
18. Lichorowicz, A. Polskie reformy rolne 1920–1944 a ziemiaństwo / A. Lichorowicz // Dziedzictwo : ziemiańskie polscy i udział ich w życiu narodu. – Kraków : Znak, 1996. – S. 85–97.
19. Żarnowski, J. Społeczeństwo Polski międzywojennej / J. Żarnowski. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1969. – 173 s.
20. Spis ziemian Rzeczypospolitej Polskiej w roku 1930 : Województwo Poleskie. Województwo Wołyńskie / Oprac.: T. Epsztein, Sl. Gorzynski. – Warszawa : DiG, 1996. – 76 s.
21. Ziemiańskie : pomiędzy rzeczywistością a wspomnieniem / wstęp: T. Chrzanowski. – Kraków : Znak, 1998. – 183 s.
22. Вабішчэвіч, М. А. Спецыфіка становішча палякаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / А. М. Вабішчэвіч // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2008. – № 4 (49). – С. 124–131.
23. Żukowski, J. Kulturotwórcza rola ziemiaństwa poleskiego II Rzeczypospolitej [Zasoby elektroniczne] / J. Żukowski. – Tryb dostępu : https://www.cbr.gov.pl/images/pdf/XIV_fnr/referaty/Zukowski-Polesie.pdf. – Data dostępu : 17.11.2022.
24. Wasilewski, H. Czar mojego Polesia: wspomnienia o Kresach Wschodnich : zabytki, cmentarze, leśne i przydrożne mogiły to świadectwa polskiej historii Polesia / H. Wasilewski. – Wrocław : NORTOM, 2007. – 55 s.
25. Piekarski, T. Przejawy życia codziennego ziemian Mazowsza Półockiego w okresie międzywojennym / T. Piekarski // Notatki Płockie. – 2012. – № 3. – S. 7–13.

Вобраз Польшчы ва ўспрыманні беларусаў у XVI–XVII стст.

А.М. КРОТАЎ

Артыкул прысвечаны генезісу ва ўспрыманні беларусаў у XVI–XVII стст. вобраза Польшчы. Аўтар робіць выснову, што прадстаўнікі адукаванай часткі грамадства Вялікага Княства Літоўскага самаўхіліліся ад папулярызавання ў беларускім асяроддзі пазітыўнага іміджу Польшчы, які існаваў у польскай шляхецкай культуры. Той жа вобраз, які пачаў фарміравацца ў аўтэнтчным беларускім асяроддзі, грунтаваўся на прадурэжысці, выкліканай польскім дамінаваннем у Беларусі.

Ключавыя словы: беларусы, этнацыянальнае светаўспрыманне, менталітэт, вобраз Польшчы, наратыўная традыцыя.

The article is devoted to the genesis of the image of Poland in the perception of Belarusians in the 16th–17th centuries. The author concludes that representatives of the educated part of the society of the Grand Duchy of Lithuania withdrew themselves from the popularization of the positive image of Poland in the Belarusian environment, which existed in the Polish gentry culture. The same image that began to form in the authentic Belarusian environment was based on the prejudice caused by the Polish predominance in Belarus.

Keywords: Belarusians, ethno-national worldview, mentality, image of Poland, narrative tradition.

Гістарычныя лёсы Беларусі і беларусаў звязаны з гістарычнымі лёсамі суседніх народаў і краін. Адлюстраваннем гэтых сувязей, эмацыйна-псіхалагічнай рэакцыяй на іх з’яўляюцца вобразы гэтых народаў і краін, якія сфарміраваліся ва ўспрыманні беларусаў, замацаваліся ў іх масавай свядомасці і сталі часткай нацыянальнай карціны свету. Гэтыя вобразы з’яўляюцца квінтэсенцыяй шматвяковага вопыту міжэтнічных стасункаў, а таксама важным канструктам для фарміравання міжнародных і міждзяржаўных адносін у сучаснасці.

Відавочна, што адным з самых развітых і разам з тым актуальных для беларусаў вобразаў з’яўляецца вобраз Польшчы, сфарміраваны пасля аднаўлення яе незалежнасці ў 1918 г. Аднак што паслужыла яго базай? Ці існаваў ва ўспрыманні беларусаў такі (ці не зусім такі) вобраз у папярэдні перыяд? Якія ён меў характарыстыкі, калі існаваў?

Паколькі адказаў на гэтыя пытанні ў навуковай літаратуры няма, а актуальнасць праблемы відавочная, можна лічыць, што пошукі гэтых адказаў з’яўляюцца спробай рашэння абумоўленых яе актуальнасцю навукова-даследчыцкіх задач.

Вельмі часта ў практыцы камунікацыйных дысцыплін паміж дэфініцыямі «вобраз» і «імідж» ставіцца знак роўнасці, аднак адрозненне ўсё ж існуе. Пад вобразам, як правіла, разумеецца суб’ектыўна ўспрынятае «адлюстраванне» чаго-небудзь, уяўленне пра што-небудзь [1]. Яно з’яўляецца стыхійным. Ва ўсякім разе, пакуль яго мэтай не становіцца развіццё камунікацыі. Апошняе прадугледжвае карэкцыю вобраза, які склаўся ва ўспрыманні, у бок пазітывізацыі ці нават ідэалізацыі. У практыцы грамадска-палітычных адносін, у тым ліку адносін міжнацыянальных і міждзяржаўных, такі мэтанакіравана створаны вобраз называюць «іміджам». Гэта інструментальны вобраз, прызначаны для ўдасканалення прадстаўлення таго, хто ўспрымае, аб прадмеце ўспрымання.

Уяўляецца, што прадмет нашага інтарэсу – вобраз Польшчы, які склаўся ва ўспрыманні беларусаў у XVI–XVII стст. – не з’яўляецца яе іміджам, хаця, безумоўна, палякі спрабавалі максімальна блізка «падвесці» ўяўленне беларусаў аб Польшчы да нейкага ідэальнага яе вобраза, які ствараўся імі мэтанакіравана.

Псіхалагі сцвярджаюць, што ўсё, што ўспрымаецца чалавекам, паўстае перад ім у выглядзе цэласных вобразаў, якія з’яўляюцца складанымі комплекснымі сістэмамі. У іх аб’ядноўваюцца ізаляваныя адчуванні, атрыманыя ад розных органаў пачуццяў. Адбываецца іх цэласнае ўспрыманне. Аднак гэта не проста падсумоўванне адчуванняў. Задзейнічаны папярэдні вопыт, працэсы асэнсавання таго, што ўспрымаецца, г. зн. у працэсе ўспрымання ўключаюцца такія псіхічныя працэсы, як памяць і мысленне.

Фарміраванне вобраза Польшчы, зразумела, у сілу яго нематэрыяльнай спецыфікі, толькі ў агульных рысах адпавядае гэтаму апісанню. Вызначальную ролю ў гэтым працэсе адыгрывалі памяць і мысленне. Акрамя таго, дадзены вобраз фарміраваўся адначасова і ўзаемазвязана з вобразам палякаў. Па дадзенай прычыне ў вобраз Польшчы, аб якой беларусы не мелі выразнага ўяўлення, інтэгрваліся некаторыя рысы вобраза палякаў, якія рэпрэзентавалі ў Беларусі сваю краіну. Рэпрэзентацыя, як вядома, уяўляе сабой інструмент апасродкаванага пазнання аб'екта (у нашым выпадку – Польшчы) з дапамогай апісання вобраза іншага аб'екта, неразрыўна звязанага з першым (у нашым выпадку – палякаў). Яна дазваляе бачыць тое, што адсутнічае ў прамым успрыманні суб'екта пазнання [1].

Інакш кажучы, уражанне, якое выклікалі ў беларусаў палякі, пэўным чынам трансфармавалася ў іх мысленні, пераўтвараючыся ў комплекснае ўспрыманне і іх саміх, і іх радзімы. Фарміраваўся вобраз, асновай якога, як і любога іншага гетэравобраза, з'яўлялася прадудзятасць. У дадзеным выпадку прадудзятасць была звязана з сацыяльна-палітычным, эканамічным і культурным ушчамленнем беларусаў палітычна пануючым саслоўем – шляхтай, якая ва ўспрыманні апошніх асацыявалася з палякамі і Польшчай. У калектыўным уяўленні беларусаў гэты вопыт пераўтвараўся, абагульняўся, дапаўняўся.

Вобраз краіны, з якой прыходзілі мігранты, абапіраўся на вопыт адносін з імі, на тэя, пачуцці, перажыванні, якія гэтыя адносіны давалі. Дзякуючы перажыванням ён набываў спецыфічную эмацыйна-псіхалагічную афарбоўку. Уяўленне яго стваральнікаў, у сілу стыхійнасці працэсу вобразатворчасці, не было скавана задачай ацэнкі правільнасці таго, што вольна прадудзятасць ў грамадскай падсвядомасці беларусаў.

Любы этнанацыянальны вобраз неаб'ектыўны, бо не з'яўляецца навуковым веданнем аб аб'екце ўспрымання. Гэта іх эрзац. Аднак у вышэйшай ступені актуальны для тых, у каго ён стаіць на «ўзбраенні». Менавіта да нацыянальных вобразаў і стэрэатыпаў людзі звяртаюцца па розных актуальных для сябе нагодах у паўсядзённым жыцці. Таму што ў іх увасабляецца тое, што часта называюць «жыццёвай мудрасцю». Апошняя абапіраецца на жыццёвы вопыт продкаў і не залежыць ад фармальнай адукацыі.

Этнанацыянальныя вобразы, як правіла, захоўваюцца на штодзённым узроўні масавай свядомасці людзей. Яны перманентна прысутнічаюць у іх жыцці, выконваючы ахоўную, абарончую функцыю. Служаць своеасаблівым антыдотам, які супрацьдзейнічае атручванню этнасацыяльнага арганізма згубнымі для яго іншакультурнымі ўплывамі і пагібелі. У звычайным жыцці яны знаходзяцца ў стане анабіёзу, аднак у сітуацыі канфлікту адбываецца іх рэінкарнацыя і актыўнае ўкараненне ў інструментарый, які выкарыстоўваецца ў ідэалагічнай і прапагандысцкай рабоце, у так званым «сацыяльным заражэнні».

Гэта ў поўнай меры датычыцца вобраза Польшчы, генезіс якога стаў своеасаблівай рэакцыяй тытульнага насельніцтва Беларусі на наплыў палякаў на яе землі, асяданне на іх і ўстанаўленне польскага дамінавання. Польскі фактар, як фактар знешні, чужынскі, садзейнічаў абуджэнню этнічнай самасвядомасці беларусаў, асэнсаванню імі сваёй этнічнай асобнасці, адметнасці ад іншых. Палякі не толькі адчувалі сябе гаспадарамі на беларускай зямлі, яны дэманстравалі гэта беларускаму «хлопу», выклікаючы адпаведныя пачуцці ў яго душы, прадудзятасць. Апошняя, як уяўляецца, стала асновай успрымання беларусамі і той краіны, адкуль гэтыя мігранты прыходзілі, – Польшчы.

Вобраз яе, які пачаў фарміравацца ў беларускім этнакультурным асяроддзі, з'яўляўся своеасаблівым прадуктам грамадска-культурнай думкі беларусаў. Ён ствараўся ў іх этнанацыянальным інфармацыйным полі і актуальнасць сваю меў толькі ў яго межах. Гэта быў своеасаблівы псіхаэнергетычны аб'ект, які падсілкоўваўся пачуццямі, эмоцыямі беларусаў. Яго фарміраванне было заснавана на іх жыццёвым вопыце і звязаных з ім ведах. Часткай апошніх былі таксама «веды» аб Польшчы, атрыманыя ў спадчыну ад папярэдніх пакаленняў.

Аналіз гістарычных крыніц, аснову якіх складаюць помнікі старабеларускай літаратуры, беларуска-літоўскія летапісы і хронікі, дазваляе меркаваць аб тым, што першыя звесткі аб Польшчы беларусы атрымалі ад саміх палякаў. Апошнія ж транслявалі на Беларусь фантазійна-эпічнае, пафаснае ўспрыманне сваёй айчыны, уласцівае польскай шляхце. Акрамя таго, ствараемы яе ідэалагамі фантазійны вобраз Польшчы з'яўляўся сродкам псіхалагічнага ўздзеяння на «варвараў». Укараненне яго ў іх масавай свядомасці служыла б мэтам польскай

экспансіі на ўсход. Аднак жа на справе з самых пачаткаў працэсу яднання Польскага каралеўства і ВКЛ усё складвалася інакш: выхадцы з беларускіх зямель, аддаючы даніну польскай традыцыі, імкнуліся рэпрэзентаваць малавядомыя для польскага і, у ідэале, заходнееўрапейскага чытача, невядомыя яму беларуска-літоўскія землі.

Першым з іх быў беларуска-польскі лацінамоўны паэт эпохі Рэнэсансу Ян Вісліцкі (каля 1480–1520-я гг.), народжаны, як ён сам казаў, у цэнтры «варварства» (хутчэй за ўсё, на тэрыторыі летапіснай Літвы, паміж Клёцкам і Пінскам, дзе цячэ р. Вісліца) [2, с. 339]. У сваёй паэме «Пруская вайна» (1516 г.) ён прадставіў шырокую панараму велічнай гісторыі Айчыны, у вобразе якой зліліся Польшча, якая яго выхавала, і Літва з яе беларускімі землямі.

У экспазіцыі першай кнігі паэмы Ян Вісліцкі малое вобраз вялізнай краіны, населенай рознымі народамі, якія «мелі розныя мовы і норавы, розныя войскі і зброю»: «Многія землі ў сабе замыкае з адрозным найменнем. / Тытул даўнейшы – Сарматыя – даў ёй сусед, бо не ведаў: / Лёсам прызначана ёй па заслугах Палоніяў звацца. / Люд, што сябе на мове спрадвечнай палякамі кліча» [3]. Стваральнікам і самым першым яе ўладаром паэт называе Леха, які сілай усе гэтыя народы падначаліў «польскаму роду» [3]. Следам за Лехам краінай правіў Крак: «Шчыра адданы патрон свайго краю, народа і ўлады. / Вельмі высока ўзнёс ён сваю каралеўскую годнасць, / Бо захапіў гарады непадступныя блізкіх народаў» [3].

Аб «прасторы Літвы» – таго краю, адкуль паходзіў заснавальнік новай каралеўскай дынастыі Ягайла, Ян Вісліцкі расказвае ў другой кнізе сваёй паэмы: «Ёсць нязведаны край, славу ты сваімі лясамі, / Ён уладанні шырока раскінуў да скіфскіх прастораў; / Плодны, квітнее лугамі, цячэ ў ім струмень меданосны: / Край на народы багаты, таксама й на вояў адважных. / Простым найменнем – зямлёю Літоўскай – краіну назвалі» [3]. Дарэчы, гэта было першае прадстаўленне ў літаратуры «беларуска-літоўскага набору» прыродных багаццяў, які стане мастацкай тэмай у творах польскіх паэтаў наступных часоў [4, с. 64].

Як піша Ян Вісліцкі, князь Ягайла «сілаю Марса» ўсталяваў уладу літоўцаў «там, дзе народы за сінняй прастораю вод Барысфена побач жылі» [3]. Сярод гэтых народаў паэт называе «тартарыкаў» (намадаў, татар), якія «спрытна валодаюць хуткімі стрэламі, выгнутаі шабляй», «масагетаў» (хутчэй за ўсё, пад масагетамі аўтар меў на ўвазе жмудзінаў), а таксама «белых русінаў», якія «вельмі слаўныя мужнасцю ў войнах». Пад «белымі русінамі» Ян Вісліцкі, хутчэй за ўсё, меў на ўвазе жыхароў таго самага рэгіёна, які пазней вызначаў як «Alba Russia» («Белая Русь») [3], [4, с. 65–66]. Выкарыстанне Я. Вісліцкім этноніма «белыя русіны» з’яўляецца першым выпадкам выкарыстання гэтага тэрміна ў літаратуры. Як саманазва выхадцаў з сучаснай этнічнай тэрыторыі беларусаў ён будзе зафіксаваны пісьмова толькі ў 1586 г., калі яго выкарыстаў у адносінах да сябе паэт-лацініст Саламон Рысінскі.

Менавіта ў краіне «белых русінаў» Уладзіслаў Ягайла знайшоў сабе жонку – Соф’ю Гальшанскую, якая стала родапачынальніцай дынастыі Ягелонаў. «Чароўная німфа ў краіне русінаў», як яе называе Я. Вісліцкі, паходзіла з роду беларускіх князёў Гальшанскіх. За Ягайла замуж яна выйшла ў 1422 г., ледзь дасягнуўшы паўналецця. Гэтая выбранніца «багоў алімпійскіх», як яе называе паэт, стаўшы каралевай, нарадзіла каралю трох сыноў, двое з якіх – Уладзіслаў і Казімір – сталі спадкаемцамі трона. Дарэчы, папярэдніх жонак Ягайлы (у тым ліку і славутую Ядзвігу) Ян Вісліцкі нават не ўспамінае.

У гэты ж час другі ўраджэнец Беларусі (нарадзіўся дзесьці ў цэнтральнай яе частцы ў сям’і лесніка-паляўнічага), беларускі і польскі паэт, гуманіст і асветнік Мікола Гусоўскі (1470-я – пасля 1533 г.), напісаў паэму «Песня пра постаць, дзікасць зубра і паляванне на яго» («Песню пра зубра») (1522 г.), якая стала першай у гісторыі беларускай літаратуры патрыятычнай песняй пра Беларусь, роздумам пра яе лёс, яе месца на шляхах гісторыі. Даючы каштоўныя звесткі пра яе прыроду, пра заняткі, звычаі і побыт, светапогляд продкаў яе жыхароў, паэт канстатуе сумотную рэальнасць часу, у якім яму прыходзілася жыць: «Мы – шчэ натоўп, грамада непісьменная, цемра. / Князь і баяры – усе, каму льга заступіцца, / Глухі да нас і не горай, чым жорсткі татарын, / Душаць пятлёй галасы абурэння ў народзе. / Плаха і кат-выканаўца – вось доля любога, / Хто пастаяць за закон і за Бога азваўся» [5, с. 365]. Паэт моліць Багародзіцу абараніць край і просіць яе заступіцца за сваіх дзяцей, вярнуць раўнавагу князям, якія ў сваіх міжусобіцах людскою крывёю замуцілі сабе розум, напамніць ім аб іх «злачынна забытых» абавязках [5, с. 365].

І хаця М. Гусоўскі піша аб агульным супрацьстаянні хрысціянства і асманаў, што зразумела – паэма першапачаткова была прызначана для папы рымскага Льва X – увага паэта факсіруецца на сітуацыі, якая склалася на яго родных землях. На яго думку, яднанне з Польшчай для ВКЛ не стала панацэяй – яно не дало апошняму ні большай стабільнасці, ні большай бяспекі. Таму ідэал Гусоўскага ляжыць у мінулым – у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, княжанне Вітаўта для якога было «залатым векам».

Дарэчы, жыццёвы шлях М. Гусоўскага, які знайшоў сабе пратэктараў за межамі Беларусі і, страціўшы іх па розных абставінах, скончыў жыццё ў галечы і забыцці, не стаў узорам для іншых беларускіх паэтаў і навукоўцаў. Адкінуўшы думку аб служэнні царкве, яны выкарыстоўвалі адзіную магчымасць заняцца творчасцю: паступалі на службу да феадалаў і станавіліся прыдворнымі пісьменнікамі [6, с. 5]. Да іх ліку адносіцца і ўзгаданы вышэй Саламон Рысінскі, які стаў першым, хто пісьмова назваў сябе беларусам – Solomo Pantherus Leucorussus. Ён нарадзіўся ў мястэчку Кабыльнік (найбольш верагодна, гэта сучасны аграгарадок Нарач у Мядзельскім раёне). У тэксце сваёй паэмы «Leukorossia» (лацін. транскрыпцыя грэч. слова Λευκορωσία – Беларусія) Беларуссю ён называў сваю малую радзіму – Полаччыну. Нельга пры гэтым не заўважыць, што Рысінскі пасля гэтага ўжываў і подпіс Solomo Rysinius Sarmata («Сармат») [7], што сведчыць аб яго культурнай і ідэалагічнай арыентацыі на Польшчу. І яшчэ аб тым, што ў ранні Новы час, як і ў Сярэднявеччы, навукоўцы, паэты, мастакі, музыкі, звычайна цешылі, прыхарошвалі жыццё вяльможай – адзіных іх паўнаўладных кармільцаў і папячыцеляў. Пазбаўленыя маёмаснай незалежнасці, яны павінны былі ўлічваць пажаданні і перавагі магнатаў. Так і Рысінскі, які пасля 1600 г. служыў князю Хрыстафору Радзівілу Перуну ў якасці прыдворнага паэта і перакладчыка, а таксама выхавальніка сына князя – Януша, вымушаны быў перагледзіць сваю культурную самаідэнтыфікацыю. Усхваляючы ў сваіх вершах подзвігі войска Хрыстафора Мікалая Радзівіла Перуна, Рысінскі пацісьняваў яго як незалежнага доблеснага палкаводца: «Сябар караля з Сарматыі князь Радзівіл з’явіўся, / Слава вялікая, сцяг і сіла літоўскай зямлі» [8, с. 64]. Называючы Радзівіла «сябарам караля», а не яго слугой, Рысінскі ўвогуле не прымаў пад увагу тое, што магнат дзейнічаў у інтарэсах Польскай Кароны. Відавочна, што ён, як і ўсе тыя, хто займаўся фарміраваннем грамадскай думкі ў ВКЛ у час Лівонскай вайны 1558–1583 гг., не паспяваў за зрухамі, якія адбываліся ва ўсходнееўрапейскай міжнароднай палітыцы.

Збліжэнне ВКЛ з Польскім каралеўствам, якое пачалося ўжо даўно, здавалася, канчатковы вынік магло мець толькі ў вельмі аддаленай перспектыве. Аднак менавіта ў гэты час, у выніку перананпружання сілаў ВКЛ у барацьбе з Расіяй, правячыя ў ВКЛ колы такі вырашыліся на канчатковае аб’яднанне двух дзяржаў, што і адбылося ў выніку заключэння Люблінскай уніі ў 1569 г. Ратуючыся з дапамогай аб’яднання з Польшчай ад паражэння ў вайне, ВКЛ апынулася на шляху павольнага паглынання сябе Польскай Каронай.

Што ж тычыцца стаўлення Рысінскага да Польшчы, ускосна аб ім сведчыць, напрыклад, яго ліст да Д. Бучынскага: «Не ведаю, якой саладосцю родная зямля ўсіх вабіць і не дазваляе пра сябе забыцца <...> але, <...> калі ёсць вельмі зручны выпадак вынесці ногі з гнязда і <...> галаву высуnúць вонкі, хочацца насычанаму айчынным духам паветрам панюхаць і духа іншаземнага» [6, с. 31]. Пры гэтым Рысінскі захапляўся не польскімі гарадамі, а германскімі – Лейпцыгам, Дылінгенам, Аўгсбургам і інш. [6, с. 31, 39–40]. Напэўна, ён не лічыў Польшчу чужой краінай, альбо не бачыў там нічога такога, што магло б яго захапіць. Метадам выключэння атрымліваецца, што душой і сэрцам ён быў звязаны з Беларуссю. Калі ж яму хацелася «панюхаць духа іншаземнага», ён ездзіў у Германію. А з Польшчаю яго пачуцці і імкненні не былі звязаны ўвогуле.

Пры гэтым нельга не адзначыць, што Рысінскі быў вельмі захоплены польскай мовай, ці, як ён яе называў, – «мовай сарматаў» [6, с. 45–50]. Паэт пісаў аб унікальных здольнасцях палякаў да вывучэння чужых моў, нават называў іх «прыроджанымі аратарамі» [6, с. 47].

Пасля заключэння уніі ў грамадска-палітычным жыцці ВКЛ пачаліся перамены, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў старабеларускай літаратуры. Асэнсаванне іх адным са сваіх вынікаў мела далейшае развіццё стаўлення беларусаў да Польшчы, квінтэсэнцыяй якога стаў той яе вобраз, які складваўся ў іх калектыўным менталітэце.

У прыватнасці, Філон Кміта-Чарнабыльскі, які падчас Лівонскай вайны камандаваў войскамі на ўсходняй мяжы ВКЛ, у лісце да падканцлера вялікага літоўскага і кашталяна

троцкага Астафея Валовіча, датаваным 5 жніўня 1574 г., г. зн. праз 5 гадоў пасля заключэння Люблінскай уніі, паведамляе апошняму аб вельмі неспрыяльным стаўленні некаторых сена-тараў да палякаў і Польшчы: «Ино некоторые мовят: “Не дай Бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову!”». Давно резать почали литвина. И тот, де, с прырожения природы <...> просто як овца...» [9, с. 422]. Дарэчы, гэта пераклікаецца з тымі патрыятычнымі, незалежніцкімі настроямі ў беларуска-літоўскім грамадстве, якія выяўляюць сябе, напрыклад, у вершы Андрэя Волана «Да палякаў і да ліцвінаў», напісаным напярэдадні заключэння Люблінскай уніі: «Ганьбу поляк з няволей цягне да ліцвіна» [10, с. 516].

Аўтар «Гутаркі аднаго Паляка з Маскалём на Маскоўскім замку ў годзе 1601» Гальяш Пельгрымоўскі [11, с. 501–506] праз дыялог удзельніка літоўскага пасольства Івана і маскоўскага баярына Ігната супастаўляе і проціпастаўляе дзве сістэмы светаўспрымання і разумення праблем тагачаснага грамадска-палітычнага жыцця ў ВКЛ і Маскоўскай дзяржаве, дзве палітычныя сістэмы. Такім чынам, у яго творы Польшча (хаця размова ідзе пра Рэч Паспалітую, аўтар добра разумее, які складнік гэтага саюза з’яўляецца дамінуючым) выступае не як краіна, а як дзяржаўна-палітычная сістэма і лад жыцця.

Зразумела, што і Г. Пельгрымоўскі (нарадзіўся ён, магчыма, у Ашмянскім павеце, атрымаў добрую адукацыю, што дазволіла яму працаваць у каралеўскай канцылярыі), і іншыя беларускія літаратары, якія карысталіся з міласці магнатаў, ва ўмовах польскага дамінавання пазбягалі таго, каб даваць свае ацэнкі палякам і Польшчы, каментуючы тое, што адбывалася, з выкарыстаннем вобразаў і характарыстык, якія стыхійна нараджаліся ў народзе. Аднак тыя патрыятычныя матывы, якія прысутнічаюць у творчасці некаторых з іх, ускосна сведчаць аб непрыязным стаўленні да распаўсюджвання на беларускія землі польскіх ідэалагічных уплываў, імкненні супрацьпаставіць ім свае ўласныя каштоўнасці і перавагі.

Што ж тычыцца перспектывы культурных запазычанняў, то стаўленне да іх было даволі прагматычным. Польшча, дзякуючы сваёй інтэгранасці ў еўрапейскую культуру, стала своеасаблівым пасярэднікам у справе распаўсюджвання на Беларусь дасягненняў еўрапейскай культуры XVI–XVII стст. У вядомым сэнсе, дзякуючы ўздзеянню еўрапейскіх уплываў на дзеячаў культуры – выхадцаў з Беларусі, апошнія аказваліся запатрабаванымі нават у Расіі. Як, напрыклад, Сімяон Полацкі, які сфарміраваўся як філосаф і літаратар ў культурнай і інтэлектуальнай атмасферы ВКЛ. Яго рэзкая адмоўная рэакцыя на паланізацыю Беларусі выявілася не толькі ў яго паэтычных творах у гонар цара Аляксея Міхайлавіча, але і ў тым, што, пакінуўшы радзіму, ён пераехаў у 1664 г. у Маскву, дзе атрымаў магчымасць займацца педагогічнай і асветніцкай дзейнасцю. С. Полацкі быў запатрабаваны ў Расіі, наперад усяго, як асветнік, рэтранслятар еўрапейскіх культурных уплываў. Што ж тычыцца яго стаўлення да Польшчы, то яно вынікае не з яго літаратурных твораў, а з яго жыццёвай пазіцыі.

У ананімным сатырычным творы «Прамова Мялешкі», складзеным каля 20–30-х гг. XVII ст., невядомы беларускі шляхціц, добра знаёмы з палітычным жыццём і нормаў кара-леўскага двара, з засіллем палякаў у Вялікім Княстве Літоўскім, піша, што карыстаючыся цяжкім становішчам ВКЛ у час Лівонскай вайны, Польшча ўвяла свае войскі ў Валынь і на Падляшша, і далучыла гэтыя землі да Кароны: «Речи Посполитую губят! Волынь з Подлясем пропал нам! Знаю, нам приступило, што ходим как подьваренные, бо ся их боимо, правды не мовимо, еше з похлебными языками потакаемо» [12, с. 676]. Аўтар «Прамовы», такім чынам, заяўляе аб Польшчы як аб агрэсары, які не толькі захапіў тэрыторыі ВКЛ, але і стварыў парадкі, якія шкодзілі пачуццю чалавечай і этнічнай годнасці беларусаў. Пры гэтым Польшча для яго, наперад усяго, – краіна ляхаў. Менавіта там нараджаюцца, выходзяць, напітваюцца «духам польскім» тыя людзі, якія прыходзяць потым на Беларусь і ўвасабляюць сабою і ўсімі сваімі якасцямі гэтае этнакультурнае гняздо.

У працэсе рэканструкцыі вобраза Польшчы, які склаўся ва ўспрыманні беларусаў у XVI–XVII стст., нельга не звярнуць увагу на беларуска-літоўскія летапісы і хронікі. У прыватнасці, на «Хроніку Быхаўца», якая з’яўляецца выдатным помнікам беларуска-літоўскага летапісання XVI ст. Адлюстроўваючы значныя моманты ў гісторыі ВКЛ, «Хроніка» выклікае ў чытачоў пачуццё гонару за мінуўшчыну Беларусі. У ёй праяўляе сябе моцная антыпольская тэндэнцыя, якая, дарэчы, з’яўляецца адной з характэрных асаблівасцей ідэйнай пазіцыі

храніста, безумоўна, цесна звязанага з літоўска-беларускімі арыстакратамі. Адлюстроўваючы іх настроі і погляды, ён дэманструе непрыязнае стаўленне да Польшчы, у вобразе якой бачыў галоўнага ворага палітычнай незалежнасці ВКЛ.

Паколькі пісаць дрэннае аб Польшчы было нельга, а добрае – уласныя перакананні храністу не дазвалялі, аб ўспрыманні ім Польшчы можна меркаваць толькі па ўскосных дадзеных. Так, напрыклад, паведамляючы аб намеры Ягайлы ўзяць сабе новую жонку – Соф’ю Гальшанскую (Друцкую), храніст старанна пазбягае выкарыстання слова «Польшча»: «И просил Ягойло Витольта, мовячы тым обычаем: “Мел есьми за собою тры жоны, две ляховицы, а третью немкиню, а плоду есьми с ними не мел; а тепер прошу тебе, зьеднай ми у князя Семена сестрычну его меншую Софию, иж бы ее за себе понял, а з поколения руского, ачей бы ми Бог плод дал” <...> И потом король Ягойло прыслал панов знаменитых з Ляхов, и взявши княжну Зофею отнесли до него до Кракова» [13, с. 384].

Тое, напрыклад, што храніст, расказваючы аб прыездзе караля Казіміра ў Літву ў 1486 г. («бывшы в Лясах, прыехал до Литвы»), называе яе менавіта Літвою, а аб Польшчы гаворыць як быццам мімаходзь – «в Лясах» [13, с. 392] – гаворыць аб розных ступенях каштоўнасці гэтых краін для храніста, роўна як і аб розным эмацыянальным стаўленні да іх. І гэта тычылася не толькі храніста: «А потом был король Казимир у Великом княстве Литовском сем год, бо радней мешкивал у Великом княстве, нишли в Лясах <...> А потом поехал до Ляхов и был в Лясах год, и прыехал до Литвы к Великому княству на столец, до Вильни, и был у Вильни год» [13, с. 392].

Такім чынам, можна сцвярджаць, што ў генезісе ва ўспрыманні беларусаў у XVI–XVII стст. вобраза Польшчы былі сур’ёзныя праблемы. Звязаны яны былі, наперад усяго, з тым, што ў самым пачатку свайго этнагенезу, беларусы страцілі тых, для каго ўдзел у развіцці іх культуры з’яўляўся саслоўным абавязкам. Прадстаўнікі беларускага дваранства, інтэграваўшыся ў польскую шляхту і абраўшы паланізацыю, сталі на шлях этнакультурнага рэнегацтва. Яны самаўхіліліся ад нацыянальнай працы, важным складнікам каторай было фарміраванне нацыянальнай карціны свету, якая ўключала б і вобразы суседніх краін, у тым ліку і Польшчы. Вобраз апошняй, інакш кажучы, у абліччы азначаных рэнегатаў страціў сваіх мадэратараў. Прыняцце іх ва «ўлонне культуры польскай» азначала, між іншым, і тое, што яны павінны былі ўзяцца за максімальна блізкае «падвядзенне» ўяўлення беларусаў аб Польшчы да таго ідэальнага яе іміджу, які ствараўся самімі палякамі. Яго фарміраванне адпавядала палітычным інтарэсам Польскай Кароны. Аднак вырашаць гэтую задачу, як аказалася, не было каму. Помнікі старабеларускай наратыўнай традыцыі не змяшчаюць прыкладаў мэтанакіраванай іміджмэйкерскай працы, аб’ектам якой з’яўлялася б Польшча. Але гэта не значыць, што аўтары не ўносілі сваю лепту ў стварэнне вобраза, які не супадаў па знаку з тым яе іміджам, які быў запатрабаваны афіцыйна. Ігнаруючы іміджмэйкерскія пажаданні польскіх культуртрэгераў, яны стараліся не факусіраваць свой погляд на Польшчы і тым самым выказвалі сваё стаўленне да апошняй. Польскае дамінаванне і шляхецкая салідарнасць перашкаджалі таму, каб уключыцца ў працэс вобразатворчасці, падтрымаць ініцыятыву, якая зыходзіла з народных нізоў, хаця такія імкненні назіраліся. Працэс крытычнага ўспрымання Польшчы ішоў стыхійна ў асяроддзі простых людзей. Яго ніхто не арганізоўваў і не кантраляваў, не ўносіў у яго карэкцыі дзеля паляпшэння камунікацыі з палякамі. Гэта быў «па змаўчанні» негатыўны вобраз, не развіты ў дэталю. А гэта значыць, што простых беларусаў Польшча ў дэталю не цікавіла, бо нічога добрага яны ад яе не чакалі.

Літаратура

1. Гринберг, Т. Э. Образ страны или имидж государства : поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – Режим доступа : <http://mediascope.ru/образ-страны-или-имидж-государства-поиск-конструктивной-модели>. – Дата доступа : 17.02.2023.
2. Вісліцкі, Я. Пруская вайна / Я. Вісліцкі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 339–347.

3. Вісліцкі, Я. Пруская вайна [Электронны рэсурс] / Я. Вісліцкі – Рэжым доступу : https://knihi.com/Jan_Vislicki/Pruskaja_vajna.html#chapter4. – Дата доступу : 28.01.2023.
4. Некрашевич-Короткая, Ж. В. Художественное осмысление исторического значения Грюнвальдской битвы в героической поэме «Прусская война» (1516) Яна Вислицкого / Ж. В. Некрашевич-Короткая // Петербургские славянские и балканские исследования / *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2020. – № 2 (8). – С. 53–78.
5. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 348–367.
6. Порецкий, Я. И. Соломон Рысинский : *Solomo Pantherus Leucorussus*. Конец XVI – нач. XVII. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 158 с.
7. Латышонак, А. Навуковыя крыніцы самаакрэслення Саламона Рысінскага як беларуса / А. Латышонак // Рэфармацыя і грамадства : XVI стагоддзе : матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 29 лістапада 2003 г. ; уклад. А. Акінчыц. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2005. – С. 126–131.
8. Рысинский, С. Ревель / С. Рысинский // Соломон Рысинский : *Solomo Pantherus Leucorussus*. Конец XVI – нач. XVII / Я. И. Порецкий. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – С. 64.
9. Кміта-Чарнабыльскі, Ф. Лист 19. До Остафея Волловича, каштеляна Троцкаго // Ф. Кміта-Чарнабыльскі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 420–424.
10. Волан, А. Да палякаў і да ліцвінаў / А. Волан // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 516–517.
11. Пельгрымоўскі, Г. Гутарка аднаго Паляка с Маскалём на Маскоўскім замку у годзе 1601 / Г. Пельгрымоўскі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 501–506.
12. Прамова Мялешкі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 674–677.
13. Хроніка Быхаўца // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 381–395.

Основные направления политики Великобритании в отношении европейской интеграции в 1945–1975 годы

С.Л. ЛОЗНЮХА

В статье дана характеристика развитию отношений Великобритании с европейскими интеграционными объединениями в период с 1945 по 1975 гг. Ее цель состоит в анализе основных этапов и особенностей британской политики в этом направлении. Научная новизна статьи состоит в системном анализе европейской политики Великобритании в указанный период. Показано, что особенности участия Великобритании в процессе объединения Европы были обусловлены как субъективными, так и объективными факторами. Было определено, что позднее включение в европейскую интеграцию оказало значительное влияние на дальнейшее развитие британо-европейских отношений.

Ключевые слова: Великобритания, европейская интеграция, Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество, Содружество наций, Консервативная партия, Лейбористская партия, международные отношения.

The article describes the development of relations between Great Britain and European integration associations in the period from 1945 to 1975. Its purpose is to analyze the main stages and features of British policy in this direction. The scientific novelty of the article lies in the systematic analysis of the European policy of Great Britain in the specified period. It is shown that the features of the participation of Great Britain in the process of European unification were due to both subjective and objective factors. It was determined that the late inclusion in European integration had a significant impact on the further development of British-European relations.

Keywords: Great Britain, European integration, European Coal and Steel Community, European Economic Community, Commonwealth of Nations, Conservative Party, Labour Party, international relations.

Европейская политика всегда занимала важное место во внешней политике Великобритании. Тем не менее, развитие отношений с континентальными партнерами в послевоенное тридцатилетие имело ряд особенностей, остающихся актуальными по сегодняшний день. Великобритания поздно пришла к осознанию необходимости участия в европейской интеграции. В период начала переговоров о создании Европейского общества угля и стали лейбористское правительство Эттли отказалось от участия в переговорах. Последующие превращение ЕОУС в Европейское экономическое сообщество также осталось без участия британской стороны. Хотя правительство Идена принимало участие в обсуждении Римского договора, Великобритания отказалась от вступления в ЕЭС в связи с невозможностью убедить страны-основательницы организации в целесообразности позиции Великобритании по проекту будущей интеграции. Таким образом, Великобритания осталась за рамками основного европейского интеграционного проекта. Растущие экономические проблемы и падение влияния в мире заставили правительство Макмиллана вернуться к возможности вступления в ЕЭС, но позиция Франции сделала это невозможным до начала 1970-х гг. Неучастие в европейской интеграции в период формирования ЕОУС и ЕЭС сделало дальнейшее участие в них Великобритании значительно осложненным: сообщество к началу 1970-х сформировало экономические и политические условия, приемлемые для шести стран-основательниц, но не учитывающие британские запросы. Вступление Великобритании в ЕЭС в период экономического кризиса 1973 г. создало дополнительные сложности и не стало решением проблем страны.

Великобритания занимала одно из ключевых мест в Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Тем не менее, отношения между ее членами обострились в связи с новыми геополитическими реалиями. Так, уже в марте 1946 г. премьер-министр Черчилль заявил о появлении «железного занавеса» в Европе. Раздел Европы на сферы влияния, отказ СССР участвовать в плане Маршалла, а также создание ФРГ и ГДР окончательно сформировало bipolarный мир и ознаменовало начало Холодной войны. Страх перед советской угрозой, уси-

лившийся в связи с началом войны в Корее, привел к признанию элитами западных стран лидерства США в мировой политике, а также принятию американской экономической системы, основанной на свободной торговле и долларе в качестве основной резервной валюты [1, с. 6].

Франция стала главной европейской страной, остро критикующей существующий порядок вещей. Суэцкий кризис 1956 г. и возвращение де Голля во французскую политику в 1958 г. значительно ухудшили отношения Великобритании и Франции, помешав сближению первой со странами Западной Европы. Приверженность Великобритании сотрудничеству Великобритании с англосаксонским миром во главе США была неприемлемой для де Голля. Его антиамериканизм и приверженность национальным интересам Франции надолго осложнили британо-европейские отношения [1, с. 8].

В рассматриваемый период лейбористские и консервативные правительства постоянно сменяли друг друга в управлении страной. Принятая лейбористами после победы на выборах 1945 г. программа, включавшая в себя национализацию ключевых отраслей промышленности и меры по социальной защите населения, стала базой для национального консенсуса во внутренней политике до 1970-х гг., была широко поддержана консервативной оппозицией [1, с. 9]. Рост британской экономики в 1950-е гг. был достаточно высоким, однако значительно более низким, чем у континентальных соседей. Страна постоянно сталкивалась с дефицитом платежного баланса, что было вызвано абсолютным преобладанием импорта над экспортом. Инфляция в Британии росла куда быстрее в сравнении со странами-конкурентами. К 1960 г. правительство осознало необходимость модернизации экономической структуры страны [1, с. 10].

Важным препятствием на пути технологической модернизации стали профсоюзы. В 1950-е гг. британская промышленность стала испытывать недостаток рабочей силы. В отличие от ряда других европейских стран, британские промышленники не могли привлечь значительное количество работников из сельской местности – сельское хозяйство было достаточно эффективным, в нем было задействовано относительно малое количество работников, а уровень урбанизации был довольно высок. Недостаток рабочих на британских предприятиях дал возможность профсоюзам требовать более высокого уровня заработной платы, что негативно влияло на конечную стоимость товара и возможности британского экспорта [1, с. 11]. Попытки модернизации промышленности и увеличения производительности труда встречали сопротивление рабочих, что вело к еще большему отставанию системы, созданной в период Промышленной революции, от современных потребностей экономики. Несмотря на официальное согласие лидеров профсоюзов с политикой Лейбористской партии по модернизации промышленности, практические действия приводили к росту забастовок. Экономика страны продолжала накапливать в себе проблемы, которые оставались нерешенными, упадок промышленности страны становился все более очевидным [1, с. 11].

На протяжении долгого времени британская внешняя политика включала в себя осознание себя в качестве мировой силы, которая не может быть сконцентрирована только на европейских делах. Основной упор в Европе делался на недопущении появления доминирующей державы, которая может стать угрозой для существования Великобритании [1, с. 12]. Хотя упадок Британской империи, возвышение США и привели к сокращению ее роли в мировой политике, мышление в стиле *Rex Britannica* и осознание своей глобальной роли оставалось актуальным для британских элит. Это чувство подкреплялось тем фактом, что Великобритания была одной из немногих стран Европы, которая не была оккупирована в годы Второй мировой войны, а также участием в «Большой тройке» [1, с. 13].

В то время, когда остальные страны Западной Европы были заняты преимущественно восстановлением собственных стран из-за последствий войны, Британия продолжала мыслить себя в контексте глобальной политики. Хотя ее слабость в сравнении с США и СССР была очевидна, она пыталась сохранить свое влияние и роль в мире на равных с сверхдержавами. Партнерство с США стало фундаментом, на котором Великобритания планировала удерживать свое положение в мире. Препятствование выходу США из европейской политики, как это произошло после Первой мировой войны, стало приоритетным для британской стороны. Хотя США и поддерживали экономическую интеграцию в Западной Европе, поощряя британское участие в ней, Великобритания продолжала оставаться в стороне. Ей было важно чувствовать себя равным партнером для США, который может направлять американскую политику в отношении Европы в том или ином русле [1, с. 15].

Британское Содружество наций также было значительным препятствием для участия страны в европейской интеграции. Элиты Великобритании считали, что лидерство в нем позволяло занимать более важное место в мировой политике. Кроме того, около 40 процентов британского экспорта в послевоенный период занимали именно страны Содружества. Кроме того, многие британцы имели родственные, культурные и экономические связи с Австралией, Канадой, Новой Зеландией и Южной Африкой. Массовое восприятие Содружества как более близкого и понятного объединения, по сравнению со странами Западной Европы, привело к сложности во вступлении в ЕЭС. Таким образом, предложенные Черчиллем «три великих круга внешней политики» из США, стран Содружества и Европы, где Европа занимала лишь последнее, третье место, стали объектом консенсуса политического класса и значительной части общества Великобритании. Таким образом, реалии внешней и внутренней политики не позволяли Великобритании участвовать в европейской интеграции, что было очевидно из отсутствия реального интереса во вступлении в ЕЭС до начала 1960-х гг. [1, с. 16].

Значительным препятствием для развития участия Британии в европейской интеграции стали отношения с Францией. Уже в 1947 г. на конференции по плану Маршалла обозначились будущие противоречия: Франция, равно как и другие западноевропейские страны, настаивала на создании таможенного союза, причиной чему была недостаточная емкость национальных рынков этих стран. Существование собственной империи делало проект европейского таможенного союза значительно менее привлекательным и востребованным для британцев. Кроме того, корень англо-французских противоречий лежал в области геополитики: Франция рассчитывала превратить экономический союз в полноценную «третью силу», которая смогла бы выступать в мировой политике наравне с СССР и США [1, с. 19]. Хотя идеи о формировании «третьей силы» были популярны и среди части лейбористов, понимание о ее сущности было кардинально иным. Лейбористы руководствовались идеей о балансировании между капиталистическими США и социалистическим СССР и поиске «среднего пути» в социально-экономическом развитии. Для Франции основной мотивацией был национальный суверенитет и желание получить максимальную независимость от США. Хотя сами США поддерживали идею объединения Европы с целью совместного противостояния коммунистическому влиянию и даже предлагали британцам возглавить движение по объединению европейских стран, тесные связи с Содружеством и представление о своей глобальной роли в мировой политике привели к решительному отказу [1, с. 19].

Великобритания не стала участвовать в плане Шумана. Хотя для министра иностранных дел Франции Робера Шумана объединение угольной и сталелитейной промышленности ФРГ, Франции, стран Бенилюкса и Италии виделось крайне перспективным, а наднациональные органы управления способными решить ряд проблем, возникающих перед этими отраслями промышленности, британское правительство имело абсолютно иное мнение [2, с. 165]. Лейбористы после долгой борьбы смогли осуществить национализацию угольной и сталелитейной промышленности в Великобритании, передача их под контроль наднациональных органов виделась негативным фактором, подрывающим суверенитет страны и мешающим развитию экономики [3, с. 95]. Таким образом, важный момент в создании европейского сообщества оказался без участия Великобритании [2, с. 157].

Победа Консервативной партии на выборах 1951 г. не изменила ситуацию. Несмотря на то, что Черчилль говорил о приверженности европейскому единству, находясь в оппозиции, не последовало никаких практических изменений в британском внешнеполитическом курсе после его возвращения на пост премьер-министра [2, с. 185]. План Плевена и возможность создания Европейского оборонительного сообщества оказались без участия Великобритании. Кроме того, что объединение вооруженных сил на столь раннем этапе интеграции в Европе воспринималось как преждевременное, британцы воспринимали его как преграду для развития обороны в рамках блока НАТО. Провал плана Плевена убедил Великобританию в том, что такое будущее предстоит и прочим европейским проектам [1, с. 23].

На Мессинской конференции в 1955 г. Великобритания традиционно выступила против наднациональных и федералистских идей. Предложение стран Бенилюкса о расширении общего рынка угля и стали на прочие отрасли, идея Франции о создании Европейского сообще-

ство в атомной энергии, а также превращение европейского сообщества в глубоко интегрированную организацию противоречили планам британских элит. Ими был предложен собственный проект интеграции в Европе, который должен был ограничиться зоной свободной торговли и снятием взаимных торговых пошлин между странами-участницами. Также эта ассоциация не должна была иметь внешнего заградительного тарифа [4, с. 255]. Франция и большинство других континентальных стран отвергли это предложение. Хотя представители ФРГ высказывали ограниченный интерес к зоне свободной торговли с Британией, давление Франции на германскую сторону заставило ее изменить свое решение. Так, Франция обещала ФРГ поддержку в вопросе сохранения союзных войск в Западном Берлине в обмен на отказ от участия в британском проекте экономического союза. Переговоры о создании ЕЭС показали, что Британия не готова жертвовать собственным национальным суверенитетом, оставаясь за рамками экономического сообщества [1, с. 26].

Начало 1960-х гг. внесло коррективы в отношения Великобритании и ЕЭС. Эксперты правительства все более склонялись к мнению, что экономические проблемы страны в значительной степени обусловлены ориентацией британской торговли на страны Содружества, а не на Западную Европу, тогда как наиболее динамичный экономический рост мировой торговли происходил между развитыми индустриальными странами. В связи с этим Министерство иностранных дел, Казначейство и Торговая палата высказывали все больший интерес если не во вступлении, то в максимальном сближении со странами ЕЭС, однако главным фактором, повлиявшим на желание премьер-министра Макмиллана подать заявку на членство в ЕЭС, стало изменение политики США. Президент США Эйзенхауэр поддерживал вступление Британии в ЕЭС, отклоняя британские предложения о создании более тесного союза двух стран. Заменявший его в апреле 1961 г. Кеннеди поддерживал эту же линию в британо-европейских отношениях еще более активно. В представлении американцев вступление Великобритании в Общий рынок могло уравновесить стремления Парижа и Бонна, а также способствовать его превращению в реальную федерацию [1, с. 29].

Вопреки сложившемуся в британских элитах мнению, экономический рост в странах ЕЭС был значительным, превосходя аналогичные показатели Великобритании. Попытки создания собственного интеграционного объединения в формате Европейской ассоциации свободной торговли не принесли желаемых результатов. Политическая стратегия Великобритании, которая заключалась в способствовании сохранению американского влияния на Западную Европу, могла потерпеть крах в случае развития федералистской линии де Голля, предполагавшей значительную автономию европейских стран от США. В июле 1961 г. Макмиллан в Палате общин официально заявил о намерении правительства подать заявку на вступление в Общий рынок [5, с. 250]. Этот шаг был в большей степени продиктован внешними обстоятельствами, чем реальными изменениями в политике и общественном мнении Великобритании. Учитывая особую привязанность значительной части Консервативной партии к идее о сохранении связей с Содружеством, уже на этом этапе британская сторона заняла однозначную позицию, которая говорила о том, что сохранение старых колониальных связей должно учитываться при ее вступлении в Общий рынок [1, с. 33].

Продлившиеся два года переговоры закончились для Великобритании неудачей. В 1963 г. президент Франции де Голль наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС [6, с. 435]. Он объяснил это тем, что Великобритания является островной и морской державой, тесно связанной с разбросанными по всему миру странами Содружества и лишенной «европейского призвания» [1, с. 35]. Дополнительным аргументом стали «особые отношения» Великобритании с США. Так, в декабре 1963 г. в Нассау было заключено специальное соглашение между правительствами Великобритании и США, предусматривающее передачу Великобритании американских ракет подводных лодок. Это подчеркнуло особую близость двух стран и укрепило де Голля во мнении, что Великобритания станет «троянским конем» США в Европе, не позволяя ЕЭС превратиться в полноценную «третью силу» в мировой политике и направляя его по пути подчинения американским интересам [7, с. 122]. Хотя ФРГ и страны Бенилюкса были настроены более благосклонно к вступлению Британии в ЕЭС, решение Франции закрыло ей возможность для вступления. Тем не менее, Великобритания не отказалась от этой перспективы, решив вернуться к этому вопросу позже [1, с. 35].

Победа лейбористов на парламентских выборах 1964 г. внесла новые изменения в европейскую политику Великобритании. Хотя среди лейбористов и были сторонники вступления в ЕЭС, большинство членов Лейбористской партии в масштабах страны были настроены к этому негативно. Левые члены партии стремились к развитию отношений со странами Содружества, более правые – с США, однако Общий рынок воспринимался ими как преграда в выстраивании предпочтительного направления внешней политики [1, с. 36]. Так, крайне левые лейбористы воспринимали ЕЭС как капиталистическое и консервативное сообщество, на базе которого невозможно строительство «третьей силы» между капитализмом и социализмом. Ставший премьер-министром в 1964 г. Вильсон также не был сторонником британского членства в Общем рынке, однако он должен был учитывать внешнеполитические обстоятельства, а также наличие проевропейской части партии, поэтому в 1966 г. он заявил о готовности вступления в ЕЭС.

К 1967 г. требования Великобритании учитывать торговые связи с Содружеством наций при переговорах о вступлении в ЕЭС ослабли. Причиной этого стало уменьшение доли стран Содружества в британской внешней торговле. Пожелания британской стороны касались специальных условий для экспорта ряда продуктов из Новой Зеландии. Тем не менее, Франция второй раз наложила вето на британскую заявку о вступлении. Де Голль заявил о том, что Великобритания еще не готова к вступлению в организацию. Таким образом, стало очевидно, что вступление в ЕЭС было невозможно до тех пор, пока он не оставит пост президента [1, с. 37].

Отставка де Голля в 1969 г. и победа Консервативной партии на парламентских выборах 1970 г. приблизили вступление Великобритании в Общий рынок. Новый премьер-министр Эдвард Хит был давним и последовательным сторонником участия Британии в Сообществе, однако политическое и экономическое положение в мире в начале 1970-х гг. внесли значительные трудности в этот процесс. Рост торгового дефицита в торговле США с Японией и странами Западной Европы, отмена золотого стандарта доллара, введение плавающего валютного курса знаменовали собой начало периода рецессии в мировой экономике. Нефтяной кризис 1973 г. нанес серьезный урон экономикам стран Запада. Для Великобритании его последствия были еще более ощутимы, так как показатели инфляции и безработицы еще до начала спада в мировой экономике были выше, чем в других странах Западной Европы [1, с. 40].

События в международной политике в начале 1970-х гг. сблизили Великобританию со странами ЕЭС. Так, администрация президента Никсона сделала основой своего внешнеполитического курса вывод войск из Вьетнама и развитие политики разрядки в отношениях с Советским Союзом. Разрядка виделась в качестве возможности сокращения военных расходов с целью снижения нагрузки на экономику. Односторонние действия США не нашли поддержки ни в странах континентальной Западной Европы, ни в Великобритании, но создали условия для сближения Британии с ЕЭС. Программа Консервативной партии на выборах 1970 г. предусматривала сокращение госрасходов и участия государства в экономике, увеличение конкуренции, реформирование промышленности. Тем не менее, реалии мировой экономики в условиях кризиса изменили эти планы. Куда более важной, чем сокращение расходов и роли государства в экономической жизни страны стала борьба с влиянием профсоюзов. Реформирование экономических отношений и вступление Великобритании в Общий рынок могли стать базой для общенационального консенсуса, однако из-за недостаточной решительности правительства Хита в борьбе с профсоюзами, а также из-за лейбористской оппозиции этого не произошло. Хотя новое правительство поддерживало участие в Сообществе, опросы общественного мнения говорили о том, что 59 % населения выступают против подачи заявки. Вместе с тем, благодаря широкой информационной кампании, а также четкой позиции Консервативной партии по поводу вступления в ЕЭС, общественное мнение уже к осени 1971 г. изменилось в пользу участия в Сообществе [1, с. 50].

Переговоры о вступлении в Общий рынок были сконцентрированы вокруг вопросов о статусе фунта стерлингов, отношений с Содружеством, сельскохозяйственной политики и отчислений Великобритании в европейский бюджет. Великобритания импортировала куда больше товаров из-за пределов ЕЭС, чем другие его члены, поэтому ее вклад в общий бюджет воспринимался преувеличенным. Общая сельскохозяйственная политика ЕЭС также несла меньше выгод для британского сельского хозяйства. Недовольство вызывала и необходимость

отказаться от особого статуса фунта стерлингов в мировой торговле. Тем не менее, Великобритания согласилась с условиями ЕЭС, оставив исключения лишь для импорта небольшого количества товаров из стран Содружества. В январе 1972 г. Великобритания подписала договор о присоединении к Сообществу, а с 1 января 1973 г. стала его официальным членом [1, с. 60]. Вместе с тем, членство в ЕЭС не решило проблем европейской политики Великобритании. Так, часть политической элиты считала, что страна пошла на слишком большие уступки ради вступления в Общий рынок. После победы на выборах 1974 г. Лейбористская партия настаивала на проведении референдума о членстве страны в ЕЭС. Хотя сторонники участия Великобритании в Общем рынке одержали на нем победу, вопрос о дальнейших перспективах изменения европейской политики продолжал оставаться актуальным на протяжении десятилетий.

Таким образом, изменения в политике Великобритании в отношении европейской интеграции в 1945–1975 гг. находились в тесной связи с реалиями ее внутренней и внешней политики. В первоначальный период Великобритания продолжала оставаться под влиянием представлений о себе как об особой силе, интересы которой значительно превосходят интересы других европейских стран и лежат преимущественно за пределами континента. Наличие статуса одного из лидеров Антигитлеровской коалиции также укрепило это представление. Франция имела схожий статус имперской колониальной державы до Второй мировой войны, но более сильные связи с другими странами Европы, ослабленное положение в мире в связи с опытом оккупации и отсутствия столь же близких отношений с США позволили ей стать одной из стран-основательниц ЕОУС и ЕЭС, значительно разойдясь с Великобританией. Нарастание экономических проблем в британской экономике подтолкнуло к необходимости членства в Общем рынке, но подача заявки на вступление стала именно вынужденным шагом, вызванным внешними обстоятельствами, а не изменением в отношении к суверенитету и существованию наднациональных органов. Кроме того, в 1960-е гг. Франция блокировала все попытки Великобритании войти в Общий рынок, так как видела в ней угрозу продвижения американских интересов в Европе. Когда Великобритания стала членом ЕЭС в 1973 г., это не решило многих из стоящих перед страной проблем. Вопросы национального суверенитета, вклада в бюджет европейских институтов, экономической политики продолжали оставаться камнем преткновения в отношениях Великобритании с европейскими структурами на протяжении десятилетий, имея свои истоки в противоречиях, ставших очевидными уже в послевоенный период.

Литература

1. George, S. *An Awkward Partner : Britain in the European Community* / S. George – Oxford : Oxford University Press, 1994. – P. 277.
2. Young, J. W. *Britain, France, and the Unity of Europe, 1945–1951* / J. W. Young – Leicester : Leicester University Press, 1984. – P. 228.
3. Melissen, J. *Britain and Western Europe, 1945–51 : Opportunities Lost?* / J. Melissen, B. Zeeman // *International Affairs*. – 1986. – Vol. 63, № 1. – P. 81–95.
4. Deighton, A. *Missing the boat : Britain and Europe 1945–61* / A. Deighton // *Contemporary European History*. – 1998. – Vol. 7. – P. 249–261.
5. Cosgrove, C. *Britain, the Developing Commonwealth, and the EEC* / C. Cosgrove // *The World Today*. – 1967. – Vol. 26, № 6. – P. 249–258.
6. Steininger, R. *Great Britain's first EEC failure in January 1963* / R. Steininger // *Diplomacy & Statecraft*. – 1996. – Vol. 7, № 2. – P. 404–435.
7. Warner, G. *France, Britain, and the EEC* / G. Warner // *The World Today*. – 1967. – Vol. 23, № 3. – P. 115–122.

Топливный кризис на неоккупированной территории Беларуси в годы Первой мировой войны

Н.С. МОТОРОВА

В статье рассмотрена проблема снабжения топливом гражданского населения неоккупированной территории Беларуси в годы Первой мировой войны. Раскрыты причины топливного кризиса, определены учреждения, участвовавшие в его разрешении, проанализированы проводившиеся ими мероприятия, оценена их эффективность, выявлены источники финансирования. Отмечено, что после Февральской революции политика по обеспечению населения топливом утратила системность. Это привело к дальнейшему углублению топливного кризиса.

Ключевые слова: топливный кризис, топливо, дрова, торф, белорусские губернии, Первая мировая война.

The article deals with the problem of supplying fuel to the civilian population of the unoccupied territory of Belarus during the First World War. The causes of the fuel crisis are revealed, the institutions involved in its resolution are identified, their activities are analyzed, their effectiveness is assessed, and the sources of financing are identified. It is noted that after the February Revolution, the policy of providing the population with fuel lost its consistency. This led to a further deepening of the fuel crisis.

Keywords: fuel crisis, fuel, firewood, peat, Belarusian provinces, World War I.

Введение. Первая мировая война вызвала глубокие социально-экономические изменения в белорусских губерниях. Оккупация западной части Беларуси привела к разрыву устоявшихся экономических связей, нарушению транспортного сообщения, потере традиционных источников сырья и рынков сбыта. Органы местного управления и самоуправления неоккупированных губерний вынуждены были оперативно решать социальные вопросы, с которыми ранее им не приходилось сталкиваться, например, организовывать помощь беженцам и семьям мобилизованных. Ряд актуальных проблем находился на стыке экономической и социальной сфер. К ним, например, относился топливный кризис. Дефицит топлива, который начали ощущать белорусские губернии с 1915 г., отрицательно влиял на функционирование неэвакуированных предприятий и учреждений, повседневную жизнь гражданского населения.

До настоящего времени проблема топливного кризиса и способов его преодоления на территории Беларуси в годы Первой мировой войны не получила освещения в белорусской историографии. Как правило, она затрагивалась в обобщающих исследованиях советского периода, посвященных экономическому положению Российской империи в условиях военного времени. В этой связи можно отметить сборник статей «Война и топливо, 1914–1917» [1], а также монографию А.Л. Сидорова [2]. В них выделены основные факторы, которые спровоцировали топливный кризис, охарактеризованы мероприятия правительства, направленные на его преодоление, оценена их эффективность.

Исходя из изложенного, целью настоящей статьи мы ставим выявление сущности топливного кризиса на неоккупированной территории Беларуси в годы Первой мировой войны и определение основных подходов к его разрешению. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявить факторы, которые спровоцировали дефицит топлива и привели к топливному кризису; проанализировать подходы различных органов власти к его разрешению; определить степень эффективности мероприятий, направленных на обеспечение населения топливом в условиях военного времени.

В качестве основного материала исследования были использованы правовые акты и делопроизводственные документы органов управления и самоуправления различного уровня. Представленные в них сведения были обработаны и систематизированы при помощи общенаучных методов исследования (анализа, синтеза, обобщения) и специальных методов исторического исследования (историко-генетического и историко-сравнительного).

Основная часть. Накануне Первой мировой войны основными видами топлива, использовавшегося в Российской империи, являлись древесина, уголь и нефть. В белорусских губерниях в мирное время промышленные предприятия работали преимущественно на привозном угле. Для отопления жилищ использовались дрова.

До 1914 г. спрос на топливо значительно превышал его предложение. Для обеспечения потребностей промышленных предприятий собственных топливных ресурсов было недостаточно, поэтому приходилось ввозить уголь из Германии и Великобритании. Высокий спрос на топливо, зависимость государства от внешних поставок, отсутствие собственных запасов на долгосрочную перспективу, проблема транспортировки топлива из Донецкого бассейна на северо-запад и в центр привели к тому, что в условиях военного времени государство столкнулось с острейшим топливным кризисом. Этому также способствовала потеря угольных месторождений, расположенных на территории Польши, изменение норм потребления топлива и структуры топливного баланса [2, с. 501, 509].

Для белорусских губерний, разделенных линией фронта и испытывавших перебои с поставками товаров широкого потребления, предназначенных для гражданского населения, проблема обеспечения топливом стояла довольно остро. На территорию Беларуси ввозился не только уголь для промышленных предприятий и транспорта, но и керосин, который широко использовался в быту, в том числе и для освещения. Именно на него первыми выросли цены. С этим столкнулся ряд городов белорусских губерний (например, Витебск) буквально за несколько дней до начала боевых действий [3, л. 277 об.]. Осенью 1915 г. дефицит керосина ощущался в Витебске [4, л. 168], Полоцке [5, л. 181], Городке [6, л. 109]. Органы местного управления и самоуправления не могли самостоятельно наладить его поставки, так как фактически все железнодорожные перевозки в прифронтовых регионах оказались под контролем военного ведомства. В то же время возникновению дефицита керосина способствовали злоупотребления местных торговцев, которые при его реализации значительно завышали цены по сравнению с нормами, установленными органами местного самоуправления. На подобные случаи, например, указывал гласный Полоцкой городской думы А.Ф. Новицкий в 1916 г. [7, л. 74–74 об.]. Контроль над ценами должны были осуществлять органы местного управления и самоуправления, но в условиях военного времени они не смогли организовать эффективную работу в этом направлении.

Что касается обеспечения топливом гражданского населения, то в начале войны правительство не уделяло данному вопросу внимания. Его разрешение находилось в компетенции органов местного самоуправления. Жители белорусских городов использовали для отопления дрова, соответственно, они зависели от их своевременных поставок на местные рынки и колебаний рыночных цен на данный вид топлива. В сельской местности этот вопрос стоял не так остро, так как крестьяне обеспечивали себя самостоятельно.

Заготовка дров для горожан могла производиться в расположенных рядом с городами лесах, которые, как правило, входили в состав казенных дач и находились в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. В августе 1915 г. главноуправляющий А.В. Кривошеин разослал начальникам местных управлений распоряжение предпринять меры для применения Правил о льготах покупателям казенного леса при заготовке дров, а также оказывать содействие общественным учреждениям и кооперативам, которые изъявляют желание заготовить дрова своими силами, путем предоставления им наиболее удобных участков леса [8, л. 26а].

Главное управление отпускало дрова по льготным ценам, а их заготовку и последующую продажу организовывали органы местного самоуправления. Например, соответствующее постановление в сентябре 1915 г. приняло Себежское собрание уполномоченных [9, л. 72], в октябре 1915 г. – Мстиславская городская дума [10, л. 27–27 об.]. В крупных городах эти функции исполняли специальные комиссии. Так, в Минске функционировала Городская комиссия по удовлетворению насущных нужд города, состоявшая из нескольких подкомиссий. Вопросами приобретения топлива и снабжения им различных учреждений и населения занималась Подкомиссия по топливу и освещению. В 1916 г. она организовала продажу дров горожанам мелкими партиями по заготовительным ценам [11, с. 7, 10]. В Витебске эти вопросы входили в компетенцию Исполнительно-продовольственного комитета. Одна из его секций занималась заготовкой и продажей дров, одна – керосина [4, л. 241].

На правительственном уровне обсуждение проблем топливоснабжения и разработка собственно топливной политики начались весной 1915 г. [1, с. 159]. Правительство вынуждено было активизировать деятельность в этом направлении в связи с дефицитом топлива из-за сокращения его добычи и сложностями с транспортировкой.

Для регулирования вопросов поставок топлива и его распределения стали создаваться межведомственные учреждения. В марте 1915 г. был создан Комитет по распределению топлива под председательством министра путей сообщения С.В. Рухлова. Он должен был координировать и объединять деятельность гражданских и военных властей, направленную на

обеспечение топливом армии, флота, путей сообщения, частных предприятий, работавших на государственную оборону, учитывая при этом потребности и других потребителей [12, с. 1238]. На местах для распределения минерального топлива были созданы губернские комиссии, а для снабжения населения дровами – губернские комитеты [13, с. 2].

Комитет по распределению топлива и подведомственные ему учреждения просуществовали около полугода. Их ликвидация была связана с созданием в августе 1915 г. Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны (*далее – Особое совещание по топливу*), которое возглавил министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской. Оно имело право назначать реквизиции топлива, устанавливать предельные цены при реализации, обращаться за предоставлением денежных средств для организации топливных операций и т. п. [14, с. 2362–2365]. В составе Управления делами Особого совещания по топливу первоначально было создано два отдела – угольно-нефтяной, а также дровяной и торфяной [13, с. 3].

Для исполнения распоряжений председателя Особого совещания по топливу на местах назначались уполномоченные, которые имели право созывать совещания, приглашая для участия в их работе представителей администрации и общественных организаций [14, с. 2365]. На уполномоченных были возложены обязанности упраздненных губернских комитетов по заготовке дров. На территории Беларуси отдельный уполномоченный по обеспечению древесным топливом был назначен в Могилевскую губернию, в остальных губерниях эти обязанности были делегированы губернаторам [13, с. 29–30].

5 декабря 1915 г. председатель Особого совещания по топливу утвердил Инструкцию уполномоченным, которая была подготовлена на основании ст. 12 Положения об Особом совещании. Согласно ей на уровне губерний, областей, уездов и городов по мере необходимости под председательством уполномоченных могли собираться совещания по различным вопросам, касавшимся обеспечения дровами и торфяным топливом. В их состав должны были входить представители правительственных учреждений на местах: военного ведомства, местной фабричной инспекции, округа путей сообщения, местного комитета по регулированию массовых перевозок по железным дорогам, управления земледелия и государственных имуществ. Также в их состав входили представители от местных органов управления и самоуправления, общественных организаций: губернской или уездной земской управы, городского общественного управления, губернского по земским и городским делам присутствия, местных отделений Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза, биржевых комитетов. Председатель мог приглашать для участия в заседаниях тех лиц, присутствие которых считал полезным и необходимым. Основные обязанности уполномоченных заключались в определении потребностей местного населения и учреждений в топливе (а конкретно – в дровах и торфе), установлении его наличия на рынках и складах, выяснении мест заготовки топлива, создании запасов топлива с использованием предоставленных из казны кредитов, при необходимости – распределении топлива. Уполномоченный мог представить председателю Особого совещания по топливу свои предложения, направленные на улучшение снабжения населения и учреждений топливом [8, л. 1б–1в].

Создание новых межведомственных учреждений по координации топливной политики не могло кардинально разрешить топливный кризис. Оформление новых структур и перераспределение властных полномочий никак не влияло на поставки топлива. О низкой эффективности их деятельности свидетельствует тот факт, что к началу 1916 г. ситуация с обеспечением прифронтовых регионов топливом стала критической. Так, витебский губернатор Н.П. Галахов своим распоряжением от 6 января 1916 г. запретил вывоз из губернии любых видов топлива [8, л. 1]. В Полоцке городские власти в январе 1916 г. не смогли установить таксу, то есть определить фиксированный размер розничных цен на дрова, так как в городе этот вид топлива отсутствовал на рынке [7, л. 12]. Крупные губернские центры в большей степени зависели от поставок топлива. Например, Минску в первой половине 1916 г. ежемесячно требовалось не менее 1 200 вагонов дров, а реально прибывало 837. Во многом проблемы с доставкой топлива были вызваны запретом на его вывоз из районов производства и дезорганизацией транспортного сообщения [11, с. 5].

В 1916 г. белорусские губернии столкнулись с резким ростом цен на дрова. Как отмечалось на одном из заседаний Речицкого уездного земского собрания, это было обусловлено нехваткой рабочих при их заготовке и транспортировке [15, л. 149–149 об.]. На это указыва-

ло и Местное совещание при уполномоченном по продовольствию Минской губернии. При обсуждении вопроса о повышении таксы на дрова в Минске выступил представитель Минской городской комиссии по удовлетворению насущных нужд города М.В. Довнар-Запольский. Он отметил, что росту цен на дрова способствовало увеличение затрат на их транспортировку. Заведующий Статистическим отделом, функционировавшим при губернском земском самоуправлении, М.И. Шкубер подчеркнул, что нехватка рабочих при заготовке дров обусловлена привлечением населения Минской губернии к рытью окопов и запретом на использование труда военнопленных [16, л. 2 об.–3].

В этой связи начали рассматриваться возможности использования других видов топлива, в первую очередь, торфа. На правительственном уровне вопросы торфодобычи не обсуждались, хотя в общегосударственном масштабе Российская империя обладала огромными запасами торфа – порядка 79 % мировых запасов. В топливном балансе он занимал незначительное место [2, с. 541–542]. Это было обусловлено тем, что добыча торфа была тесно связана с осушением болот, требовавшим привлечения рабочих и дополнительных средств. Широкому развитию торфодобычи в условиях военного времени препятствовали дефицит рабочих рук, нехватка торфяных машин, отсутствие исследований и подготовки торфяных залежей [1, с. 132–133].

При этом в белорусских губерниях из-за нехватки топлива для потребностей транспорта и армии работы по добыче торфа активизировались. Самостоятельную торфоразработку вела Рига-Орловская железная дорога, которая подготовила к разработке болото в Оболь-Тупицкой в Оршанском уезде Могилевской губернии; Либаво-Роменская – исследовала болото около станции Костюковка и в Цельской казенной дачи Минской губернии. Полесские железные дороги организовали разработку торфа в дачах «Закрашинский мох» и «Брицловская» в Речицком уезде Минской губернии, Александровская – разработку в Глининской даче Сенненского уезда Могилевской губернии [1, с. 149, 152–153].

Вопрос о возможности использования торфа для потребностей гражданского населения разрабатывался и органами местного самоуправления. Например, его заготовку сначала организовала Строительная комиссия при Минской городской думе. 8 июня 1916 г. власти города приняли решение передать эксплуатацию арендованных торфяников и всей продажи торфа Комиссии по заготовке и закупке дров [11, с. 3]. В январе 1917 г. Двинская городская дума решила создать специальную комиссию и поручить ей подготовить проект по добыче торфа в черте города. Инициатором его разработки выступил гласный В.К. Довнар-Вич. По его мнению, использование торфа позволило бы обеспечить до 75 % топливных потребностей города [17, л. 10–10 об., 15].

Помимо вопросов поставок топлива, остро стояла проблема финансового обеспечения работ по его заготовке и реализации населению по доступным ценам. У органов местного самоуправления, бюджеты которых сводились с дефицитом, свободных средств не было. В этих условиях финансовую помощь начало оказывать правительство. В 1915 г. оно выделило в распоряжение Особого совещания по топливу 10 млн руб., а в 1916 г. – еще 5 млн руб. [1, с. 184]. Эти средства распределялись в виде ссуд между органами местного самоуправления. Кроме того, 16/18 ноября 1915 г. были утверждены Правила предоставления гарантии Государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет. Ссуды выдавались под 5 % годовых, причем половину нужно было вернуть через 9 месяцев после зачисления денег на счет, половину – через 6 месяцев после окончания войны [18, с. 3564–3567]. За период с августа 1915 г. по март 1916 г. Особое совещание по топливу назначило ссуды 87 городским общественным управлениям на общую сумму 9,2 млн руб. и предоставило гарантии по 4 займам на общую сумму 565 тыс. руб. [13, с. 37].

Органы местного самоуправления белорусских губерний активно пользовались возможностью получить кредит. Так, в 1916 г. Люцинское собрание уполномоченных получило ссуду в размере 3,5 тыс. руб. [19, л. 45], Городокское – 20 тыс. руб. [20, л. 217–217 об.], Невельская городская дума – 5 тыс. руб. [21, л. 120–120 об.], Полоцкая – 50 тыс. руб. [22, л. 74–75]. Более крупным городам требовались средства в большем объеме. Например, Витебску в 1916 г. на покупку и продажу дров был назначен гарантированный правительством заем в размере 200 тыс. руб. [23, л. 210 об.]. Однако этих средств было недостаточно. В январе 1917 г. Витебская городская дума направила новое ходатайство о выделении 100 тыс. руб. [24, л. 33–34 об.]. В

начале 1916 г. Минску была назначена ссуда в размере 100 тыс. руб. на покупку дров. Затем в апреле 1916 г. на основании ходатайства Городской думы Особое совещание по топливу предоставило правительственные гарантии для получения займа в размере 300 тыс. руб. Эти средства планировалось направить на расширение топливной операции [11, с. 4].

В средствах для заготовки топлива нуждались и органы земского самоуправления. Так, в Минской губернии функции по снабжению сельского населения и земских учреждений дровами и керосином были возложены на продовольственные комиссии, созданные в 1915 г. по решению Минской губернской земской управы. Для финансирования их деятельности весной 1916 г. была получена ссуда в размере 400 тыс. руб. Так как к осени 1916 г. эти ресурсы были исчерпаны, то было принято решение обратиться за предоставлением новой ссуды на сумму до 100 тыс. руб. [25, л. 20–20 об., 26, 31–32 об.].

Благодаря средствам, которые выделялись из казны или под гарантии правительства, органы местного самоуправления хотя бы минимально обеспечивали потребности населения в топливе, однако кардинально решить эту проблему они не могли. Для успешного разрешения топливного кризиса требовалось устранить вызвавшие его факторы: организовать своевременные поставки топлива, обеспечить лесозаготовки рабочими, наладить контроль над ценами на дрова. Для белорусских губерний также актуальным было развитие торфодобычи, однако она требовала привлечения дополнительных людских и материальных ресурсов.

После Февральской революции обеспечение топливом гражданского населения ухудшилось. По предложению Совещания по древесному топливу, которое работало в Москве с 7 по 9 мая 1917 г., было решено создать на местах губернские и уездные комитеты по топливу, а при них – исполнительные органы в виде губернских и уездных управ. Положение об их учреждении было утверждено председателем Особого совещания по топливу 13 июня 1917 г. Главный недостаток этой инициативы заключался в том, что новые органы не получили в свое распоряжение финансовых средств, а потому в принципе не могли наладить эффективную деятельность. При организации работы по обеспечению населения топливом (в первую очередь, дровами) прежний опыт не учитывался. Уже летом стало очевидно, что меры, направленные на разрешение топливного кризиса, приобрели характер хаотичных действий: местные органы власти широко практиковали реквизиции, самовольно облагали пошлинами заготовку и перевозку топлива, произвольно устанавливали цены. Широко распространились захваты мест вырубок крестьянами, а лесные дачи объявлялись собственностью волостей [1, с. 186–187].

Заключение. В годы Первой мировой войны топливный кризис стал одной из основных социально-экономических проблем на территории Беларуси. В условиях военных действий неоккупированные белорусские губернии начали испытывать дефицит топлива. Изначально правительство не уделяло внимания разрешению данной проблемы. Основную роль в обеспечении топливом населения играли органы местного самоуправления. Они приобретали топливо и организовывали его продажу по доступным ценам. Собственно топливная политика начала разрабатываться на правительственном уровне с весны 1915 г., когда были созданы межведомственные учреждения для координации действий по заготовке, транспортировке и распределению топлива (Комитет по распределению топлива, затем – Особое совещание по топливу). В их распоряжение были предоставлены средства из казны для дальнейшего распределения между органами местного самоуправления в виде ссуд для обеспечения потребностей населения в топливе. Кроме того, была предоставлена возможность получения кредитов в банковских учреждениях под гарантии правительства. Органы местного самоуправления белорусских губерний широко пользовались предоставленными возможностями. Однако дополнительное финансирование не могло снизить остроту топливного кризиса, так как для его разрешения требовалось расширить объемы добычи различных видов топлива (в том числе и торфа), наладить его бесперебойные поставки на рынок, обеспечить лесозаготовки и торфоразработки дополнительной рабочей силой, а также установить эффективный контроль над ценообразованием. В условиях военного времени эти задачи не были решены. После Февральской революции 1917 г. проблема обеспечения топливом гражданского населения усугубилась: усложнилась система административных учреждений, участвовавших в реализации топливной политики, а ее финансирование было сокращено. Политика в этой сфере окончательно утратила системность и превратилась в набор хаотичных действий. В итоге топливный кризис к концу 1917 г. так и не был разрешен.

Литература

1. Война и топливо, 1914–1917 гг. : [сб. ст.] – М.–Л. : Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1930. – 191 с.
2. Сидоров, А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – М. : Наука, 1973. – 655 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5768. Постановления Витебской городской думы за 1914 г.
4. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6089. Постановления Витебской городской думы за 1915 г.
5. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6095. Постановления Полоцкой городской думы за 1915 г.
6. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6098. Постановления Городокского собрания городских уполномоченных за 1915 г.
7. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6409. Постановления Полоцкой городской думы за 1916 г.
8. НИАБ. – Ф. 1416. Оп. 2. Д. 25602. Дело об учреждении Особого комитета о топливе.
9. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6102. Постановления Себежского собрания городских уполномоченных за 1915 г.
10. НИАБ. – Ф. 2095. Оп. 1. Д. 16. Журналы очередных собраний Мстиславской городской думы.
11. Отчет о деятельности Городской комиссии по удовлетворению насущных нужд города Минска за время с 1-го января по 1-е июля 1916 г. – Минск : Тип. Я.А. Гринבלата, 1917. – 75 с.
12. О некоторых мерах по обеспечению топливом учреждений армии и флота и путей сообщения, а равно частных предприятий, работающих для целей государственной обороны : Высочайше утвержденное положение Совета министров, 31 марта 1915 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1915. – Отд. 1. – № 110. – Ст. 865.
13. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, за 7 месяцев (август 1915 – март 1916 г.). – Петроград : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. – 48 с.
14. Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов : Закон [Российской империи], 17 августа 1915 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1915. – Отд. 1. – № 231. – Ст. 1760.
15. НИАБ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1281. Материалы Речицкого уездного земского собрания за 1916 г. (доклады [Уездной] земской управы, журналы заседаний, повестки дня).
16. НИАБ. – Ф. 1170. Оп. 1. Д. 2. Журналы заседаний Местного совещания при уполномоченном [по продовольственному делу по Минской губ.].
17. НИАБ. – Ф. 3445. Оп. 3. Д. 25. Журналы заседаний Двинской городской думы и доклады Городской управы Городской думе.
18. Об утверждении Правил предоставления гарантии Государственного казначейства по городским и земским займам в частных кредитных учреждениях для операций по снабжению населения продовольствием и топливом и выдачи городам и земствам ссуд из казны на тот же предмет : Распоряжение Правительствующему сенату, 16/18 ноября 1915 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1915. – Отд. 1. – № 367. – Ст. 2755.
19. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6416. Постановления Собрания городских уполномоченных г. Люцина за 1916 г.
20. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6412. Постановления Собрания городских уполномоченных г. Городка за 1916 г.
21. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6405а. Постановления Невельской городской думы за 1916 г.
22. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6410. Постановления Полоцкой городской думы за 1916 г.
23. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6408. Постановления Витебской городской думы за [первую пол.] 1916 г.
24. НИАБ. – Ф. 3445. Оп. 3. Д. 9. Журналы заседаний Дриссенской, Велижской, Люцинской и Лепельской городских дум и доклады Велижской и Витебской городских управ городским думами об избрании председателей и членов Продовольственного комитета и Оценочной комиссии, о результатах торгов на аренду выгона и по другим вопросам.
25. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 943. Материалы VIII чрезвычайного Минского губернского земского собрания [за] 27 сентября 1916 г.

Праблема «язычніцкага монатэізму» Рымскай імперыі эпохі прынцыпату ў сучаснай заходняй гістарыяграфіі

С.М. СМІРНОЎ

У дадзеным артыкуле разглядаюцца асноўныя погляды заходніх даследчыкаў аб праблеме «язычніцкага монатэізму» ў рэлігійнай гісторыі Рымскай імперыі. Выяўляецца сутнасць дадзенай праблемы і яе сувязь з сучаснымі метадалагічнымі падыходамі даследаванняў антычнай рэлігійнасці. Сучасная гістарычная навука імкнецца выпрацаваць комплексны і сістэмны падыход да вывучэння антычнай рэлігійнай думкі і рытуальнай практыкі.

Ключавыя словы: Рымская імперыя, заходняя гістарыяграфія, «язычніцкі монатэізм», політэізм, рэлігійны сінкрэтызм, антычная рэлігія.

This article discusses the main views of Western scholars on the problem of «pagan monotheism» in the history of religion of the Roman Empire. It highlights the essence of this problem and its relationship to methodological approaches to the study of ancient religiosity. Modern historical science seeks to develop a comprehensive and systematic approach to the study of religious thought and ritual practice of antiquity.

Keywords: The Roman Empire, Western historiography, «pagan monotheism», polytheism, religious syncretism, ancient religion.

Уводзіны. Аб'ектыўная карціна рэлігійнай гісторыі антычнага свету не можа скласціся без агульнага разгляду праблем рэлігійнага сінкрэтызму і монатэістычных тэндэнцый ў духоўнай культуры Рымскай імперыі I–III стст. н. э. Зварот да дадзенай праблематыкі дагэтуль захоўвае сваю актуальнасць з-за культурнай і рэлігійнай спадчыны антычнага свету ў сучасным свеце, асабліва на фоне дыялогу культур і рэлігій у сучасным свеце. Але ўдакладненне агульнай карціны рэлігійнай гісторыі Рымскай імперыі не можа абысціся без абмеркавання пытанняў гістарыяграфіі і метадалогіі даследавання рэлігійнага жыцця антычнага свету. Агульны агляд асноўных думак і метадалагічных падыходаў сучаснай заходняй гістарычнай і рэлігіязнаўчай навукі да гісторыі рэлігійнага сінкрэтызму і «язычніцкага монатэізму» дазволіць паглыбіць тэарэтычныя асновы далейшых даследаванняў рэлігійнай гісторыі антычнасці.

Абмеркаванне праблемы рэлігійнага сінкрэтызму і «язычніцкага монатэізму» значна актывізавалася на рубяжы XX і XXI стст., што адбылося на аснове новых падыходаў гістарычнай навукі XX ст. да вывучэння гісторыі духоўнай культуры Рымскай імперыі. Сучасныя заходнія даследчыкі, творчасць якіх прыпадае на апошняю трэць XX і першыя дзесяцігоддзі XXI ст., пачалі пераглядаць класічную мадэль рэлігійнай гісторыі старажытных цывілізацый. Дадзеная мадэль была сфармулявана ў працах гісторыкаў XIX – першай паловы XX стст., якія разглядалі духоўную культуру антычнага свету праз прызму адналінейнай эвалюцыі антычнай рэлігіі ад прымітыўнага політэізму да больш дасканаллага монатэізму, ад рэлігіі без дакладных этычных нормаў да рэлігіі са строгімі нормамі этыкі. На іх думку, монатэістычныя тэндэнцыі ў рэлігійным жыцці Рымскай імперыі I–III стст. з'яўляліся вынікам уплыву ўсходніх містэрыяльных культураў, якія падрыхтавалі імперыю да прыняцця хрысціянства. Такім чынам, гэтыя даследчыкі значна перабольшвалі дадзеныя тэндэнцыі ў духоўнай культуры антычнасці. Напрыклад, для французскага гісторыка рэлігіі Эрнеста Рэнана монатэістычныя тэндэнцыі ў рэлігійным жыцці антычнага свету былі выкліканы тым, што політэістычная рэлігія не мела этычнага вымярэння і не адпавядала духоўным запятам насельніцтва Рымскай імперыі. Таму першыя стагоддзі існавання імперыі сталі перыядам актыўнага рэлігійнага пошуку, які праяўляўся ў росце папулярнасці ўсходніх культураў і звароте антычных філосафаў да рэлігійнай і этычнай праблематыкі. Але высокая этыка магла грунтавацца толькі на строгім монатэізме, які прапаноўваўся прыхільнікамі яўрэйскай рэлігіі і ранняга хрысціянства, што і абумовіла канчатковую перамогу гэтай маладой рэлігіі [1, с. 336–339]. Фадзей Зялінскі лічыў рэлігійную палітыку рымскіх імпера-

тараў Элагабала і Аўрэліяна яскравым прыкладам салярнага монатэізму ў рэлігійным жыцці Рымскай імперыі III ст. На яго думку, салярны монатэізм з'яўляўся вяршыняй развіцця рымскай рэлігіі [2, с. 104–117, 341–355]. Да падобных высноў аб салярным монатэізме ў Рымскай імперыі прыходзілі даследчыкі Франц Альтхайм [3, р. 433–465], [4, р. 62–68, 73–83] і Гастон Хальсберге [5, р. 79–84].

Асноўная частка. Да абмеркавання пытання «язычніцкага монатэізму» ў рэлігійнай гісторыі антычнасці звярталіся заходнія даследчыкі гісторыі антычнай літаратуры, спецыялісты ў галіне гісторыі антычнай філасофіі і гісторыкі рэлігійнага жыцця антычнай цывілізацыі. У дадзеным артыкуле сярод прадстаўнікоў класічнай філалогіі прыводзяцца думкі брытанскага філолага Марціна Л. Ёэста і іспанскага даследчыка Мігеля Эрэра дэ Хаўрэгі (Мадрыдскі ўніверсітэт), якія імкнуліся выявіць асаблівасці «монатэістычнага» дыскурсу ў літаратурнай спадчыне старажытнага свету. Да пытання язычніцкага монатэізму звярталіся даследчыкі гісторыі антычнай філасофіі: нямецкі філосаф Міхаэль Фрэдэ, ірландскі гісторык антычнага платанізму Дж. Дылан і грэчаскі даследчыкі інтэлектуальнай спадчыны антычнага неаплатанізму Нікетас Сініясаглу. У рамках інтэлектуальнай і культуральнай гісторыі над дадзеным пытаннем працуюць грэчаская даследчыца рэлігійнай і філасофскай літаратуры эпохі элінізму і Рымскай імперыі Палімна Афанасіядзі (Афінскі ўніверсітэт) і бельгійскі гісторык антычнай культуры Петэр ван Нуфелен, навуковая дзейнасць якога праходзіць ва ўніверсітэце Гента. Пэўную ўвагу нааўнасці монатэістычных тэндэнцый ў рэлігійным жыцці антычнага свету надавалі амерыканскі гісторык Рамсі Макмален, брытанская даследчыца старажытнага Рыму Мэры Бірд і гісторык антычнай рэлігіі Сайман Прайс, грэчаскі гісторык эліністычнай культуры Ангелас Ханіёціс і французская даследчыца культурнага сінтэзу ва ўсходніх правінцыях Рымскай імперыі Ніколь Белайшэ.

Падчас абмеркавання праблемы «язычніцкага монатэізму» ў рэлігійнай гісторыі Рымскай імперыі заходнія даследчыкі звярнулі ўвагу не толькі на выяўленне монатэістычных тэндэнцый, але імкнуліся апісаць і высветліць сутнасць і асноўныя асаблівасці «язычніцкага монатэізму» і яго якаснае адрозненне ад монатэізму яўрэйскай рэлігіі і ранняга хрысціянства. Узнікла пытанне слухнасці супрацьпастаўлення тэрмінаў язычніцтва і монатэізм, іх зручнасці для крытычнага даследавання рэлігійнай гісторыі антычнасці. Традыцыйна склалася ўяўленне, што монатэізм – гэта вера і шанаванне аднаго бога, а язычніцтва – гэта традыцыйны політэізм народаў старажытнага свету. На думку брытанскага даследчыка Марціна Л. Ёэста, такі падыход замянае высвятленню асноўных асаблівасцей рэлігійнай свядомасці старажытных цывілізацыі. Безумоўна, што антычная рэлігія насіла політэістычны характар, але якаснага і рэзкага скачка ад політэізму да монатэізму не адбылося ў гісторыі старажытнага свету. Даследчык настойваў на паступовай трансфармацыі старажытнай рэлігіі, якая заключалася ў росце ролі і значэння таго ці іншага бога ў пантэонах старажытных цывілізацыі. Падмацоўвалі гэтую трансфармацыю тэалагічныя пошукі інтэлектуальнай эліты антычнага свету [6]. Да праблемы язычніцкага монатэізму і інтэлектуальнай гісторыі антычнасці звяртаўся нямецкі даследчык Міхаэль Фрэдэ, які бачыў адрозненне паміж політэізмам і монатэізмам у якасным характары богаў у рэлігійных уяўленнях старажытных грэкаў і рымлян. Якаснае адрозненне паміж політэізмам і монатэізмам заключаецца ў пытанні прыроды багоў, іх суадносін з існуючым светам. У антычным політэізме часцей за ўсё багі ўспрымаліся як часткі наяўнага свету, а ў монатэізме адзіны бог з'яўляецца крыніцай і пачаткам існавання наяўнага свету. Даследчык звяртае ўвагу на факт некрытычнага даверу шматлікіх даследчыкаў рэлігійнай гісторыі антычнасці творам хрысціянскіх інтэлектуалаў, якія імкнуліся падкрэсліць вялізную розніцу паміж рэлігійнымі ўяўленнямі ранніх хрысціян і язычнікаў I–III стст. н. э. На яго думку, хрысціянская апалагетычная літаратура адначасова падкрэслівае і зацямяе факт прысутнасці монатэістычных ідэй у філасофскай спадчыне антычнага свету. Антычныя філосафы лічылі, што традыцыйныя багі грэчаскага і рымскага пантэону паходзяць з адзінага пачатку, які ў філасофскіх сістэмах стоікаў і неаплатонікаў валодаў прыкметамі адзінага бога язычніцкага монатэізму. А культ традыцыйных багоў антычныя інтэлектуалы ўспрымалі як асвечаную традыцыйную форму шанавання адзінага пачатку [7], [8].

Дадзеныя думкі выклікалі крытычныя заўвагі іншых даследчыкаў рэлігійнай гісторыі Рымскай імперыі. Амерыканскі гісторык Рамсі Макмален выказваў скептычнае стаўленне да выяўлення «язычніцкага монатэізму» ў духоўнай культуры старажытнарымскага грамадства. Гісто-

рыкі антычнасці значна перабольшваюць тэалагічныя спекуляцыі антычных філосафаў і скажваюць аб'ектыўную карціну рэлігійнага жыцця Рымскай імперыі. Хаця сам даследчык у сваёй працы аб язычніцкай рэлігіі ў Старажытным Рыме выкарыстоўвае тэрмін «саярны монатэізм» у ацэнцы пашырэння ўплыву саярных культураў сярод прадстаўнікоў ваеннай эліты імперыі, але прызнае традыцыйнасць і ўмоўнасць гэтага тэрміну. Для Р. Макмалена рэлігійныя ўяўленні Рымскай імперыі эпохі прынцыпату заставаліся ў рамках традыцыйнага політэізму [9, р. 83–89]. Падобнай пазіцыі прытрымліваецца брытанскі гісторык і адзін з аўтараў Кембрыджскай гісторыі старажытнага свету Гарт Фоўдэн. Для апісання рэлігійнай сітуацыі I–III стст. ён выкарыстоўвае тэрмін позні політэізм, які мусіць падкрэсліць пераемнасць і паступовую трансфармацыю рэлігійных уяўленняў Рымскай імперыі. Монатэістычныя тэндэнцыі, якія прысутнічалі ў інтэлектуальным асяродку, не скажалі політэістычны характар антычнай рэлігіі. Позні політэізм у Рымскай імперыі захоўваў галоўны акцэнт на правільнай рытуальнай практыцы і не валодаў дакладна акрэсленай дагматыкай. Г. Фоўдэн падкрэслівае недактрынальны характар позняга політэізму. Размова аб «язычніцкім монатэізме» можа прывесці да скажонага разумення рэлігійнай гісторыі старажытнага свету [10]. Брытанскі гісторык не згаджаецца з думкай даследчыкаў Мэры Бірд, Джона Норта і Саймона Прайса аб монатэістычнай веры пэўных прыхільнікаў містэрыяльных культураў. Гэтыя даследчыкі ў сваёй калектыўнай працы аб гісторыі рэлігіі старажытнага Рыму выказваюць думку, што рэлігійныя вераванні насельніцтва імперыі знаходзіліся ў прамежковым стане паміж політэізмам і монатэізмам [11, р. 286–287].

Абмеркаванне праблемы «язычніцкага монатэізму» выявіла супярэчнасць паміж рознымі метадалагічнымі падыходамі да рэлігійнай гісторыі антычнасці. На думку бельгійскага даследчыка Петэра ван Нуфелена, частка даследчыкаў антычнай рэлігіі звяртае значную ўвагу на тэалагічныя спекуляцыі антычных філосафаў, якія існавалі ў вузкіх рамках інтэлектуальнай эліты. Іншыя даследчыкі імкнуцца зменшыць ролю антычнай філасофіі ў рэлігійным жыцці Рымскай імперыі. Яны настойваюць на рытуальным характары антычнай рэлігіі, якая абыходзілася без дакладнай тэалагічнай дактрыны. Супярэчнасць паміж падыходамі заключаецца ў падкрэслванні ролі рэлігійных ідэй ці рэлігійнай практыкі. Але П. ван Нуфелен адзначае, што дыскусіі вакол канцэпцыі язычніцкага монатэізму выкліканы тым, што гісторыкам антычнасці складана комплексна прааналізаваць відавочную супярэчнасць паміж рэлігійнымі ідэямі і паводзінамі ў рэлігійным жыцці эпохі прынцыпату. Падыход, які імкнецца падкрэсліць значнасць рэлігійных ідэй, звяртаецца да крытычнага разгляду творчай спадчыны антычных інтэлектуалаў. Такога характару даследаванні стаяць на мяжы рэлігійнай гісторыі і гісторыі філасофіі, або інтэлектуальнай філасофіі. Другі падыход звяртаецца да аналізу звестак эпіграфічнага матэрыялу і помнікаў сакральнага мастацтва, звесткі антычных аўтараў выкарыстоўваюцца толькі для спроб рэканструкцыі рэлігійных паводзін. Калі першы падыход значна залежыць ад дасягненняў сучаснай філасофіі, то другі падыход прыносіць у гістарычныя даследаванні метады і падыходы сацыяльнай і культурнай антрапалогіі. На думку бельгійскага даследчыка, паўстае неабходнасць пераадолець абмежаванасць абодвух падходаў і выпрацаваць комплексны і кампрамісны погляд на рэлігійную гісторыю Рымскай імперыі [12], [13]. Антычны «філасофскі монатэізм», згодна з пазіцыяй П. ван Нуфелена, атрымаў рэлігійнае вымярэнне толькі ў першыя стагоддзі існавання імперыі. Першапачаткова антычныя філосафы выказвалі крытыку традыцыйнай рэлігіі старажытных грэкаў і рымлян, імкнуліся рэфармаваць яе згодна са сваімі філасофскімі і этычнымі поглядамі. Эпоха прынцыпату становіцца перыядам звароту антычнай філасофіі да рэлігійнай праблематыкі, калі інтэлектуалы Рымскай імперыі адкрыта дэманструюць прыхільнасць да традыцыйных культураў [13]. Падобную пазіцыю падзяляюць даследчыкі Палімінія Афанасіядзі і Канстанцінас Макрыс, якія лічаць безумоўным рытуальны характар антычнай рэлігіі, але настойваюць на значнасці ролі і ўплыву антычнай філасофіі на рэлігійнае жыццё Рымскай імперыі. Антычная філасофія імкнулася рацыяналізаваць і сістэматызаваць традыцыйную рэлігію, умацаваць антычную рэлігійнасць і набожнасць (εὐσεβεία) [14]. Філасофія дапаўняла антычны політэізм і звяртала ўвагу на праблемы этыкі, псіхалогіі, тэалогіі, метафізікі, сатэралогіі, што прыводзіла да істотнай трансфармацыі рэлігійных ўяўленняў. На думку П. Афанасіядзі, дадзеныя змены ў рэлігійным жыцці прадстаўлены ў гісторыі ўсходніх правінцый Рымскай імперыі [15], [16].

Да праблемы язычніцкага монатэізму звярталіся даследчыкі гісторыі хрысціянскага і язычніцкага гнастыцызму. Ірландскі даследчык гісторыі антычнага платанізму Джон Дылан выказаў меркаванне аб існаванні розных варыяцый монатэізму ў рэлігійнай гісторыі старажытнасці. На яго думку, класічным варыянтам монатэізму традыцыйна лічацца яго «жорсткая» форма ў выглядзе тэалагічнай дактрыны іўдаізму і ісламу. Але ў антычнай гісторыі маглі існаваць «мяккія» формы монатэістычных уяўленняў, якія прысутнічалі ў асяроддзі антычных інтэлектуалаў. Прыкметы «мяккага» монатэізму Дж. Дылан заўважае ў хрысціянскім і язычніцкім гнастыцызме. Тэалагічныя і касмалагічныя сістэмы антычных гностыкаў грунтаваліся на прынцыпе нематэрыяльнага адзінага пачатку, які разгортваецца ў складанай іерархіі багоў і звышнатуральных істот. Прытым даследчык падкрэслівае значны ўплыў уяўленняў антычных гностыкаў на магільныя практыкі, якія прысутнічалі ў штодзённай рэлігійнасці насельніцтва імперыі [17].

Грэчаскі даследчык Ангелас Ханіёціс прызнае наяўнасць монатэістычных тэндэнцый у рэлігійным жыцці эліністычных дзяржаў і Рымскай імперыі, але монатэістычныя ўяўленні існавалі толькі ў асяроддзі антычных інтэлектуалаў. Рэлігійная гісторыя ўсходніх зямель Рымскай імперыі заключаецца ў сацыяльнай і палітычнай канкурэнцыі мясцовых эліт і культурных цэнтраў. Грэчаскі гісторык прапаноўвае выкарыстоўваць тэрмін «мегатэізм» у апісанні рэлігійнай сітуацыі III ст. да н. э. – III ст. н. э. Тэрмін мегатэізм адлюстроўвае істотныя змены ў рэлігійных паводзінах насельніцтва эліністычнага і рымскага свету. У эпіграфічным матэрыяле часта сустракаюцца эпітэты багоў «Μέγας θεός», «Εἷς θεός», якія на думку А. Ханіёціса падкрэслівалі ўнікальнасць і магутнасць бога або багіні для іх прыхільнікаў на ўсходзе Рымскай імперыі. Для грэчаскага гісторыка дадзеныя эпітэтыносяць дэманстратыўны характар і сведчаць аб значнай канкурэнцыі паміж разнастайнымі культамі і рэлігійнымі супольнасцямі [18, с. 546–608], [19]. Менавіта гэтая канкурэнцыя ўплывала на мову шанавання традыцыйных багоў і ўказвае на істотную індывідуалізацыю рэлігійнага жыцця ўсходніх правінцый. У падобным ключы разважае галандскі даследчык Хендрык Верснел, які выкарыстоўвае тэрмін «генатэізм» у апісанні рэлігійнай сітуацыі эпохі элінізму і першых стагоддзяў існавання Рымскай імперыі [20, р. 35–37]. Нямецкі гісторык выдзяляе самыя ярскія рысы антычнага генатэізму: а) касмапалітычныя памкненні, якія былі характэрны для шматлікіх містэрыяльных культураў, асабліва ў кульце Ісіды і Серапіса; б) значная роля цудаў і дзівосных знакаў для рэлігійных уяўленняў; в) прыхільнікі атрымліваюць звышнатуральныя ўзнагароды за вярнасць містэрыяльнаму культу; г) наяўнасць эпітэтаў, якія падкрэсліваюць унікальнасць, магутнасць, непераможнасць, бесмяротнасць бога або багіні; д) шчырая вера і цесная эмацыянальная сувязь паміж вернікам або групай вернікаў з унікальным бажанствам [21, р. 289–300]. Але даследчык прызнае, што антычная рэлігія ў эпоху элінізму і прынцыпату захоўвала свой політэістычны характар, але генатэістычныя ўяўленні і практыкі паступова пашыраліся і ўплывалі на рэлігійныя паводзіны жыхароў імперыі. Пашырэнне генатэізму ў рэлігійным жыцці антычнага свету даследчык звязвае з усталяваннем эліністычных манархій і рымскага прынцыпату, якія істотным чынам змянілі палітычную культуру антычнасці [20, р. 72–74].

Грэчаскі даследчык Нікетас Сініясаглу падзяляе інтэлектуальны монатэізм антычных філосафаў і традыцыйныя культы і ўяўленні простых жыхароў імперыі. На яго думку, інтэлектуалы I–III стст. н. э. заўважалі істотную супярэчнасць паміж філасофскім монатэізмам і традыцыйным політэізмам, распрацоўвалі інклюзіўную ідэалогію агульнаімперскага генатэізму. Такім чынам антычныя інтэлектуалы імкнуліся адаптаваць свае ідэі да народнай рэлігійнасці і афіцыйнага культу рымскіх імператараў. Але інклюзіўнасць агульнаімперскага генатэізму стала прычынай яго ўразлівасці перад крытыкай хрысціянскіх апалагетаў. У цэнтры канфлікту паміж «язычніцкім монатэізмам» антычных інтэлектуалаў і монатэізмам ранніх хрысціян знаходзіліся пытанні рэлігійнай выключнасці і рэлігійнага сінкрэтызму [22]. На думку іспанскага даследчыка Мігеля Эрэра дэ Хаўрэгі праблема язычніцкага монатэізму цесна звязана з гісторыяй рэлігійнага сінкрэтызму антычнага свету. Даследчык вылучае два шляхі фармавання ідэі адзінага бога або адзінага пачатку ў політэістычных сістэмах антычнага свету. Першы шлях – гэта паступовая іерархізацыя традыцыйнага політэістычнага пантэону, у якім багі губляюць сваю самастойнасць і становяцца праявай волі адзінага галоўнага бога. Другі шлях – гэта рэлігійны сінкрэтызм, які прыводзіць да атаясамлення і зліцця

шматлікіх багоў у адно боства [23], [24, р. 179–198]. Праявы язычніцкага монатэізму ў сінкрэтычным кульце Вышэйшага Бога (Ἵψιστος Θεός) заўважае брытанскі гісторык антычнасці Стывен Мітчэл. Пашырэнне дадзенага культу даследчык звязвае з ростам цікавасці жыхароў усходу Рымскай імперыі да пытанняў рэлігійнай этыкі і тэалогіі ў II–III стст. н. э. С. Мітчэл адзначае, што дадзены культ імкнуўся адаптаваць да сябе мясцовыя вераванні Малой Азіі, што заўважаецца ў мясцовым эпіграфічным матэрыяле. Мясцовыя багі пераўтвараліся ў пасланнікаў Тэаса Гіпсіста, а сам культ, згодна са сведчаннямі хрысціянскіх аўтараў IV ст. н. э., прытрымліваўся строгіх этычных норм [25], [26]. Пазіцыю брытанскага гісторыка крытыкуе французская даследчыца Ніколь Белайшэ. Яна адстойвае думку аб значнай ролі культу і рэлігійнай практыкі ў духоўнай культуры антычнасці. У цэнтры антычнай рэлігійнасці знаходзілася рытуальная практыка, а не тэалагічныя схемы грэчаскіх і рымскіх інтэлектуалаў. На яе думку, канцэпцыя язычніцкага монатэізму істотным чынам скажае рэальную карціну рэлігійнага жыцця. Асабліва яна крытыкуе пошукі монатэістычных рыс у сінкрэтычным кульце Вышэйшага Бога (Ἵψιστος Θεός), бо эпітэт Ἵψιστος мог выкарыстоўвацца як эквівалент эпітэтаў μέγας, εἶς [27]. Французская даследчыца згаджаецца з высновамі А. Ханіёціса і Х. Верснеля аб трансфармацыі рэлігійных паводзін у Рымскай імперыі I–III стст. [28].

Заклучэнне. Абмеркаванне праблемы язычніцкага монатэізму ў сучаснай заходняй гістарыяграфіі дэманструе рознасць метадалагічных падыходаў да даследаванняў рэлігійнай гісторыі антычнага свету. Станоўчае стаўленне да ўжывання тэрміну «язычніцкі монатэізм» выказваюць тыя даследчыкі, якія разглядаюць рэлігійную гісторыю Рымскай імперыі праз прызму гісторыі антычнай філасофіі і літаратуры. Гэтыя даследчыкі ставяць пад пытанне традыцыйнае разуменне тэрміна монатэізм і прапаноўваюць скарэкціраваць яго згодна са сваім падыходам. На іх думку, неабходна надаць значную ўвагу гісторыі рэлігійнай свядомасці антычнага свету і выявіць асаблівасці монатэістычнага дыскурсу ў літаратурнай і філасофскай спадчыне антычных інтэлектуалаў. Крытычнае стаўленне да выкарыстання тэрміну «язычніцкі монатэізм» дэманструюць даследчыкі, якія вывучаюць штодзённую рэлігійнасць насельніцтва Рымскай імперыі, якая прадстаўлена ў эпіграфічным матэрыяле рымскіх правінцый. На іх думку, пытанне язычніцкага монатэізму мае слушнасць толькі ў рамках інтэлектуальнай гісторыі антычнага свету, але рэлігійная практыка антычнай цывілізацыі захоўвала політэістычны характар. Такім чынам, прысутнічае супярэчнасць паміж даследаваннем рэлігійнай гісторыі праз прызму вывучэння рэлігійнай свядомасці ці рэлігійнай практыкі. Прытым абодва метадалагічныя падыходы абсалютызуюць кантраст і рознасць паміж рэлігійнай свядомасцю і практыкай у антычнай культуры, што не дазваляе заўважыць супярэчлівы характар рэлігійнага жыцця Рымскай імперыі I–III стст. Такім чынам перад новымі даследаваннямі рэлігійнай гісторыі антычнага свету паўстае задача пераадолець недахопы гэтых падыходаў і выправіць комплексны і сістэмны погляд на развіццё духоўнай культуры антычнай цывілізацыі.

Літаратура

1. Ренан, Э. Марк Аврелий и конец античного мира / Э. Ренан ; пер. с француз. Л. Я. Гуревич. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1906. – 468 с.
2. Зелинский, Ф. Ф. История античных религий : в 6 т. / Ф. Ф. Зелинский ; пер. с польск. И. Г. Бей. – СПб. : Изд. Квадриум, 2014–2019. – Т. 5, кн. 2. : Религия Римской империи. – 2018. – 560 с.
3. Altheim, F. A history of Roman religion / F. Altheim ; translated by H. Mattingly. – London : Methuen & Co. LTD, 1938 – 558 p.
4. Altheim, F. Deus invictus. Le religioni e la fine del mondo antico / F. Altheim ; traduzione di E. Albrile. – Roma : Edizione Mediterranee, 2007. – 185 p.
5. Halsberghe, G. H. The cult of Sol Invictus / G. H. Halsberge. – Leiden : E. J. Brill, 1972. – 192 p.
6. West, M. L. Toward Monotheism / M. L. West // Pagan Monotheism in Late Antiquity / ed. P. Athanassiadi, M. Frede. – Oxford : Oxford Univer. Press. 1999. – P. 21–40.
7. Frede, M. Monotheism and pagan philosophy in later antiquity / M. Frede // Pagan Monotheism in Late Antiquity / ed. P. Athanassiadi, M. Frede. – Oxford : Oxford Univer. Press. 1999. – P. 41–68.
8. Frede, M. The case for pagan monotheism in Greek and Graeco-Roman antiquity / M. Frede // One God. Pagan monotheism in the Roman Empire / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Cambridge : Cambridge Univer. Press., 2010. – P. 53–81.

9. MacMullen, R. *Paganism in the Roman Empire* / R. MacMullen. – London, New Haven : Yale Univer. Press, 1981. – 262 p.
10. Фоуден, Г. Поздний политеизм / Г. Фоуден // *Кембриджская история древнего мира* : в 14 т. ; под ред. А. К. Боумана [и др.]. – М., 2021. – Т. XII, 2 полутом : Кризис империи, 193–337 гг. – С. 711–771.
11. Beard, M. *Religion of Rome* : in 2 vol. / M. Beard, J. North. – Cambridge : Cambridge Univ. Press., 1996. – Vol. 1 : History. – 474 p.
12. Van Nuffelen, P. Introduction : the debate about pagan monotheism / S. Mitchell, P. van Nuffelen // *One God. Pagan monotheism in the Roman Empire* / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Cambridge : Cambridge Univer. Press., 2010. – P. 1–15.
13. Van Nuffelen, P. Pagan monotheism as a religious phenomenon / P. van Nuffelen // *One God. Pagan monotheism in the Roman Empire* / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Cambridge : Cambridge Univer. Press., 2010. – P. 16–33.
14. Athanassiadi, P. La philosophisation du religieux / P. Athanassiadi, C. Macris // *Panthée : Religious Transformations in the Graeco-Roman Empire* / ed. L. Bricault, C. Bonnet. – Leiden, Boston : Brill, 2013. – P. 41–84.
15. Athanassiadi, P. Introduction / P. Athanassiadi, M. Frede // *Pagan Monotheism in Late Antiquity* / ed. P. Athanassiadi, M. Frede. – Oxford : Oxford Univer. Press. 1999. – P. 1–20.
16. Athanassiadi, P. The Chaldaean Oracles : Theology and Theurgy / P. Athanassiadi // *Pagan Monotheism in Late Antiquity* / ed. P. Athanassiadi, M. Frede. – Oxford : Oxford Univer. Press. 1999. – P. 81–148.
17. Dillon, J. Monotheism in the Gnostic Tradition / J. Dillon // *Pagan Monotheism in Late Antiquity* / ed. P. Athanassiadi, M. Frede. – Oxford : Oxford Univer. Press. 1999. – P. 69–80.
18. Ханиотис, А. Эпоха завоеваний. Греческий мир от Александра до Адриана, 336 г. до н. э. – 138 г. н. э. / А. Ханиотис ; пер. с англ. – М. : Альпина Нон-Фикшн, 2020. – 680 с.
19. Chaniotis, A. Megatheism : the search for the almighty god and the competition of cults / A. Chaniotis // *One God. Pagan monotheism in the Roman Empire* / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Cambridge : Cambridge Univer. Press., 2010. – P. 112–140.
20. Versnel, H. S. *Ter Unus. Isis, Dionysos, Hermes : three studies in henoteism* / H. S. Versnel. – Leiden, New York : Brill, 1990. – 268 p.
21. Versnel, H. S. *Coping with the Gods. Wayward readings in Greek Theology* / H. S. Versnel. – Leiden, Boston : Brill, 2011. – 595 p.
22. Siniossoglou, N. From philosophic monotheism to Imperial Henoteism : esoteric and popular religion in Late Antique platonism / N. Siniossoglou // *Monotheism between Pagans and Christians in Late Antiquity* / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Leuven : Peeters, 2010. – P. 127–148.
23. Jauregui de M. H. Orphic God(s) : Theogonies and Hymns as vehicles of monotheism / M. H. de Jauregui // *Monotheism between Pagans and Christians in Late Antiquity* / ed. S. Mitchell, P. van Nuffelen. – Leuven : Peeters, 2010. – P. 77–100.
24. Jauregui, de M. H. *Orphism and Christianity in Late Antiquity* / M. H. de Jauregui. – Berlin, New York : De Gruyter, 2010. – 457 p.
25. Mitchell, S. The cult of theos hypsistos between Pagans, Jews, and Christians / S. Mitchell // *Pagan Monotheism in Late Antiquity* / ed. P. Athanassiadi, M. Frede. – Oxford : Oxford Univer. Press. 1999. – P. 81–148.
26. Mitchell, S. Further thoughts on the cult of Theos Hypsistos / S. Mitchell // *One God. Pagan monotheism in the Roman Empire* / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Cambridge : Cambridge Univer. Press., 2010. – P. 167–208.
27. Belayche, N. *Deus deum...summorum maximus (Apuleius) : ritual expressions of distinction in the divine world in the imperial period* / N. Belayche // *One God. Pagan monotheism in the Roman Empire* / ed. St. Mitchell, P. van Nuffelen. – Cambridge : Cambridge Univer. Press., 2010. – P. 141–166.
28. Belayche, N. L'évolution des formes rituelles : hymnes et mystèria / N. Belayche // *Panthée : Religious Transformations in the Graeco-Roman Empire* / ed. L. Bricault, C. Bonnet. – Leiden, Boston : Brill, 2013. – P. 17–40.

Семантичныя групы прозвішчаў Кармянскага раёна

У.А. БОБРЫК

У артыкуле аналізуюцца семантичныя групы прозвішчаў жыхароў Кармянскага раёна. Вылучаны адзінаццаць лексіка-семантичных груп, што сталі асновай для ўтварэння прозвішчаў. У выніку аўтар даследавання прыйшоў да высновы, што найбольш ужывальнымі з'яўляюцца прозвішчы, суадносныя з назвамі прафесій, родам заняткаў, фізічнымі і фізіялагічнымі характарыстыкамі чалавека. Менш пашыраны прозвішчы, суадносныя з назвамі адзення і абутку, батанічнымі і геаграфічнымі назвамі.

Ключавыя словы: прозвішча, семантыка, апапелятыўнае прозвішча, адыменнае прозвішча, адтапанічнае поле, словаўтварэнне, лексіка-семантычная група.

The article gives the semantic analysis of the surnames of the Korma region citizens. Eleven lexico-semantic groups as the basis for surname formation were singled out. As a result the researcher has come to the conclusion that the most common surnames are the ones that originated from professions, occupations, physical and physiological characteristics of a person. Fewer surnames are related to clothes and footwear, botanical and geographical names.

Keywords: surname, semantics, appellative surname, name surname, toponymic field, world-formation, lexico-semantic group.

Разнастайнасць беларускіх прозвішчаў абумоўлена вялікай колькасцю разнародных элементаў, выкарыстаных у якасці іх асноў. Да іх належаць як спрадвечныя, так і запазычаныя словы. Паводле стану ў мове – гэта асабовыя імёны, імёны па бацьку, імёны-мянушкі, а таксама, што не выключана, гатовыя прозвішчы, геаграфічныя назвы, назвы плямён і народаў, апелятыўная лексіка мовы. Сотнямі нябачных сувязей звязаны прозвішчы з жыццём грамадства, з яго культурай, якая складаецца з сукупнасці матэрыяльных і духоўных дасягненняў. Мова, літаратура, мастацтва, рэлігія, філасофія адносяцца да духоўнай культуры. Сам слоўнікавы склад мовы жыва рэагуе на прагрэс, адпаведна ўсё новае знаходзіць адлюстраванне ў ім. Таму ўтворанае ў тую ці іншую эпоху імя суадносіцца з яе культурнымі і гістарычнымі традыцыямі, нясе інфармацыю і выступае непаўторным помнікам свайго часу. Багацце і стракатасць асноў прозвішчаў нагадваюць энцыклапедыю мовы, штодзённага жыцця, умоў існавання, спосабаў і формаў задавальнення матэрыяльных і духоўных патрэб людзей.

Аналіз семантыкі і структуры прозвішчаў – цікавая, каштоўная і цяжкая справа, што прызнаецца многімі антрапанімістамі. Ён, на думку А. Суперанскай, «дае значную інфармацыю, якая ўяўляе цікавасць для гісторыкаў, этнографікаў, сацыёлагаў, а таксама лінгвістаў. Пры параўнанні лексічных палёў, па якіх размяркоўваюцца асновы прозвішчаў у розных мовах, можна зрабіць вывады пра агульнасць або, наадварот, рознасць нацыянальных культур асобных народаў» [1, с. 81].

Прозвішчаў апапелятыўнага паходжання ў беларускай мове даволі многа. Гэта група складае прыкладна каля паловы ўсіх прозвішчаў. Вядомы антрапаніміст М.В. Бірыла адзначае, што «з пункту погляду гісторыі мовы апапелятыўная антрапанімія з'яўляецца захавальнікам, кансервантам лексікі папярэдніх эпох, дае матэрыял для больш глыбокага вывучэння гістарычнага слоўніка, моўных узаемасувязей» [2, с. 4]. Згодна з гэтым у якасці асноў для ўтварэння прозвішчаў магла выкарыстоўвацца лексіка, якая адлюстроўвае самыя разнастайныя галіны жыццядзейнасці народа і акаляючай яго рэчаіснасці – быт, заняткі, становішча ў сям'і і грамадстве, фізічныя, разумовыя і маральныя якасці, пачуцці, сацыяльны ўклад, жывёльны і раслінны свет і пад. У гэтым сэнсе антрапанімія, утвораная ад апелятыўнай лексікі, з'яўляецца кладоўкай гісторыка-культурнай спадчыны, дае каштоўны матэрыял для вывучэння агульнай гісторыі народа. Пры ўтварэнні прозвішчаў Кармянскага раёна выкарыстоўвалася лексіка наступных семантичных груп:

Назвы асоб па прафесіі ці занятку, сацыяльным становішчы. Прозвішчы, утвораныя ад назваў прафесій, сведчаць пра разнастайнасць прафесій у Беларусі. З развіццём грамадства зніклі некаторыя прафесіі, а разам з імі страціліся і іх назвы, якія ляжаць у аснове прозвішчаў. Тым не менш іх этымалогія ў большасці застаецца празрыстай. Прозвішчы, што былі ўтвораны ад назваў прафесій, роду заняткаў або выконваемага дзеяння прадстаўляюць сабой каштоўную крыніцу па гісторыі мовы і культуры. *Алейнік, Алейнікаў* < алейнік 'спецыяліст па вытворчасці алею' [2, с. 20]; *Асадчы, Асадчык* < асадчы 'заснавальнік паселішча' [2, с. 24]; *Бабраўнічы* < баброўнік 'той, хто разводзіць баброў' [3, с. 241]; *Бондар, Бондараў* < бондар 'майстар, які робіць бочкі' [4, с. 395]; *Бортнік* < пчаляр, які займаецца бортнымі пчоламі [4, с. 396]; *Буднік, Будніцкі* < буднік 'рудакоп' [2, с. 64]; *Дзегцяроў, Дзегцярэнка* < дзегцяр 'той, хто гоніць дзэгаць' [5, с. 178]; *Дудараў* < дудар 'музыкант, які іграе на дудзе' [5, с. 207]; *Ганчар, Ганчароў* < ганчар 'той, хто вырабляе гліняную пасуду [2, с. 101]; *Гутнікаў* < 'рабочы, які працуе на гуце' [5, с. 101]; *Кавалёў, Кавалеўскі, Кавальчук, Коваль* < каваль 'рабочы, майстар, які займаецца коўкай металу' [5, с. 570]; *Кажадуб* < 'дубільшчык скур' [2, с. 167]; *Кажамякін* < 'аўчыннік, майстар, які вырабляе шкуры' [2, с. 167]; *Калеснік, Калеснікаў* < калеснік 'майстар, які вырабляе колы, калёсы' [5, с. 586]; *Катляр, Катляроў* < катляр 'майстар, які вырабляе катлы' [2, с. 192]; *Кравец, Краўцоў, Краўчанка, Краўчук* < кравец 'спецыяліст па шыццю адзення' [5, с. 719]; *Кухараў, Кухарэвіч, Кухарэнка, Кухарэўскі* < кухар 'повар' [2, с. 236]; *Кучараў* < кучар 'фурман, рамізнiк, вазніца' [2, с. 236]; *Мытнік, Мытнікаў* < мытнік 'зборшчык таможнай пошліны, таможнік' [2, с. 291]; *Панамар, Панамароў, Панамарэнка* < панамар 'царкоўны служка' [3, с. 98]; *Папкоў, Папоў, Попчанка* < поп 'свяшчэннік' [6, с. 191]; *Пастухоў, Пастушэнка* < пастух 'той, хто пасе статак' [6, с. 92]; *Партны* < партны *рэг.* 'кравец' [2, с. 315]; *Пушкарэнка* < пушкар *уст.* 'артылерыст' [6, с. 528]; *Руднік* < 'руднік, той, хто здабывае ці плавіць руду' [2, с. 555]; *Ткач, Ткачэнка* < ткач 'рабочы, майстар, які вырабляе тканіну на ткацкім станку' [7, с. 490]; *Шапавалаў* < шапавал 'майстар, які вырабляе валеннем шэрсці капелюшы і інш. рэчы' [7, с. 348]; *Шаўцоў* < шавец 'майстар па шыццю і рамонту абутку' [7, с. 490]; *Швец* < швец 'кравец' [8, с. 340]; *Шкляр, Шклярэўскі* < шкляр 'работнік шкляннай прамысловасці' [7, с. 368]; *Шынкар, Шынкарэнка* < шынкар 'уладальнік шынкі' [7, с. 428].

Прозвішчы, якія абазначаюць фізічныя і фізіялагічныя характарыстыкі чалавека, рысы характару, уласцівасці розуму, схільнасці і прывычкі складаюць адну з самых багатых па колькасці груп: *Балабайка* < балабон 'балбатун, пустаслоў' [4, с. 329]; *Бамбіза* < 'рослы, непаваротлівы, няскладны чалавек' [2, с. 40]; *Бабыр* < *кірг.* 'гаварун, гаварлівы' [2, с. 30]; *Балачкоў* < балака *рэг.* 'балагур, гаварун', *рус.* 'балбатун' [2, с. 37]; *Батура* < 'балагур', *рус.* 'упарты, непаслухмяны' [2, с. 45]; *Белавусаў* < белыя вусы [4, с. 363]; *Брылеў, Брылёў* < 'ілгун, абманшчык' [2, с. 61]; *Бязгубка, Бяздольны, Бязручка, Бязручанька* < які не мае губы, рукі [4, с. 440]; *Варапаеў* < варапаеў *рэг.* 'смелы чалавек' [2, с. 82]; *Галавач, Галавачоў, Галаўнёў* < 'галаваты' [2, с. 96]; *Гарбач, Гарбачэнка, Гарбачэўскі* < 'гарбаты' [2, с. 102]; *Гаркуша* < *рус.* *гаркуша* 'крыкун, гарлапан' [2, с. 103]; *Глушак, Глушакоў* < *рэг.* 'глухі' [2, с. 111]; *Жогла* < *рэг.* 'ашуканец, круцель' [2, с. 147]; *Зубаў, Зубаха* < 'зубаты' [2, с. 161]; *Кацуба* < 'той, у каго з рук усё валіцца' [2, с. 195]; *Карнавушанка, Карнавушка, Карнавушчанка* < карнавухі 'з абрэзаным або пакалечаным вухам' [5, с. 644]; *Качура* < *рус.* *качура, кочура* 'бамбіза' [2, с. 196]; *Корзун* < *рус.* *корзун* 'без пярэдніх зубоў, шчарбаты' [2, с. 214]; *Крук, Крукаў, Крукоўскі, Кручкоў* < крук 'скупец, скупы чалавек' [2, с. 219]; *Кудраўскі, Кудрачоў* < кудравы 'кудрач, кучаравы' [2, с. 226]; *Лёгкі, Лёгенькі* < ад лёгкі [2, с. 251]; *Леўшуноў* < ад ляўша [2, с. 264]; *Лысенка* < ад лысы [2, с. 260]; *Надтачаеў* < *бел.* надтачыць 'падоўжыць што-небудзь, зрабіць даўжэйшым' [2, с. 295]; *Носараў* < 'насаты, насаль' [2, с. 300]; *Нядбайлаў* < *разм.* 'нядбалец, нядбалы, лянiвы чалавек' [9, с. 426]; *Нямкевіч, Нямцоў, Немчанка* < 'нямы' [2, с. 202]; *Сівачэнка* < 'сівы' [7, с. 126]; *Сляцоў* < сляпак *разм., зняваж.* 'сляпы чалавек' [7, с. 212]; *Філонаў, Філончык* < *філон. жарг.* 'гультай' [2, с. 423]; *Ціхановіч* < ад ціхі [2, с. 438]; *Цішкоў, Цішкевіч* < *укр.* *тишко* 'ціхоня' [2, с. 439]; *Чарнышэвіч* < *рус.* *черныш* 'смуглы, чарнявы чалавек' [2, с. 448]; *Буянкоў* < ад буян 'дэбашыр' [2, с. 74]; *Гатальскі* < *рэг.* 'гаталяй, гуляка' [2, с. 106]; *Глазуноў* < *рус.* *глазун* 'разьявка, той, хто без справы ходзіць і разглядае' [2, с. 110]; *Дзівакоў, Дзівачэнка* < дзівак 'чалавек з незвычайнымі схільнасцямі, звычкамі, поглядамі' [5, с. 172]; *Дзюндзікаў* < *рэг.*

дзюндзік ‘п’яніца, гультай’ [2, с. 131]; *Мануйленка* < рус. *мануйла* ‘абманшчык, той, хто ўмее выманіць’ [2, с. 274]; *Марчанка* < рэг. марчыць ‘мучыць тугою’ [2, с. 277]; *Піскуноў* < піскун ‘той, хто часта пішчыць’ [6, с. 259]; *Сігаеў* < рус. *сигала, сигун, сигач* ‘скакун, прыгун’ [2, с. 373]; *Смірноў* < ад смірны [2, с. 384]; *Суркоў* < ад сурок перан. палахлівы чалавек [7, с. 390]; *Цікавец, Цікавенка* < ад цікавы [2, с. 438]; *Шастапалаў* < шастапал ‘які мае шэсць пальцаў’ [2, с. 469]; *Шчарбакоў* < ‘шчарбаты чалавек’ [2, с. 487].

Назвы жывёл, звяроў, птушак, рыб і насякомых. Гэта група з’яўляецца адной з важных крыніц для ўтварэння прозвішчаў Кармянскага раёна: *Баран, Баранаў, Быкаў, Бычкоў, Кабан, Кабанькоў, Казлоўскі, Лосеў, Мядзведзеў, Мядзведскі; Баброў, Барсук, Барсукоў, Ваўчкоў, Волкаў, Волчак, Зайцаў, Заяц, Коцур* < укр. *коцур* ‘кот’ [2, с. 216], *Кот, Котаў, Ліс, Лісаў, Лісоўскі, Мышкоўскі, Суркоў, Хамянкоў, Яжоў; Арлоў, Арлоўскі, Бусел, Варабей, Вараб’ёў, Верабей, Гавенька* < гавенька ўкр. ‘варона’ [2, с. 94], *Галкін, Голуб, Голубаў, Голубеў, Гусакоў, Дзярках* < ‘драч’ [5, с. 182], *Дзятлаў, Драздоў, Драчоў, Жураўлёў, Жураўскі, Кобец* < укр. *кобець* (птушка) ‘кобчык, шулёнак’ [2, с. 210], *Кручкоў* < рэг. *крук* ‘варона’ [2, с. 219], *Лебедзеў, Певень, Пеўнеў, Сакалоў, Салаўёў, Сарокін, Селязнёў, Сокалаў, Уткін, Шнак, Шнакаў, Чайкоў, Чыжыкаў; Акулаў, Акуленка, Акунёў, Бабыр, Карасевіч, Карасёў, Карп, Карновіч, Лешч, Лешчанка, Печкуроў, Плоткін, Сазонаў, Сазаноўскі, Сомаў, Судакоў; Жук, Жукаў, Жукоўскі, Камар, Камароўскі, Мураўёў, Мурашка, Мурашкоў, Мухін, Шаршнёў.*

Прозвішчы, утвораныя ад назваў прадуктаў харчавання. У мінулым харчаванне займала важнае месца ў жыцці людзей, што звязана з цяжкай працай. Таму зразумела, чаму ад гэтых назваў утварылася даволі шмат прозвішчаў. Гэта і назвы першых страў, і назвы каш, і назвы страў з мукі. Хлеб з’яўляўся і з’яўляецца галоўным прадуктам харчавання, таму не магло не быць прозвішча, утворанага ад слова «хлеб». Адно прозвішча ўтварылася ад назвы напоя. *Барычэўскі, Бецін* – *бець* ‘вялікая булка хлеба’ [2, с. 53]; *Бражны* < брага ‘рошчына з соладу, мукі і бульбы, з якой гоняць спірт’ [4, с. 398]; *Бубликаў, Бурдыгаў* < бурда ‘мутны напітак’ [2, с. 69]; *Калатуша* – калатуша ‘негустая страва з раскалочанай у вадзе ці ў малацэ мукі’ [5, с. 582]; *Журко* < жур ‘негусты аўсяны кісель’ [5, с. 260]; *Калдун, Кісель, Кісялёў, Корж, Каржакоў* < корж ‘прэснае, сухое печыва з мукі; праснак’ [5, с. 714]; *Крупоўскі, Кулага, Кулажанка* < кулага ‘страва з мукі’ [2, с. 228]; *Кулеш, Куляшоў* < кулеш ‘рэдка мучная каша з салам’ [5, с. 752]; *Куліч* < куліч ‘салодкі здобны пірог цыліндрычнай формы (па праваслаўнаму календару выпякаўся на вялікдзень)’ [5, с. 752]; *Лапуноў* – лапун ‘праснак з бульбы і мукі’ [2, с. 245]; *Лапын, Масленчанка, Масленка, Прыгара* < рэг. прыгарка ‘прыгарэлае месца, прыгарак’ [3, с. 334]; *Саладуха* < саладуха ‘салодкая страва з густазаваранай жытняй мукі’ [7, с. 24]; *Сметанчук, Рабчанка* < рабко ‘страва з пшана і грэчкай мукі’ [2, с. 344]; *Хлебін, Хлебнікаў, Цукараў.*

Прозвішчы, утвораныя ад назваў абутку і адзення: *Барукошкаў* < рус. *борушка* ‘жаночы галоўны ўбор’, ‘каўнерык з дробнымі складкамі ў жаночым адзенні’, ‘жаночая сарочка’ [2, с. 43]; *Башмак, Башмакоў, Кобец* < коба ўкр. ‘капюшон, башлык у адзенні’ [2, с. 209]; *Кунец, Кунько, Кунцэвіч, Куніцкі* < рэг. куна ‘шуба з куніцы’ [2, с. 230]; *Лапцеў* < лапаць ‘абутак з лыка’ [2, с. 246]; *Лёля* < рэг. лёля дзіцяч. ‘сарочка, кашулька’ [2, с. 250]; *Сакаўчук, Саковіч* < сак ‘жаночае адзенне’ [2, с. 361]; *Тулупаў* < рус. ‘кажух’ [2, с. 417]; *Шчарбак* < укр. ‘чаравік з аднаго куска скуры’ [2, с. 487].

Назвы асоб па адносінах сваяцтва ці становішча ў сям’і: *Бабіч* < рэг. ‘дзіця, якое нарадзілася ў бабкі-павітухі ці ў старой жанчыны’, рус. ‘бабнік’ [2, с. 29]; *Бабушкін* < бабушка рэг. ‘бабуля’ [2, с. 20]; *Дзедзік, Дзедзікаў* < дзед ‘бацькаў або матчын бацька’ [5, с. 165]; *Ждан, Ждановіч* < ад ждаць ‘чакаць’, ‘дзіця, якога чакаюць, хочуць’ [2, с. 146]; *Карзюк* < рус. *корза* ‘карга, старая баба’ [2, с. 214]; *Малкін* < малка рэг. ‘малютка’ [2, с. 271]; *Маліцкі* < рус. *малик* ‘дзіця, малыш, меншы ў сям’і’ [2, с. 271]; *Новік, Новікаў, Навіцкі* < рэг. ‘новы чалавек у сям’і’, ‘новы член у сям’і’ [2, с. 294]; *Прыходзька* < ‘той, хто прыйшоў, прышлы’ [2, с. 336]; *Пазняк, Пазнякоў* < рус. *поздняк* ‘апошняе дзіця ў старых бацькоў ці дзіця, якое нарадзілася праз доўгі час пасля папярэдняга’ [2, с. 308]; *Першукевіч* < першы ў сям’і, першынец [2, с. 322]; *Шастак* < шостае па ліку дзіця ў сям’і [2, с. 469].

Прозвішчы, утвораныя ад батанічных тэрмінаў. Дадзены падпункт уключае ў сябе прозвішчы, утвораныя ад назваў дрэў, кветак, садавіны і інш.:

Арбузаў, Бабок, Баравік, Бурак, Буракоў, Бурачонак, Бурачэнка, Бур'ян, Васількоў, Вішнёўскі, Вішнявецкі, Вішняк, Вярбіцкі, Гарбуз, Гарбузоў, Гарошка, Грыб, Грыбоўскі, Дубіна, Дубінін, Дубінскі, Дубкоў, Дубовік, Жолуд, Жолудзь, Жытнік, Жытнікаў, Калінін, Капусцін, Кедраў, Лазоўскі, Ліпаў, Ліпскі, Ліпаўскі, Маліноўскі, Плюшчаў, Пшанічнік, Пшаноў, Саснок, Сасноўскі, Суржык, Травінчык, Травулька, Траўнік, Хмялеўскі, Цыбульскі, Яворскі < 'ад явар' [2, с. 498]; *Ярэц* < укр. *ярець* 'ячмень' [2, с. 500].

Прозвішчы, утвораныя ад назваў народаў і этнічных груп: *Літваінаў, Літвіненка, Літвінчук* < ліцвін, ст. бел. *літовец* 'жыхар Літвы' [2, с. 253]; *Мазур, Мазуркевіч, Мазурэнка* < мазур 'выхадзец з Мазуршчыны' [2, с. 267]; *Маскаленка* < маскаль 'падданы Маскоўскай дзяржавы' [2, с. 277]; *Прус, Прусак* < 'ураджэнцы або жыхары Прусіі; паўночна-ўсходнія немцы' [6, с. 402]; *Шведаў* < швед 'народ скандынаўскай групы, які складае асноўнае насельніцтва Швецыі' [8, с. 363].

Назвы частак цела і покрыва чалавека і жывёл. Прозвішчы, звязаныя з асобнымі часткамі чалавечага цела былі даволі папулярнымі. У якасці прозвішч маглі выкарыстоўвацца і назвы частак цела жывёл: *Бяззубка, Бязручка, Валасевіч, Галавін, Галавачэнка, Галоўка, Галоўчанка, Гарбуноў, Гарло, Горленка, Гуз, Гузаў, Гуляноў* < гуля 'гуз, жаўлак' [5, с. 95]; *Дзюба, Дзюбка, Зубаў, Капыткоў, Крылоў, Ланін, Ланіцкі, Ланкоўскі, Маслак* < маслак 'вялікая косць, пераважна сцягнавая; вытыркая косць' [9, с. 117]; *Пузік, Пузан* < пуза 'жывот чалавека або жывёлы' [9, с. 117]; *Ражкоў, Рагоўскі, Рогаў, Ус, Усевіч, Усікаў, Ушкін, Шкурко, Шкурын, Шкуратаў*.

Прозвішчы, утвораныя ад геаграфічных назваў складаюць невялікую па колькасці групу: *Аршанскі* (г. Орша), *Барысавец* (г. Барысаў), *Вялікаборац* (в. Вялікі Бор), *Дземяхоўскі* (в. Дземяхі), *Дубавец* (в. Дубы, Дубава), *Пінскі, Пінчук* (г. Пінск), *Паляшук* (Палессе), *Слоніmsкі* (г. Слонім), *Прылуцкі* (г. Прылуки), *Туравец* (г. Тураў), *Бакавец* (в. Бакі, Бакава), *Гарыводскі* (в. Гарывада), *Палтавец* (г. Палтава), *Петрыкавец* (г. Петрыкаў), *Цеснавец* (в. Цясны), *Шыхавец* (в. Шыхава).

Такім чынам, аналіз вышэй разгледжаных прозвішчаў дае нам магчымасць сцвярджаць, што самай прадуктыўнай матывацыйнай базай для ўтварэння прозвішчаў Кармянскага раёна з'яўляецца апелятыўная лексіка, якая прадстаўлена рознымі лексіка-семантычнымі групамі. Найбольш пашыранымі з'яўляюцца прозвішчы, утвораныя ад назваў асоб па прафесіі, фізічных і фізіялагічных характарыстык чалавека, асаблівасцей характару, яго схільнасцей і прывычак. Менш пашыраны прозвішчы, суадносныя з назвамі абутку і адзення, з батанічнымі і геаграфічнымі назвамі.

Літаратура

1. Суперанская, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Суслова ; под ред. Ф. П. Филина. – М. : Наука, 1981. – 176 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія 2 : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Унбегаун, Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун ; пер. с англ. ; общ. ред. Б. А. Успенский. – М., 1989. – 443 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1977. – Т. 1 : А–В. – 608 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 768 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1980. – Т. 4 : П–Р. – 768 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1982. – Т. 5, ч. 1 : С–У. – 663 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1984. – Т. 5, ч. 2 : У–Я. – 608 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1979. – Т. 3 : Л–П. – 672 с.

Вобразная сістэма рамана Евы Фялінскай «Пан дэпутат»

Г.А. ГЛАДКОВА

У артыкуле прааналізавана сістэма мастацкіх вобразаў рамана «Пан дэпутат» («Pan deputat», 1852), польскамоўнай пісьменніцы з беларускіх земляў Евы Фялінскай (Ewa Felińska, 1793–1859). Звяртаецца ўвага на ступень даследаванасці творчай спадчыны пісьменніцы айчыннымі і замежнымі літаратуразнаўцамі, удакладняецца жанравая спецыфіка рамана Фялінскай, вызначаецца ідэйная накіраванасць яе мастацкай прозы.

Ключавыя словы: эксдывізія, бытавы раман, містыфікацыя, мастацкі вобраз, кампазіцыя, тапанімічная прастора, жанр, стыль.

The article analyzes the system of artistic images of the novel «Pan deputat» (1852) by the Polish-speaking writer from the Belarusian lands Eva Felinska (Ewa Felińska, 1793–1859). The attention is drawn to the extent of research of the writer's creative heritage by domestic and foreign literary critics; the genre specificity of Felinskaya's novel is clarified, the ideological orientation of her fiction is determined.

Keywords: exdivision, everyday novel, hoax, artistic image, composition, toponymic space, genre, style.

Імя Евы Фялінскай вядомае айчынным літаратуразнаўцам дзякуючы намаганням навукоўцаў Адама Мальдзіса, які першым згадаў пра пісьменніцу ў нарысах «Падарожжа ў XIX стагоддзе» [1], і Ірыны Бурдзялёвай, якая прааналізавала выбраную мастацкую і мемуарную спадчыну Фялінскай [2], [3]. Як вядома, пісьменніца паходзіла са збяднелай шляхецкай сям'і на Случчыне, частку жыцця правяла на Валыні, частку – у Сібіры (г. Бярозаў) і Саратаве. Біяграфічныя звесткі пра пісьменніцу ў сваіх працах падрабязна згадала І. Бурдзялёва, якая падкрэсліла, што «*постаць Евы Фялінскай выклікала ў сучаснікаў нязменную павагу сілай духу, жыццёвай трываласцю, загартаваным характарам і высокай грамадзянскай свядомасцю*» [2, с. 122]. Этнаграфічны бок мемуараў Фялінскай даследавала Ларыса Лойка [4]. У замежным літаратуразнаўстве пра Е. Фялінскую згадвалі ў сваіх даследаваннях Пётр Хмялёўскі, Ванда Воўк-Гумпловіч, Габрыэль Корбут, Оскар Кольберг [5], [6], [7]. Так, беларускі кантэкст раманаў літаратаркі ахарактарызаваў у працы «Беларусь-Палессе» О. Кольберг, зазначыўшы, што «*w powieściach swych (Siostrzenica i ciocia oraz Pan Deputat) napisanych z pozycji patriarchalnej pańszczyzny autorka składa odpowiedzialność za ciemnienie chłopów białoruskich na ekonomów i oficjalistów*» (у сваіх раманах («Пляменніца і цётка» і «Пан дэпутат»), напісаных з пазіцыі патрыярхальнага прыгоннага права, аўтарка ўскладае адказнасць за прыгнёт беларускіх сялян на эканомаў і чыноўнікаў) [6, с. XIV].

Творчая спадчына Фялінскай складаецца з некалькіх раманаў («Герсылія» (1849), «Пан Дэпутат» (1852), «Пляменніца і цётка» (1853)), а таксама мемуарнай прозы («Успаміны аб падарожжы па Сібіры і побыце ў Беразове» (1849) і незавершанага трохтомніка «Дзённікі Евы Фялінскай»). Тапанімічная прастора мастацкай прозы пісьменніцы ахоплівае Літву, Белую Русь, Палессе, Валынь. У раманах месцам дзеяння становяцца маёнткі на Палессі і Валыні, згадваюцца Мінск, Слуцк, Магілёў, Вільня.

Каштоўнасць літаратурных твораў Е. Фялінскай бачыцца ў адлюстраванні побытавага жыцця літвінскай шляхты, спачуванні становішчу сялян, крытыцы эгаізму, сквапнасці зможных прадстаўнікоў грамадства. Аналізуючы раман Е. Фялінскай «Пляменніца і цётка», І. Бурдзялёва вылучае рысы бідэрмайерызму ў ім. Сапраўды, твор адметны аўтарскай увагай да бытавых элементаў, засяроджанасці на абставінах прыватнага жыцця. Адзначым таксама, што бытавы раман не пазбаўлены модных у той час элементаў містыфікацыі. Адметнасцю мастацкай манеры пісьменніцы з'яўляецца прыём паралельнага разгортвання некалькіх сюжэтных ліній, пастаяннае «пераключэнне» падзей, увага да дэталей, некаторая экзальтаванасць герояў у сітуацыях сардэчнай прыязнасці.

Заўважым, што адзначаныя раманы («Пан дэпутат», «Пляменніца і цётка») збліжае агульнае кола праблем. Як правіла, у цэнтры пісьменніцкай увагі знаходіцца катастрофа шля-

хецкіх гаспадарак, абкладзеных даўгамі, што выклікае пагрозу эксдывізіі (падзелу маёмасці паміж крэдыторамі). Як слушна падкрэсліла І. Бурдзялёва, «*распад маральна-этычнай сістэмы каштоўнасцей, адыход ад шляхецкага традыцыяналізму і прынцыпаў грамадскай супольнасці прывялі да эканамічнага каласу магнацкіх і шляхецкіх гаспадарак. [...] Шляхта, гонячыся за магнатамі, бяздумна марнавала назапашаную пакаленнямі спадчыну. Заложаныя маёнткі аддаваліся пад эксдывізію, якая ператварылася ў агульнаграмадскую навалу*» [2, с. 128].

На пачатку XIX ст. адбывалася рэзкае павелічэнне судовых разбораў шляхецкай маёмасці, абкладзенай даўгамі. Прычынай такой сітуацыі быў высокі кошт на збожжа, што напачатку дазволіла значна павялічыць матэрыяльныя рэсурсы, весці раскошны лад жыцця, усталявалася практыка ўзяцця крэдытаў, якімі карысталася шляхта. Аднак вайна 1812 г. і пасляваенны перыяд змянілі эканамічныя абставіны, многія даўжнікі не маглі пагасіць крэдыты і вымушаны былі аддаваць маёмасць пад разбор. Менавіта гэта эканамічная праблема 1820-х гг. становіцца асновай сюжэтных калізій раманаў Е. Фялінскай. На фоне эканамічных абставін разгорваюцца шматлікія сямейныя стасункі герояў. Цікавіць пісьменніцу маральная праблематыка: грошы, матэрыяльны прыбытак разглядаюцца як спакуса для чалавека, гатовага страціць сумленне. Закранае Фялінская вечную праблему бацькоў і дзяцей, узаемадчынненню родных людзей, паказвае, што слабасці чалавечай натуры часам становяцца прычынай скасавання кроўных сувязей.

Героі раманаў Е. Фялінскай, якіх можна ўмоўна падзяліць на некалькі груп, прадстаўляюць розныя станы тагачаснага грамадства. Як правіла, у творах прысутнічаюць станоўчыя героі-носьбіты аўтарскага ідэалу. Часам мы можам заўважыць, што мастацкі вобраз надзяляецца рысамі характару, відавочна, уласцівымі добра знаёмым аўтарцы людзям. Так, галоўны герой рамана «Пан дэпутат» нагадвае некаторымі псіхалагічнымі адметнасцямі натуры спадарожніка жыцця пісьменніцы – Герарда Фялінскага. З біяграфіі апошняга вядома, што яму была ўласцівая апатыя, дапамогай ад якой стала падарожжа за мяжу на два гады (аналагічна Альбін Закліка ад хандры ратуецца двухгадовым жыццём за мяжой), Герард быў чалавекам, які марыў выхаваць у сялян пачуццё ўласнай годнасці, ён даваў ім максімум свабоды, выкупаў з рэкруцтва, хаця сяброў сярод сялянства не меў. Гэтыя дэталі нагадваюць Альбіна Закліку, якому таксама ўласцівыя мары пра паляпшэнне сялянскага жыцця і імкненне быць бліжэй да мужыкоў. Характарызуючы Альбіна, пісьменніца адзначала, што герой сам вырашыў «*zbliżyć się do chłopów*», пабуджаць іх да выказвання ўласных патрэб, каб «*ich podnieść do uczucia własnej godności*» [8, s. 51].

У рамана «Пан дэпутат» сустракаецца эпізод палявання на мядзведзя, які адбыўся ў сапраўднасці, месца дзеяння (Белая Русь, Літва, Палессе, Валынь) таксама добра вядомае пісьменніцы з жыцця. Другі рэальны эпізод у творы – апісанне выкупу сялянамі даўгоў свайго шляхціча-гаспадара, каб пазбегнуць эксдывізіі не столькі гаспадарскага маёнтка, колькі вёсак, дзе жывуць сялянскія сем'і. Відавочна, што характары, якія стварае Фялінская, блізка стаяць да рэальнасці, яны адпавядаюць тагачаснай рэчаіснасці, што сведчыць пра рэалістычную, жыццёвую аснову творчасці пісьменніцы.

Асоба Альбіна Заклікі, гісторыя яго жыцця стаяць у цэнтры рамана «Пан дэпутат». Менавіта гэты герой абраны дэпутатам галоўнага суда і вымушаны выконваць грамадскія абавязкі, хаця не надта разбіраецца ў пытаннях права. Паказальна, што на спробу Альбіна адмовіцца яму кажуць, што веданне права не асабліва патрэбнае, галоўная справа напачатку – даць абед для абывацелей. Па натуры Альбін – чалавек мяккага характару, нават найўны ў многіх пытаннях, празмерна даверлівы. Герой існуе больш у сваіх марах пра паляпшэнне жыцця сялян, ён лянiвы да дзеянняў, і гэту рысу пісьменніца дакладна называе, абмалёўваючы характар персанажа. Такая адарванасць паніча ад рэалій жыцця прыводзіць да сумных вынікаў: не ўчытаўшыся ў паперы, Альбін надзяляе правам кіравання сваёй уласнасцю чалавека, схільнага да падману, які не толькі нажываецца на сялянах пана Заклікі, але яшчэ цягне грошы з гаспадара маёнтка. Думаецца, у героя адсутнічае крытычнае стаўленне да людзей: у яго доме могуць месяцамі бавіць час, гасцяваць мала вядомыя гаспадару людзі, Альбін не ўмее эканоміць, даўгі на маёнтку велізарныя. З дзяцінства адгароджаны ад праблем, Альбін не мае вопыту, не можа клапаціцца пра жонку, нават спроба героя працаваць настаўнікам не дае плёну, бо ўніверсітэт Альбін не скончыў і ўвогуле праца яму здавалася надта цяжкім заняткам.

Такім чынам, Ева Фялінская стварыла партрэт шляхціча, які прадстаўляе маладое пакаленне, не здольнае да дзейнасці, учынкаў, найўнае і адарванае ад рэчаіснасці. У гэтым бачыцца

слабасць шляхты, якая не мае здольнасці застацца дзейснай часткай грамадства. Пасля страты любай жонкі Альбін, нарэшце, зразумеў, што яго няўважлівасць і лягота прывялі да трагічнага выніку. Аднак праз некаторы час герой вяртаецца да ілюзій і працягвае існаванне ў сваім прыдуманым свеце. Цікава, што пра Альбіна пісьменніца заўважае, што гэта быў «człowiek zbudzony» [8, s. 118] («тужлівы чалавек»). Верагодна, сплін, нуда героя – адсылка да асноўнага псіхалагічнага адчування герояў-рамантыкаў пачатку XIX ст.

Думаецца, што аўтарскі ідэал у рамане «Пан дэпутат» – гэта пан Монтвід, які выконвае другарадную функцыю ў падзеях, аднак з’яўляецца носбітам не толькі лепшых рыс чалавечай натуры, прагрэсіўных поглядаў, але таксама тым героем, дзякуючы якому адбудзецца справядлівая развязка сюжэта. Монтвід валодаў вялікім маёнткам на Палессі, цікавіўся аграноміяй, палітэканоміяй, лічыў гэтыя навукі карыснымі для патрэб краю. Пан клапаціўся пра паляпшэнне быту вяскоўцаў, што не было простаай справай, улічваючы неўраджайнасць глебы, галечу, «звычайную для палескага люду» з пакалення ў пакаленне. Паніч вывучыў мясцовую прыроду, багатую на лясы і шматлікія рэкі, злучэнне якіх з Балтыйскім морам каналамі адкрывае выдатныя магчымасці для гандлю дрэвам. Монтвід адкрывае ў сваіх уладаннях лясныя фабрыкі, з якіх драўніна, смала і іншыя рэчы накіроўваюцца да Чорнага і Балтыйскага мора. Ён дазваляе сяляннам мець уласныя промыслы, наладжваць свой гандаль, пан нават стварыў банк пазыкі для сялян, што дазволіла ў хуткім часе дабрабыту змяніць былую галечу. Пан Монтвід сам сачыў за справамі, не меў аканоміі ці іншых пасрэднікаў у стасунках з мужыкамі, і гэта давала свой плён. Акрамя таго, што герой быў здольным прадпрымальнікам, ён шмат чытаў, меў час на занятак музыкай, вызначаўся высокамаральнымі паводзінамі. Жонка пана Монтвіда была яму надзейнай спадарожніцай і памочніцай. Яна апекавалася над шпіталем, на святы запрашала сялянскіх дзяцей у маёнтак, рабіла пачастунак, распытвала, у каго якія здольнасці. Схільных да навукі сялянскіх дзяцей яна вучыла грамаце, здольных аддавала вучыць рамяству. Пані Монтвід займалася таксама маральным выхаваннем сялянскіх дзяцей. Відавочна, што апісанне ладу жыцця Монтвідаў дэманструе аўтарскія ўяўленні пра паляпшэнне жыцця на Літве і Беларусі, адукаваная шляхта, якая клапаціцца пра сваіх сялян, на думку аўтаркі, здольная прынесці плён свайму народу.

Жонка Альбіна Заклікі Клара таксама акумулюе лепшыя рысы, уласцівыя шляхетнай паненцы: прыстойная дзяўчына, верная жонка, здольная на самаахвярнасць дзеля сям’і і люблага мужа. Клара становіцца неабходнай падтрымкай Альбіну, менавіта яна – дзейсная спадарожніца, тая, хто накіроўвае мужа да прымання рашэнняў, хто здольны рэалізаваць ідэальныя ўяўленні Альбіна. Клара першая разумее, што трэба быць бліжэй да сялянства, што выратаванне – не ў горадзе, а ў жыцці побач з народам. Яна не баіцца работы і падштурхоўвае да гэтага мужа, жанчына шукае выйсце з цяжкай эканамічнай сітуацыі, у якой апынулася гаспадарка, разрабаваная аканомам Стралкоўскім з-за недагляду гаспадара. Пісьменніца невыпадкова дае герою такую спадарожніцу жыцця: толькі Клара можа адкрыць у характары мужа тыя рысы, якія стануць яго выратаваннем. Аднак трагічная смерць Клары поўнасцю пазбаўляе чытача надзеі, што Альбін будзе здольны выратаваць маёмасць. Паведамленне, што пасля смерці жонкі Альбін зноў пачаў жыць ідэямі, а не рэальнасцю – пісьменніцкі прысуд слабай шляхце, якая не здолее ўтрымацца ў змененых сацыяльных абставінах.

У рамане Е. Фялінская стварыла некалькі эпізодаў, якія паказваюць, як лёгка даверлівыя людзі станавіліся дабычай ашуканцаў. Так, у гэтым плане паказальная гісторыя Ісідора Ардзвіла (Ordzwił, як адзначыла Е. Фялінская, – літоўская шляхта з Валыні), які быў ашуканы і пазбаўлены маёмасці дзякуючы каварству пана Жміеўскага. Ісідор перапісаў маёнтак на жонку і яе дачку ад першага шлюбу, пазней зразумеў, што стаў ахвярай ашуканства. Жонка Ісідора загінула, яго маёнтак перайшоў ва ўладанне першага мужа, які апекаваўся над дачкой. Фялінская была ўпэўнена, што падманам набытае багацце не прынясе карысці. Гэта думка пацверджана шэрагам эпізодаў рамана: па-першае, трагічна загінула жонка Ісідора, якая паквапілася на маёмасць паніча і не кахала яго, па-другое, дачка Ізабэла, да якой перайшоў маёнтак пасля смерці маці, была ўпэўнена, што яго трэба вярнуць законнаму ўладальніку. Божай карай за падман маці становіцца страта Ізабэлай адзінага сына-падлетка, які таксама загінуў пры трагічных абставінах. Як вынікае з сюжэта, існуе вышэйшая справядлівасць, трагічны ланцуг падзей – заканамерная расплата за ашуканства, падман, здрадніцтва.

Па словах А. Мальдзіса, «*Ева Фялінская асуджала гультаяватую шляхту, якая бавіла час за картамі, гарэлкай і плёткамі*» [1, с. 191]. Шматлікія вобразы прадстаўнікоў шляхты даказваюць гэта меркаванне вучонага. З горкай іроніяй пісьменніца адзначала, што прасцей «*знайсці папараць-кветку ці мець на паслугах д'ябла*», чым сярод шляхты адшукаць таго, хто не прагнуў бы грошай.

Адметнасцю кампазіцыі рамана стала ўвядзенне ў тэкст устаўнога элемента – рукапісу маці Людвіка (сябар Альбіна з юнацкіх гадоў). Рукапіс уяўляе сабой поўнасцю самастойны твор, які змяшчае аповед пра таямніцу паходжання Людвіка. Насамрэч, хлопец – апошні прадстаўнік роду Ардзвілаў, сын Ісідора, калісьці жорстка падманутага махлярамі. Падлетка, пазней маладога шляхціча Людвіка некалькі разоў спрабавалі забіць хаўруснікі пана Жміеўскага – галоўнага ворага згаданага літвінскага роду.

З поўным правам можна назваць раман «Пан дэпутат» раманам з дэтэктыўным сюжэтам. У творы апісана некалькі замахў на жыццё Людвіка, адбываецца жорсткае забойства Ісідора, імя злодзея адкрываецца на апошніх старонках рамана. Прыгодніцкі сюжэт з крымінальным элементам працуе на займальнасць твора, што дазваляе гаварыць пра жанравы сінкрэтызм прозы Е. Фялінскай. І. Бурдзялёва падкрэслівала схільнасць пісьменніцы да бытавой дэталізацыі, адзначала асаблівую ўвагу да прадметаў інтэр'еру. З мастацкіх прыёмаў, якімі карыстаецца Фялінская, вылучым таксама гаваркія імёны герояў (Альбін – «*белы*», Клара – «*светлая*», Людвік – «*слаўны ваяр*», адмоўны персанаж Адольф – «*высакародны воўк*»), параўнанні («*przyczerił się do Albina jak pajak do muchy*» [5, s. 113]), народныя выслоўі («*kto smaruje, ten jedzie*»), сінекдаху («... jedna była ubrana w pióra błękitne, druga w mak pąsowy [...] – Czy uważasz jak Malwina Pręcińska przez cały wieczór w złym humorze? – *rzecł mak pąsowy do piór błękitnych*» [8, s. 208]), увядзенне ў тэкст галіцызмаў для адлюстравання культурнага ўзроўню шляхты.

Паказальна, што Е. Фялінская спрабуе псіхалагічна абгрунтаваць сяброўства Людвіка і Альбіна, матывуючы гэта тым, што больш слабыя натуры (Альбін) заўсёды імкнуцца да больш моцных і мужных (Людвік). Тэма вернага сяброўства праходзіць праз увесь раман, нават той факт, што Альбін узяў шлюб з каханай дзяўчынай Людвіка не змяніў высакароднага сяброўства герояў.

Аповед пісьменніцы часам перарываецца апісаннямі палескіх краявідаў, напрыклад, Е. Фяліская адзначала сярод адметнасцей Палесся раўніннасць мясцовасці, пячанасць глебы, вялізны лясны гушчар, які перамяжоўваецца багнай і рэкамі, што разліваюцца і перапыняюць камунікацыю паміж вёскамі на многія тыдні. Тапанімічная прастора рамана дакладна акрэслена: падаюцца назвы вёсак, мястэчкаў, гарадоў, у якіх спыняюцца героі, апісаны водны шлях па Дняпры з месца, дзе зліваюцца Прыпяць і Днепр, да Магілёва, куды накіроўваецца маці Людвіка з сынам, ратуючыся ад пераследавання.

Такім чынам, аналіз вобразнай сістэмы рамана Е. Фялінскай «Пан дэпутат» дазваляе вылучыць наступныя адметнасці мастацкага адлюстравання рэчаіснасці ў творы: па-першае, у цэнтры ўвагі пісьменніцы знаходзяцца, як правіла, прадстаўнікі шляхты. Пры гэтым Фялінская вылучае розныя яе тыпы ў залежнасці ад маёмаснага стану, а таксама ад высакароднасці характару. Пісьменніца цікавіць становішча дробнай шляхты, якая апынулася на пачаку XIX ст. перад пагрозай страты маёмасці праз эксдывізіі, што ўплывала на традыцыйны ўклад жыцця. Галоўныя героі твора (Альбін Закліка, яго жонка Клара (у дзявоцтве Налецкая), сябар Людвік Ардзвіл) вымушаны сутыкнуцца са складанымі абставінамі жыцця (пагроза эксдывізіі (Альбін), сіроцтва (Клара), таямніца паходжання (Людвік)), аднак яны не толькі не здаюцца, але перамагаюць абставіны. Невыпадкова Фялінская падкрэслівае, што няшчасце або забівае чалавека, або загартоўвае яго, умацоўвае дух.

Аднак, калі Клара і Людвік – гэта характары герояў-змагароў з абставінамі лёсу, то вобраз Альбіна не такі адназначны. Слабасць героя, наіўнасць і празмерны давер ператвараюцца ў недахопы яго характару. Відавочна, што, ствараючы вобраз Альбіна і звязваючы з гэтым героем назву рамана, Фялінская паставіла на мэце стварэнне характэрнага для тагачаснай рэчаіснасці героя, не здольнага быць практыкам і апчадна ставіцца да гаспадаркі. Наяўнасць такіх «гаспадароў» прыводзіла шляхецкія маёнткі да падзелу паміж крэдыторамі, ускладняла сітуацыю тое, што такія шляхцічы не гатовы былі мяняць стыль жыцця, забяспечваць самі сябе, брацца за працу. Заслуга Е. Фялінскай – у стварэнні такога характару, у асэнсаванні прычын эканамічнага заняпаду шляхты.

Нягледзячы на аўтарскае жанравае вызначэнне твора як бытавога рамана, удакладнім, што ён таксама ўтрымлівае элементы іншых жанравых разнавіднасцей (прыгодніцкага рамана з крымінальнай інтрыгай, дэтэктыўнага рамана, рамана сацыяльна-бытавога). Такі жанравы сінкрэтызм сведчыць пра зацікаўленасць пісьменніцы пытаннем чытацкай рэцэпцыі. Разгортванне некалькіх сюжэтных ліній паралельна ў часе, спроба псіхалагічнай матывацыі стасункаў герояў сведчаць пра літаратурны талент пісьменніцы і яе неабыхавасць да сацыяльных праблем краю.

Літаратура

1. Мальдзіс, А. І. Падарожжа ў XIX стагоддзе : з гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры : навук.-папул. нарысы / А. Мальдзіс. – Мінск : Народная асвета, 1969. – 206 с.
2. Бурдзялёва, І. А. Рэпрэзентацыя гістарычнай памяці ва «Успамінах» Евы Фялінскай / І. А. Бурдзялёва // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 3. – С. 122–130.
3. Бурдзялёва, І. Праявы бідэрмайерызму ў рамане Евы Фялінскай «Пляменніца і цётка» / І. Бурдзялёва // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы IX Міжнар. навук. канф., прысвеч. 70-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, 15–17 кастр. 2009 г. : у 2-х ч. / пад рэд. праф. В. П. Рагойшы ; рэдкал.: А. М. Андрэеў (нам. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2010. – Ч. 1 : Беларуская літаратура: «Усход»–«Заход» ; Беларуская літаратура : гісторыя і сучаснасць ; Міфалогія-фальклор-літаратура : праблемы паэтыкі. – С. 113–117.
4. Лойка, Л. Е. Этнографические исследования Е. Фелинской / Л. Е. Лойка // Женщины-ученые Беларуси и Казахстана : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 марта 2018 г. ; редкол.: И. В. Казакова [и др.]. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 60–62.
5. Chmielowski, P. Autorki polskie wieku XIX : studium literacko-obyczajowe / P. Chmielowski. – Warszawa : Spółka Nakładowa Warszawska, 1885. – Ser. 1. – 541 s.
6. Kolberg, O. Białoruś-Polesie / O. Kolberg. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1968. – 571 s.
7. Korbut, G. Literatura polska od początków do wojny światowej / G. Korbut. – Wyd. 2. – Warszawa, 1930. – Т. 3 : Od roku 1820 do roku 1863. – S. 501–502.
8. Felińska, E. Pan deputat / E. Felińska. – Wilno : Józef Zawadzki, 1852. – Т. 1. – 240 s.

Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова

Поступила в редакцию 22.02.2023

Детство как травма в современной американской литературе (на материале мемуаров Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня»)

Е.В. ГУЛЕВИЧ

В статье исследуются особенности репрезентации образа детства как травматического периода, представленные в мемуарах Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня». Сквозь строки личных переживаний автора вырисовывается травма целой нации – коренных американских индейцев, которые и сегодня вынуждены бороться за свои права в своей собственной стране. Ш. Алекси представил неудобный образ Америки – реальности, где незащищенность и неравенство являются определяющими категориями социального бытия для коренного населения США.

Ключевые слова: Алекси, «Не надо... Скажи, что любишь меня», детство, травма, мемуары, Америка, расизм, неравенство.

The article reveals the representation peculiarities of the image of childhood as a traumatic period, depicted in the memoirs «You don't have to say you love me» by Sh. Alexie. Through the lines of the author's personal experiences the trauma of the whole nation of indigenous people is outlined. In his memoirs, Alexie presented an unfavorable image of America, namely as a reality where insecurity and inequality are key categories of social existence of native Americans.

Keywords: Alexie, «You don't have to say you love me», childhood, trauma, memoirs, America, racism, inequality.

Введение. Шерман Алекси – современный американский писатель, произведения которого являются остросоциальными, при том, что сам автор такой творческой цели не ставил. Однако, как известно, творчество питается жизнью, перетирая ее в соки искусства, а художественное произведение, ни в коей мере не являясь имитацией реальности, в свою очередь, не рождается в вакууме.

Ш. Алекси – представитель литературы коренных американских индейцев. Его произведения стали «ярким образцом современной американской литературы <...> так как дают правдивое представление о жизни индейцев на территории резерваций, проблемах материальных и, главное, психологических, которые стоят перед коренным населением США» [1]. В своей прозе Ш. Алекси обращается к проблемам, «с которыми сталкиваются индейцы, живущие в резервациях: бедность, расизм, алкоголизм и т. д. Его произведения вызывают печаль и возмущение, оставляя читателя с чувством уважения и сострадания к персонажам, которые, казалось бы, находятся в безнадежных ситуациях» [2]. Стилю Алекси присуща легкость. При этом его романы и рассказы вызывают чувства грусти и сострадания: «Хотя произведения Алекси написаны с юмором и являются скорее жизнеутверждающими, чем апокалиптическими, в них постоянно присутствует мотив «края», «конца мира» [3, с. 40].

Творчество Ш. Алекси стало объектом интереса отечественных и зарубежных исследователей. Так, изучены стилистические средства прозы американского писателя (Е. Пенкина, 2018), выявлены контекстные связи Алекси с экопоззией (С. Гречишкина, 2017), представлены особенности поэтики прозы Алекси в контексте его происхождения (G. Bird, 1995; V. Deloria, 2001; J. DeNuccio, 2002), определены особенности образов индейцев в произведениях писателя (S. Evans, 2001; D. Fixico, 2001; D. Grassian, 2005; A. Krupat and M. Elliott, 2006), изучена специфика репрезентации геноцида в его произведениях (R. Thornton, 1987; D. Stannard, 1992; G. Lewy, 2004; N. Peterson, 2010).

К феномену травмы в своих трудах обращались русскоязычные и зарубежные литературоведы. Так, представлена эстетика травмы в художественном преломлении (Sh. Felman, D. Laub, 1992; Caruth, 1996, 2013; Б. Воскресенский, 2019), изучен феномен травмы в контексте динамики истории (О. Мороз, 2010; M. Hirsch, 2012; Н. Хренов, 2021), исследован мотив травмы как результат общественных потрясений (Е. Петровская, 2012), развития культурных кодов (R. Euerman, 2004) и непрерывного движения цивилизационных процессов (Карут, 2009).

Цель данной статьи – выявить особенности репрезентации образа детства как травмы взросления в американской действительности второй половины XX в., представленные в мемуарах Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня».

Задачи исследования:

- представить события из жизни Ш. Алекси, в частности детского периода, которые оказали определяющее влияние на него как человека и писателя;
- выявить их травмирующий эффект;
- показать основные реалии жизни представителей коренного населения Америки во второй половине XX в.;
- представить ключевые проблемы американского общества данного периода, в частности расовую дискриминацию, социальное неравенство, геноцид коренного населения, которые предопределили творческие установки и модель жизнеповедения Ш. Алекси.

Основная часть. Ш. Алекси родился в Америке, в семье из племени Спокане, долгое время жил в индейской резервации. Как все коренные американцы, писатель всю жизнь отвоёвывал право иметь равные возможности с белым населением. Он приложил много сил для самообразования – удалось поступить в университет, стать успешным в профессии писательства и чувствовать себя сравнительно независимо. При этом Алекси неуютен и неудобен в современной Америке в силу ряда причин. Во-первых, образ американского индейца, представленный в его произведениях, нарушает шаблонный стереотип коренного жителя Америки, знакомого всем по фильмам и книгам – гордого, независимого, свободного человека: «Герои его произведений диаметрально противоположны стереотипным лихим индейским воинам» [1]. Во-вторых, образ Америки, представленный в рассказах и романах Ш. Алекси, кардинально противоречит образу, продвигаемому пропагандистами американских «идеалов».

Расплата со стороны «демократического» американского общества не заставила себя ждать. Свобода слова по-американски выразилась в том, что Алекси был обвинен в сексуальном насилии над десятком женщин, книги писателя были сняты с номинаций в литературных премиях, а его роман «The Absolutely True Diary of a Part Time Indian» / «Абсолютно правдивый дневник индейца на полставки» (2007 г.) был исключен из школьной программы, его запретили к прочтению и хранению в библиотеках школ США. В итоге, получив признание читателей и, одновременно с этим, став изгоем в литературно-критических кругах Америки, Ш. Алекси решился написать, на первый взгляд, предельно-личную историю жизни. Но на фоне каждодневного бытия автора-рассказчика и его откровенных душевных порывов вырисовывается неприкрытая травма, порожденная детством и взрослением в американской повседневности, лишенной лоска и прикрас, погрязшей в насилии гнетущих, бессилии и унижении угнетаемых, коими являются коренные американские индейцы.

Мемуары Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня» были опубликованы в 2017 г. О своем намерении придать огласке личную жизнь, начиная с детства, писатель отмечает: «Первый раз в печатном виде представляю самый честный отчет о событиях своей жизни» [4, с. 411]. Его «честный отчет» оказался дважды болезненным – лично для него и для целых поколений коренных американцев: книга показывает «традицию насилия в резервациях <...> повествует о роли коренных американских женщин» [5].

Реальная жизнь американцев в мемуарах Алекси поражает своей неприглядностью. Травмы в детстве писателя были многочисленны. Так, в 1983 г. в пьяной драке, когда не смогли поделить первенство выпить последний глоток крепленого вина, была убита кузина писателя Юджин [4, с. 154]. В 1980 г. от цирроза, вызванного алкоголизмом, умер дядя писателя. Позже – бабушка. Менее, чем через три месяца после этого, его старшая сводная сестра с мужем погибли при пожаре в своем трейлере: во время вечеринки они были сильно пьяны, когда закрылись в спальне и не смогли выбраться. Так, «за шесть месяцев моя мать потеряла свою мать, дочь и брата» [4, с. 201].

Сам Алекси с детства страдал биполярным расстройством, которое, по его мнению, унаследовал от матери [4, с. 14]. Это состояние мог спровоцировать алкоголизм родителей и условия их жизни, считает писатель: отец и мать были «беспросветными алкоголиками» [4, с. 16]. Он воссоздаёт в памяти один из вечеров, когда отец ушел, а мать осталась одна с четырьмя детьми и

«так как в те дни она выпивала, то, вероятно, пила прямо в комнате. А, может быть, выходила из запоя и ей хотелось пива. И она убаюкала нас своим прекрасным голосом, а потом пошла в бар, обещая себе выпить не более трех стаканов пива и вернуться к детям <...>. А потом она встретила отца, и они пили вместе. А когда закрыли бар, пошли к друзьям. А, возможно, пили в соседней комнате. А, возможно, оба куда-то забрели и совсем забыли про нас» [4, с. 107–108].

Одним из проявлений биполярного расстройства матери было то, что «моя мать могла начать убирать в четыре утра. Она знала, что все будут лежать и притворяться, что спят: «Сколько раз она будила нас таким образом? Тридцать или сорок раз за двадцать лет? Даже подсчитать сложно. Она всегда умела нас удивлять своими заскоками» [4, с. 183].

Родители были воплощением той жизни, которую вели индейцы в резервации: несколько раз их лишали родительских прав. Кроме писателя и его сестер-близнецов был еще старший брат, но он большую часть времени жил в семье родственников.

Некоторое время отец притворялся, что у него была работа. Каждое утро он брал бутерброды и уходил: «Я был безумно рад мысли о том, что у отца появился стабильный заработок. У нас будут наличные деньги в точные сроки. Победа!» [4, с. 152]. Но на самом деле он в очередной раз обманывал семью.

Когда отец писателя был трезвый, он «просиживал в спальне восемнадцать часов в сутки, смотря телевизор. Потом, мы уже приблизительно знали эти периоды, он уходил в запой на дни или недели. Он уходил из дома, оставив свою семью, своих малолетних детей – без средств к существованию и еды» [4, с. 152]. А потом мать просила Шермана идти искать отца: «Спустя неделю после его ухода нужно было идти и искать его. Это было семейное правило», так как у него был диабет [4, с. 166].

Праздники Алекси-ребенок ненавидел: новогодняя вечеринка традиционно заканчивалась пьянкой и дракой. Чтобы спасти детей, мать уезжала с ними из дома. Но ехать было куда: «Она хотела вырваться оттуда. Она хотела спасти своих детей. Но куда она могла податься? Разве было то место, где она и дети могли быть в безопасности? Было ли когда-либо вообще такое место в Соединенных Штатах, где бедная коренная женщина и ее дети были бы по-настоящему в безопасности?» [4, с. 24]. Увозя детей, она просто пыталась выиграть время, пока отец и гости просятся. Потом они возвращались домой. От усталости дети засыпали. Вскоре мать «разбудила нас, детей, и пообещала, что перестает пить в эту самую секунду и больше никогда не будет пить. Моя мать была лгуньей. Она нарушила много обещаний в последующие десятилетия. Но сохранила самую главную клятву: с тех пор она была трезвой всю свою жизнь. Поэтому я все еще жив» [4, с. 24].

Травматические воспоминания детства и тяжелые мысли о настоящем перемежаются не менее мучительными размышлениями о матери. В 2015 г. ей было семьдесят восемь лет. Она сильно болела. Кроме того, врачи диагностировали болезнь Паркинсона. Алекси принял решение позаботиться о ней, «хотя я делал это больше из чувства долга, чем любви к ней» [4, с. 25]. Диагноз привел Алекси и его сестер к мысли о пансионе: «Никто их нас не знал, насколько сложным может оказаться физическое состояние матери и насколько сложным может оказаться уход за ней <...>. Я боялся, что забота о матери может сильно подорвать здоровье моих сестер, которое и без того оставляло желать лучшего» [4, с. 28]. Но сестра отметила, что мать «не хочет быть там, где все белые», так как считает, что «старые белые будут расистами по отношению к ней» [4, с. 26]. Алекси согласился: «Спорю, что старые белые, наверное, еще большие расисты в Спокан» [4, с. 26]. Алекси серьезно обеспокоился тем, что мать подвергнут расистским притеснениям на смертном одре и подобрал дом престарелых специально для индейцев [4, с. 27].

Повествование мемуаров напоминает мантру, обладающую умиротворяющим терапевтическим эффектом: в книге много грамматических и лексических повторов, детальных описаний определенного события, которое Алекси неоднократно упоминает и по отношению к которому описывает свои тяжелые чувства, таким образом пытаясь от них освободиться; характерен синтез прозаических отрезков и поэтических вкраплений, которые оказывают на рассказчика транквилизирующее действие. Так, белым стихом описывает автор свои переживания, когда мать была при смерти: «Написала сестра:

“ее больше нет”

Меня поглотило горе.

Но скажу
Страшную правду:
Меня настигло облегчение.
Я осознал, что
Будто освобождаюсь от матери
От ее бесконечных
Обвинений,
Фальши,
Жестокости,
И лжи» [4, с. 111–112].

Автор-повествователь использует внутренний монолог при описании эпизода, когда умирал его отец: «Я видел его в его последнюю ночь дома, в резервации, но потом я улетел назад в Сиэтл, а не остался с ним в его последние минуты жизни. Он часто бросал меня в детстве. Он часто предпочитал уходить в запой на несколько дней или недель вместо того, чтобы быть дома с женой и детьми. Поэтому, скажу прямо, я решил покинуть его также, как он покидал меня. В то тяжелое время я предпочел быть рядом с женой и детьми – семьей, которую создал, вместо того, чтобы остаться с той, в которой родился. Значит ли мое решение, что я плохой сын? Думаю, да. Чувствую ли я вину за это? Да. Но я не сожалею о своем решении. Если бы была возможность вернуться в прошлое, я бы снова покинул своего отца, чтобы быть отцом своим сыновьям» [4, с. 28].

Короткие назывные, определённо-личные и безличные предложения описывают болезненное прощание с отцом. Алекси позвонил ему по телефону: «Отец. Все хорошо. Успокойся. Я люблю тебя. Успокойся. Бой окончен. Пришло время прощаться. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Прощай» [4, с. 29]. Позже, «двенадцать часов спустя, когда я был в одном из игрушечных магазинов Сиэтла со моими сыновьями <...> позвонила моя сестра, чтобы сообщить, что отец умер. Я заплатил за новые игрушки для сыновей, приехал домой, помог сыновьям войти в дом. Потом, когда сыновьями занялась моя жена, я рухнул на пол в гостиной и рыдал» [4, с. 29].

Такое сочетание нарративных техник создает повествовательную полифонию, напоминающую исконные индейские одеяла, которые плела мать писателя. Эту особенность книги отметила его жена: «Твоя книга построена из квадратных кусочков материала, напоминающих одеяла твоей матери» [4, с. 197]. Алекси признался, что данная техника проявилась бессознательно – он тоже «увидел» этот особый узор книги после ее полного прочтения: «... я увидел узоры и повторы узоров. Я увидел швы и узлы. Я увидел, что мои руки работали так, как работали руки моей матери» [4, с. 197].

Сразу после смерти матери Алекси попытался вспомнить, когда состоялся их последний разговор: «Я не виделся с ней, не писал ей электронных писем, не посылал сообщений, не говорил с ней по телефону – не знаю – три или пять месяцев. После такого долгого молчания с моей стороны – не всегда намеренного, но и не случайного – позвонила она и, рыдая в трубку, оставила сообщение: “Сынок, <...> я знаю, что ты винишь меня во всем, но, пожалуйста, поговори со мной”» [4, с. 65–66]. Алекси перезвонил ей только через неделю. Это была месть. За давний случай, когда с зимы 1987 г. по лето 1990 г. они не общались: «Ни обменялись ни единым словом ни в письмах, ни по телефону, ни через знакомых, ни лично. Мы не общались даже, когда находились в одном доме. Не общались, находясь в одной комнате. Не общались, находясь в одной машине» [4, с. 88]. Между тем, в 1989 г. он сделал первый шаг к примирению: сел за руль, мать была рядом, и он сказал: «Мама, поговори со мной» [4, с. 89]. Ответа не последовало.

Американская действительность диктовала свои правила не только для живых – похороны матери пришлось перенести, так как в День независимости «похоронные затраты удвоились или утроились бы из-за праздника. Да, попрощаться с коренной американкой стоило бы нам намного дороже в День независимости», – иронично замечает писатель [4, с. 74].

Алекси никогда не знал, что из того, о чем высказывалась мать, было правдой: «Мама была большой выдумщицей. Может, на смертном одре был ее звездный час? Может, те, кто приходили ее навестить перед смертью, стали ее наиболее преданной публикой» [4, с. 106]. Так, ее ложь перешла границы, когда она рассказывала, что сын Алекси родился без мозга: «Она рас-

сказывала всем знакомым индейцам, что мой сын был рожден без мозга» [4, с. 106]. Пришлось объясниться. Он пояснил, что сын родился слабым, потому что легкие были не вполне здоровы. Но никакого отношения его состояние к отсутствию мозга не имело. Писатель решил, что они поняли друг друга. Однако после поползли слухи, что «мой сын родился без легких» [4, с. 106].

Боль прошлого будоражат не только травматические детские воспоминания, но и события недавней американской действительности. Нарративная модель произведения представлена гармоничным переплетением временных пластов – отзвуки прошлых событий врываются в настоящее рассказчика, причиняя боль. При этом многие события, имеющие начало в прошлом, обладают пролонгированным эффектом – их психологическое завершение, своего рода *запечатывание*, происходит в сознании героя в настоящем, в момент описания рассказчиком определенного прошлого события. Так, однажды Алекси увидел репортаж об издевательствах американцев над пленными иракцами в тюрьме Абу-Грейб. Его вырвало, но «не потому, что я представил их страдания и боль. Меня вырвало, потому что наконец моя боль была вербализована; получили название те издевательства, которым подвергался я и мои одноклассники в школе индейской резервации в Спокан», когда учительница «заставляла нас стоять с распротёртыми руками по подобию орла перед классом. В каждой руке нужно было удерживать книгу. Я уже не помню, сколько времени она заставляла нас так держать книги. Должно быть, секунды ощущались как минуты, минуты – как часы. Даже сейчас, сорок лет спустя, я чувствую боль в руках – память боли – и страх <...>. Это была пытка. Это было преступление. Но даже не это было самым страшным, что она делала с нами: она приказывала нам, сидя за партами сцепить руки за спиной, вытянуть их под острым углом и в таком положении наклоняться и тянуться вперед, касаясь парты только кончиком носа. Она ходила между рядами и неистово кричала на тех, кто не мог удерживать руки достаточно высоко, и на тех, кто пытался положить голову на парту. Мы плакали от боли. Слезы и сопли текли на парты <...>. Некоторые из нас мочились в штаны от боли и страха» [4, с. 129]. Алекси осознал, что «с нами, детьми индейцев, которым было семь, обращались, как с военнопленными. Мы были виновны в том, что были индейцами» [4, с. 130]. Его мать пошла в школу, но ничего не смогла сделать, потому что «моя мать была беззащитной против белых учителей. Она была беззащитной против белых школ. Она была беззащитной против белого правительства. Она была беззащитной против всего белого во всех его формах» [4, с. 130–131]. И эта учительница «в следующем году издевалась над моими младшими сестрами и другими детьми. Сестра помнит, как та схватила ее на детской площадке за волосы и бросила на землю» [4, с. 130–131].

В школе процветал расизм. У американских индейцев не было ни внешней, ни внутренней защиты: «Если бы у меня были родители, которым я мог доверять, я бы бежал домой и делился моими проблемами с ними. Я бы узнал, как они справлялись с проявлениями открытого и скрытого расизма. Они бы научили меня справляться с этим эмоционально и психологически. Но у меня не было таких родителей. Я им не верил тогда, не верю и сейчас, не верю, что мой отец и мать могли бы дать мне дельный совет. Мне, индейцу, пришлось выживать в анти-индейском мире без всякой подготовки» [4, с. 210].

Нелегко пришлось писателю и на литературном пути. Алекси столкнулся с проявлением расизма среди американцев по отношению к индейцам-писателям, когда его пытались «унизить, дискредитировать, уничтожить как писателя и как коренного жителя» [4, с. 220]. Для Алекси, как для большинства коренных авторов, литература – это способ сопротивления тяжелому прошлому и не менее сложной и неоднозначной действительности американской жизни: «Многие из нас – изгнанники. Мы находимся в ситуации, когда сказанное слово звучит как сказанное не просто от себя лично, и даже не от имени поколения, что свойственно большинству белых авторов, а от имени всего народа» [6, с. 66].

Для Алекси мемуары «Не надо... Скажи, что любишь меня» стали своего рода авторефлексией писателя относительно значительного отрезка прожитой нелегкой жизни. Тяжелое детство, алкоголизм родителей, голод, издевательства учителей, полное бесправие, страх насилия, неуверенность в завтрашнем дне – категории не только его личной, но жизни многих коренных жителей Америки.

Заключение. Таким образом, мемуары Ш. Алекси «Не надо... Скажи, что любишь меня» – это травма писателя, который, несмотря на тяжелое детство, стал известным прозаиком не только в Америке. При этом его становление протекало в условиях американской реальности, которая, как показывает автор, травматична по своей сути – это травма несоответствия желаемого и действительности, травма понимания утопичности самого концепта американской мечты. Свобода, равенство, демократия – это утопия. Истинная Америка – пространство выживания, где способен выстоять сильнейший. Алекси им стал. Но пришлось пройти сложный путь, так как трудности в США, в частности для представителей коренного населения, начинаются уже в детстве, в кругу семьи и ближайшего окружения.

В своих мемуарах Ш. Алекси показал глубоко личную драму, представил травматическую исповедь о прошлом одного человека. При этом на фоне индивидуальной травмы писателя выкристаллизовалась травма целой нации – коренных американских индейцев, которые и сегодня вынуждены бороться за свои права в своей собственной стране. Они подвергаются остракизму, расизму и притеснению в стране, породившей идею свободы и равенства, которая в своём истинном проявлении является глубокой неизбывной незаживающей травмой. В книге звучит надрывный голос всех коренных индейцев, подвергающихся страданиям из поколения в поколение. Это травма народа, который никогда не видел свободы, независимости и равенства, находясь под гнетом в стране, на весь мир скандирующей о продвижении незыблемых свобод, которых Америка лишает не только ей неугодные страны, но целенаправленно свой народ.

Литература

1. Berry, L. You don't have to say you love me by Sherman Alexie review – a poet and novelist's memoir [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.theguardian.com/books/2017/dec/09/you-dont-have-to-say-you-love-me-sherman-alexie-review>. – Access date : 05.05.2023.
2. Творчество Ш. Алекси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://indigenous.jimdofree.com/2016/11/19/шерман-алекси/>. – Дата доступа : 05.05.2023.
3. Гречишкина, С. Развитие поэзии о природе в США : становление экопоэзии / С. Гречишкина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 32–44.
4. Alexie, Sh. You don't have to say you love me. A Memoir / Sh. Alexie. – NY. : Little, Brown and Company, 2017. – 439 p.
5. Lopez, B. Books Can Save a Life [Electronic resource]. – Access mode : <https://bookscansavealife.com/tag/you-dont-have-to-say-you-love-me/>. – Access date : 05.05.2023.
6. Тиль, Д. Беседа с Шерманом Алекси о культуре коренных американцев / Д. Тиль. – Новосибирск : Р-Авеню, 2009. – 87 с.

Рэпрэзентацыя нацыянальных культурных кодаў ў аповесцях І. Шамякіна 1990-х гадоў

Л.Г. ДУКТАВА^{1,2}

Вызначэнне культурных кодаў у эпічных творах І. Шамякіна 1990-х гг. дазваляе прасачыць «настрой» тагачаснага грамадства. У артыкуле разгледжаны прасторавы, персанажны, тэмпаральны культурныя коды, рэпрэзентаваныя ў аповесцях І. Шамякіна 1990-х гг. Прасторавы код даволі ярка прадстаўлены вобразам вёскі, пісьменнік імкунуўся паказаць каларыт сялянскага жыцця. Праз персанажны код прэзентаваны вобраз беларускай жанчыны-маці, прадстоўнікоў улады. Тэмпаральны культурны код адлюстраваны праз паказ часу і падзей, якімі жыло тагачаснае грамадства, і іх уплыву на лёс герояў аповесцей «Палеская мадонна», «Завіхрэне», «Зона павышанай радыяцыі», «Слаўся, Марыя!».

Ключавыя словы: культурны код, І. Шамякін, аповесць, эпос, вобраз свету.

The definition of cultural codes in the epic works of I. Shamyakin of the 1990s allows us to trace the «mood» of the society at that time. The article examines the spatial, character and temporal cultural codes presented in the stories of I. Shamyakin in the 1990s. The spatial code is quite clearly represented by the image of the village, the writer tried to convey the flavor of peasant life. The image of a Belarusian woman-mother is presented with the help of a character code. The temporal cultural code is reflected by showing the time and events in which the society of that time lived, and their influence on the fate of the heroes of the stories «Poleskaya Madonna», «Whirlwind», «Zone of increased radiation», «Glory to Mary!».

Keywords: cultural code, I. Shamyakin, story, epic, image of the world.

У мастацкай свядомасці з дапамогай культурных кодаў адлюстраваны асаблівасці нацыянальнага светапогляду. Для аповесцей І. Шамякіна 1990-х гг. характэрным з'яўляецца пошук адказу на шматлікія выклікі часу. Гэта так званая праблема выбару, прадыхтаваная тагачаснымі падзеямі: наступствамі чарнобыльскай навалы, вайны ў Афганістане (апавесць «Зона павышанай радыяцыі»), палітыкі перабудовы, эканамічнага крызісу, развалу СССР (апавесць «Палеская мадонна»), першых крокаў да станаўлення прыватнай камерцыйнай дзейнасці (апавесць «Крывінка») і інш.

Мэта даследавання – вызначыць асаблівасці рэпрэзентацыі нацыянальных культурных кодаў у аповесцях І. Шамякіна 1990-х гг.

У работах па семіётыцы Р. Барта культурны код трактуецца як адзін з тэкставых кодаў, вызначаны як «след» чужога «голосу», які задае перспектыву чытання тэксту ў кантэксце культуры. У дачыненні да вербальнай камунікацыі даследчыкі ў галіне лінгвакультуралогіі і этнасіхалінгвістыкі вызначаюць лінгвакультурныя коды, калі пэўныя адзінкі мовы разглядаюцца як носбіты глыбінных сэнсаў. «Лінгвакультурныя коды – гэта шматлікія выяўленыя моўнымі сродкамі тэмы, матывы, якія перакрываюцца, пранізваюць тэкст, але рэальна існуюць, валодаюць сімвалічным іншабыццём і імкнуцца стаць усеагульнымі мовамі, гэта значыць адлюстраванне ўніверсуму скрозь прызму якой-небудзь адной тэмы», – адзначае В. Савіцкі [8, с. 60].

У сучасным літаратуразнаўстве навукоўцы пры аналізе выкарыстання культурных кодаў акцэнтуюць увагу на спосабы іх рэпрэзентацыі ў мастацкім творы з дапамогай канцэптаў, матываў, вобразаў, ідэйнай скіраванасці твора.

Выкарыстанне культурных кодаў дазваляе творцы трапіць данесці сваю думку да рэцыпіента. Існуе шэраг класіфікацый культурных кодаў, зробленых на падмурку семантычных катэгорый мовы культуры, якія характарызуюць чалавека і свет, – гэта час, прастора, флора, фаўна, прадметы, чалавек і інш. Выдзяляюць наступныя культурныя коды: часавы (тэмпаральны), прасторавы (ландшафтава-геаграфічны), раслінны (вегетатыўны), жывёльны (аніمالістычны, заморфны), прадметны, персанажны, саматычны і інш.¹

¹Больш падрабязна пра класіфікацыі культурных кодаў у артыкуле «Культурныя коды ў мастацкім творы: асноўныя падыходы да класіфікацыі» [4].

У літаратуры многіх краін свету прэзентаваны прасторавы код з дапамогай вобраза зямлі, яго выкарыстанне дапамагае выявіць гістарычныя, псіхалагічныя, побытавыя асаблівасці пэўнага этнасу. Мае рацыю літаратуразнаўца А. Мельнікава: «Наратыў нацыі абавязкова абпіраецца на ўяўленні пра прастору, змяшчае вобраз сваёй зямлі. Нацыянальны пейзаж выступае адной з формаў канструавання нацыянальнай ідэнтычнасці. У сучаснай навуцы пейзаж разглядаецца як “сацыяльны іерогліф”, “сістэма культурных кодаў”, механізм фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці. Адметнасці адлюстравання нацыянальнага ландшафту мастацкай літаратурай абумоўлены як асаблівасцямі рэальнай тэрыторыі, краявідамі, так і яе індывідуальна-аўтарскім бачаннем. Як правіла, рэчаіснасць выяўляецца пісьменнікамі не дакументальна-канкрэтная, а пра так званыя “базісныя сімвалы”, якія ўспрымаюцца як рэпрэзентатыўныя для гэтай тэрыторыі (А. Пачапцоў). Спецыфіка нацыянальнай ментальнасці, нацыянальны вобраз свету рэканструюецца і праз расшыфроўку прасторавых сімвалаў-кодаў культуры» [7, с. 70].

Прасторавы код у творах рускай літаратуры, музыкі, выяўленчага мастацтва, кінематографіі прадстаўлены такімі чыннікамі вобраза свету, як «святая Русь», «град Кіцеж» і інш. Напрыклад, вобраз горада Кіцежа адлюстраваны ў старажытнарускай «Аповесці пра Пятра і Фяўронію» (XVI ст.), у рамане-эпапеі «У лясах» П. Мельнікава-Пячэрскага (1874), у вершах «Возера» і «Пад возерам» (1907) С. Гарадзецкага, у аповесці «Панядзелак пачынаецца ў суботу» (1965), сатырычнай аповесці «Казка пра Тройку» (1968) братаў Аркадзя і Барыса Стругацкіх, у вершы «Паданне аб Градзе Кіцежы» (1969) В. Сасноры, у рамане «Вінета» (2007) А. Юр’ева і інш. Сярод рускіх мастакоў да асэнсавання вобраза «града Кіцежа» звярнуліся М. Несцераў («Град Кіцеж» (1917–1922)), К. Гарбатаў («Нябачны град Кіцеж» (1913), «Патанулы горад» (1933)) і інш. У музычным мастацтве вядома лібрэта Н. Рымскага-Корсакава «Паданне аб нябачным горадзе Кіцежы і дзеве Фяўроніі» (1907). У фільме «Чарадзеі» (1982) рэжысёра К. Бромберга падзеі разгортваюцца ў Кіцежградзе. Вобраз нябачнага горада Кіцежа з’яўляецца сімвалам незламаннага духу, непераможнасці, духоўнай чысціні. Гэта тая яскасці, якія ўваходзяць у сістэму маральна-этычных каштоўнасцей рускага народа. Вобраз горада Кіцежа па-сучаснаму гучыць у бардаўскай лірыцы («Кіцеж» прысутнічае ў рэпертуары Г. Георгіеўскага), песнях сучасных музычных груп «Silenzium» (песня «Кіцеж-град»), «Pagan Reign» (песня «Агні Кіцеж-граду»).

У беларускай літаратуры зямля выступае адным з важных мастацкіх вобразаў. «Героя беларускай літаратуры вылучае адчуванне інтымнай, унутранай прывязанасці да тэрыторыі, зямлі, на якой давалося нарадзіцца і жыць. <...> Гэтая прывязанасць аформілася ў топасах “родны край”, “родная зямля”, “родны дом”, “родная вёска”, “родны хутар”, “родны кут”, “малая радзіма” – гэта комплекс пэўных фактараў, якія складаюць “духоўную тапаграфію” героя беларускай літаратуры. У канцэпцыі беларускіх пісьменнікаў свая зямля, свой дом складаюць ідэал гарманічнага ўніверсуму», [7, с. 108] – адзначае А. Мельнікава.

У мастацкай свядомасці беларусаў субкодамі прасторавага культурнага кода выступаюць лес, балота, рэчка, шлях, перакрываўанне, дом (хата), млын, поле, неба. Выявы з гэтымі элементамі пейзажу трапіна падкрэсліваюць беларускі каларыт (выявы «Мартаўская ноч» В. Бялыніцкага-Бірулі, «Сядзіба на ўскрайку Галубіцкай пушчы» Я. Драздовіча і інш.). У рабоце «Абрысы роднага: Нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе “эпохі рубяжа”» А. Белая выдзяляе такія локусы культуры, як дом (хатку), лес і балота, горад, млын, хутар, малатарню і іншыя: «Для паўнаўтварэння існавання чалавеку неабходна пэўная прасторавая “ўтульнасць”, якую для беларусаў забяспечвае мадэль свету, што складаецца з зямлі, лесу і неба» [2, с. 191].

Пейзажныя замалёўкі, якія прысутнічаюць у эпасе І. Шамякіна, пранікнуты любоўю да родных краявідаў: «Любіў я лес і незвычайную любоў захаваў на ўсё жыццё. Менавіта да гэтага майго лесу. Недарэмна і ў сіваю старасць часам наведваючыся туды за трыста з гакамі вёрст: паслухаць нязменны шум дубоў, пакланіцца магілам бацькоў, сясцёр» [9, с. 99]; «Зусім развіднела. Узышло ранішняе чэрвеньскае сонца, першыя яго прамяні залілі незвычайным святлом верхнія шыбы вокнаў, сонца ўзнімалася з-за хат, што насупраць праз вуліцу» [9, с. 3]; «Да Церухі было больш трох кіламетраў па лясной дарозе, абাপал якой стаялі тонкія сосны, бярозы, дубы, шапкамі сваімі дастаючы аблокі» [9, с. 333].

У аповесцях І. Шамякіна праторавы код звязаны з вобразам вёскі. Адным з самых любімых месцаў для яго і сям’і з’яўлялася вёска Церуха. У аўтабіяграфічнай аповесці «Слаўся, Марыя!» згадвае: «Пра жыццё ў Церусе я мог бы напісаць нямала, бо гэта незабыўныя дні і месяцы. Хораша было Машы, дзецям. Хораша пісалася мне, нягледзячы на цеснату; між іншым, дзеці ніколі не перашкаджалі мне працаваць. І, можа, самае галоўнае: я жыў у гушчы народнага жыцця. Сяляне з павагай адносіліся да вядомага пісьменніка. Мясцовае начальства лічыла за гонар падтрымліваць сяброўскія адносіны» [9, с. 400].

В. Шур пра значэнне вёскі Церухі ў жыцці пісьменніка зазначае: «Прыгажосць вакол Церухі на ўсё жыццё ўвайшла ў ягонае сэрца. У 1951 годзе, як успамінаў ён, на грошы Сталінскай прэміі, атрыманыя за раман “Глыбокая плынь”, пабудаваў у Церусе звычайную вясковую хату, куды пастаянна прыезджаў з сям’ёю на лета прыкладна да сярэдзіны 60-х гадоў мінулага стагоддзя. У Церусе напісаў раманы “У добры час”, “Крыніцы”, “Трывожнае шчасце”, “Сэрца на далоні”... Нягледзячы на адсутнасць звыкллага камфорту, любіў яе, як любяць родны кут, малую радзіму, тое месца, што дае магутны стымул для творчасці і ў той жа час дорыць сапраўдны адпачынак – не бяздумны, а таксама творчы. Ужо ў канцы жыцця прызнаваўся, што нідзе яму так добра не працавалася, як ў Церусе» [10, с. 123–128].

Шэраг даследчыкаў падкрэсліваюць архетыпічны падмурак пры вызначэнні культурных кодаў [5], [6]. Адным з яркіх вобразаў-архетыпаў выступае вобраз маці, які ілюструе персанажны код у эпічных творах І. Шамякіна: у пенталогіі «Трывожнае шчасце» (Саша Траянава), у раманах «Атланты і карыятыды» (Поля Шугачова), «Злая зорка» (Вольга Пыльчанка), у аповесцях «Слаўся, Марыя!» (Марыя Шамякіна), «Палеская мадонна» (Надзея Русак), «Зона павышанай радыяцыі» (Галіна Вятрэнка) і інш.

Сімвалічныя назвы аповесцей «Слаўся, Марыя!», «Палеская мадонна» сведчаць пра хрысціянскі пачатак, сакралізацыю вобраза жанчыны. Пры гэтым у творах пісьменнік паказвае, што гэты прасты чалавек, які мае свае падчас прагматычныя думкі, учынкi. У аповесці «Палеская мадонна» адчуваюцца спагадлівыя адносіны пісьменніка да галоўнай гераіні, разам з тым шэраг фактаў сведчыць пра тое, што гэты вобраз зусім не ідэальны. Дзеля таго, каб накармаць, дзяцей Надзея Русак здатная нават на крадзеж (можа ўзяць малако з фермы, яйкі ў суседкі, вынуць грошы з кішэні мужа падчас таго, як ён спіць. Але паказваючы такія ўчынкi пісьменнік хутчэй імкунуўся не асудзіць, а апраўдаць маці, якой няма чым накармаць дзяцей. «Чым накармаць дзяцей?» – рэфрэн, які гучыць у аповесці.

У аўтабіяграфічнай аповесці «Слаўся, Марыя» пра Марыю Шамякіну, якая стала прататыпам шэрагу гераінь у яго творчасці, адзначае: «Я абавязаны напісаць пра яе як жывую, рэальную, такую, якой яна была, – вельмі прастай, зямной і ў той жа час незвычайнай» [9, с. 331].

Да вызначэння асаблівасцей адлюстравання вобраза маці ў творах І. Шамякіна звярнуліся беларускія даследчыкі Д. Бугаёў («Вобраз маці і ўвогуле жанчыны ў творах Івана Шамякіна»), Г. Давыдава («“Любоў да маці мацней за смерць”: вобраз жанчыны-маці ў творчасці Івана Шамякіна»), Н. Давыдоўская («Вобраз Мадонны ў прозе Івана Шамякіна і Вікара Казько: на матэрыяле аповесцяў “Палеская мадонна” і “Выратуй і памілуй нас, чорны бусел”»), Т. Шамякіна («Маці пісьменніка: пра Сынклету Сцяпанаву Шамякіну») і інш.

Яшчэ адным з чыннікаў персанажнага кода ў эпічных творах І. Шамякіна 1990-х гг. з’яўляецца вобраз чыноўніка. Мае рацыю даследчык П. Васючэнка: «Бяспрэчны і непераўздызены талент бытаапісальніка дапамог яму [І. Шамякіну] ачалавечыць, белетрызаваць побыт сціплага савецкага начальства. Да апошняга, у разуменні простага чалавека, належаў і архітэктар, хірург, журналіст – дзеля таго, што гэты былі людзі іншай, недаступнай касты. І раптам памкненні і базавыя інстынкты чалавека іншай касты прыраўноўваліся да памкненняў і базавых інстынктаў чалавека масавага» [3, с. 29].

У аповесцях 1990-х паказаны два тыпы чыноўнікаў. Па-першае, прадстаўнікі мясцовай улады. Пры іх паказе прадэманстраваны як выбітныя якасці, закладзеныя савецкім этычным кодэксам, так і хібы і «зямныя інтарэсы» кіраўнікоў рознага кшталту: вобразы дырэктара саўгаса Валяр’яна Паповіча, агранома Войціка ў аповесці «Палеская мадонна», пракурора Загадая ў аповесці «Завіхрэнне» і інш. Па-другое, вобразы прадстаўнікоў каманды прэзідэнта краіны, супрацоўнікаў дзяржаўных органаў, якія ў творах І. Шамякіна паказаны выключна станоўча.

Герой аповесці «Зона павышанай радыяцыі» ваенны афіцэр Павел Вятрэнка паказаны як чалавек, які нягледзячы на перашкоды часу, захаваў пачуццё афіцэрскай годнасці і гонару. Абставіны, людзі, час у няўмольным лёсе палкоўніка не зламалі яго як асобу: «Але ўпершыню ўзнікла пытанне: а навошта такая мужнасць? Усе мае перажыванні ўшчэнт змяло адно Людзіна слова, бялігаснае ў сваёй праўдзе – пагналі. Жэню пагналі! Дзеля чаго? Навошта? Забіваць такіх жа маладых афганцаў? Гэта страшнае перажыванне, калі адчуваеш, як трашчаць, бурацца, ламаюцца, гараць абломкі цытазеляў тваіх, здавалася, непахісных перакананняў, тваёй жыццёвай філасофіі» [9, с. 161]. У выпадках рознага кшталту, які паказаны ў аповесці, герой дэманструе лепшыя маральна-этычныя якасці: справядлівасць, сціпласць, прынцыповасць, вернасць, прыстойнасць, шчырасць, дабразычлівасць, сумленнасць.

Адзначым яшчэ адзін культурны код, які разглядаецца як сукупнасць характарыстык часу. Паводле класіфікацый культурных кодаў В. Красных, В. Тэліі, Н. Сцяпанавай – часавы код, паводле класіфікацыі кодаў В. Маславай, М. Піменавай, Г. Мезенка – тэмпаральны код. Даследчык С. Санько вызначае каляндарна-храналагічны код, які мае наступныя субкоды: дзень, ноч, поўнач, поўдзень, усход Сонца, заход Сонца, квадры Месяца, дні тыдня, асноўныя каляндарныя святы. В. Маслава, М. Піменава выдзяляюць наступныя субкоды тэмпаральнага кода: вечнасць, неўміручасць, уваскрашэнне (складнікі паняцця «божы час»); дзяцінства, юнацтва, сталасць, старасць (складнікі паняцця «час жыцця чалавека»); хвіліна, імгненне, гадзіна, тыдзень, месяц, год, стагоддзе (складнікі паняцця «адзінкі часу»); вясна, восень, зіма, лета (складнікі паняцця «каляндарны час»); дзень, ноч, раніца, вечар (складнікі паняцця «час сутак»); пачатак, пара, старт, фініш (складнікі паняцця «адносны час»).

Прэзентуючы калейдаскоп вобразаў у сваіх творах гэтага перыяду, пісьменнік імкнуўся падкрэсліць супярэчлівасць самога часу ў аповесці «Палеская мадонна»: «Прышла перабудова. Пасля – бяскроўны пераварот. Райкамы задралі лапкі ўгору. Зніклі ў адзін дзень. Ні адзін камуніст не выступіў на абарону сваіх штабоў. Былыя гаспадары начальнікі, многія, парабіліся прыватнікамі. Хапалі ўсё, што трапляла пад руку. Дзіўна, што калгасы і саўгасы не расцягнулі. Што ратавала іх? Прыродная сялянская мудрасць? Ці інстыкт самааховы? Не пасеем, не пажнём – што з’ямо? <...> Валяр’янавы па-ранейшаму кіраваў саўгасам, потым аграфірмай, хоць са зменай назвы не змянілася сутнасць працы і асновы кіраўніцтва. <...> Папавіч знешне не мяняўся: такі ж па-гарадскаму апрануты, толькі замест чорных і карычных сарочак часта з’яўляліся сінія і бэжавыя, але такія ж модныя. Змену колеру не маглі вытлумачыць самыя дасціпныя вясковыя палітыкі» [9, с. 17].

У аповесцях 1990-х гг. пісьменнік паказаў не толькі сваіх сучаснікаў, але і акцэнтаваў увагу на падзеі, якія разгортваліся ў краіне і ўздзейнічалі на думкі і лёс тагачаснага грамадства. Гэта разбурэнне СССР, чарнобыльская трагедыя, палітыка перабудовы, вайна ў Афганістане. Даследчык А. Андрэюк у сувязі з гэтым падкрэслівае: «Час уварваўся ў лёс пісьменніка, закрануў вельмі непасрэдна, балюча. І на бытавым узроўні, і ў сферы агульначалавечых духоўных інтарэсаў. Шамякін – і як пісьменнік, і як грамадзянін, і як чалавек – не прыняў ні перабудовы, ні развалу СССР. Цвёрда застаўся на пазіцыях камуністычна-савецкіх. Пасутнасці, ва ўсім. Многае яго раздражняе, асабліва тое, што адбываецца ў штодзённым жыцці. Часам гэтыя побытавыя цяжкасці, недахопы, магчыма, між волі аўтара, вылучаюцца ў творы на першы план, засляняючы ўсё астатняе. Час, жыццё не даюць радасці» [3, с. 17].

Заклучэнне. У аповесцях І. Шамякіна 1990-х гг. культурныя коды выступаюць носьбітамі глыбінных сэнсаў чыннікаў мастацкага вобраза свету пісьменніка. Па-першае, прасторавы код даволі ярка прадстаўлены вобразам вёскі, пісьменнік імкунуўся паказаць каларыт сялянскага жыцця. Апісанне яе жыхароў, іх адносінаў да тагачасных падзей дазваляе творцы ярка паказаць нацыянальны светапогляд, занатаваны на хрысціянскіх і гуманістычных пазіцыях. Па-другое, праз персанажны код прэзентаваны архетыпічны вобраз беларускай жанчыны-маці: сціплай, адданай сям’і, працавітай, для якой дзіця з’яўляецца найвялікшай каштоўнасцю. У творах І. Шамякіна савецкага часу, а таксама напрыканцы ХХ ст. я адлюстраваны шматаспектны вобраз чыноўніка. Па-трэцяе, пісьменнік у 1990-я гг. адлюстроўваў час і падзеі, якімі жыло тагачаснае грамадства, паказана тое, як яны ўплывалі на лёс герояў аповесцей. У творы «Зона

павышанай радыяцыі» аварыю на Чарнобыльскай АЭС, вайну ў Афганістане пісьменнік паказаў праз перажыванні канкрэтнага чалавека Паўла Вятрэнка. Стаўленне да палітыкі перабудовы, правядзення «прыватызацыі», развалу СССР прадэманстравана ў аповесці «Палеская мадонна». Такія сацыяльныя з’явы, як падзел грамадства на багатых і бедных, паказаны ў аповесці «Завіхрэнне», дзе асабістыя праблемы герояў Алеся Журковіча і Івана Ціхоткі перакрываюцца з агульнаграмадскімі з’явамі і падзеямі, у якіх яны спрабуюць разабрацца.

Літаратура

1. Андраюк, С. Проза / С. Андраюк // Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. : у 4 т. / НАН Беларусі, аддзяленне гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук рэд. У. Гніламёдаў [і інш.] – Мінск : Беларуская навука, 2003. – Т. 4, кн.2 : 1986–2000. – С. 8–38.
2. Белая, А. І. Абрывы роднага : Нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа» : манаграф. / А. І. Белая ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ; Бранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт. – Баранавічы : БарГУ, 2015. – 206 с.
3. Васючэнка, П. BELARUSIAN DREAM (беларуская мара) : папулярнасць шамякінскіх твораў / П. Васючэнка // Крыніца. – 1998. – № 1. – С. 28–30.
4. Дуктава, Л. Г. Культурныя коды ў мастацкім творы: асноўныя падыходы да класіфікацыі / Л. Г. Дуктава // Весці НАН Беларусі. – 2023. – № 1. – С. 44–52.
5. Маркова, А. С. Архетип «голубого цветка» как национальный код / А. С. Маркова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 5. – С. 205–208.
6. Маслова, В. А. Коды лінгвокультуры : учеб. пособ. / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 180 с.
7. Мельнікава, А. Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя / А. М. Мельнікава ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь ; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 214 с.
8. Савіцкі, В. М. Лінгвокультурныя коды : к обоснованию понятия / В. М. Савіцкі // Вестник МГОУ. Сер. : Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 55–62.
9. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. Шамякін ; падрыхт. тэкстаў і камент. Н. Гальго [і інш.] ; паслясл. Л. Дуктавай ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Маст. літ., 2011 – Т. 7 : Аповесці, 1996–1998. – 503 с.
10. Шур, В. Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе Івана Шамякіна / В. Шур // Польшча. – 2020. – № 7. – С. 123–128.

¹Белорусский государственный университет

²Институт литературоведения имени Я. Купалы
ГНУ «Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси»

Дихотомия явного и скрытого конфликтов в эпической прозе А.П. Чехова 1895–1904 гг. (повесть «Три года», рассказ «У знакомых»)

Н.Ф. КАЛЮТЧИК

Наличие в драме Чехова 1895–1904 гг. конфликтов двух видов литературоведами отмечалось неоднократно. Общность поэтики драматургии и эпики Чехова последнего периода творчества – важный аргумент в пользу предполагаемой общности их конфликтологии. Дихотомия явного и скрытого конфликтов впервые в русскоязычном чеховедении исследуется на материале произведений поздней эпической прозы писателя – повести «Три года» и рассказа «У знакомых».

Ключевые слова: проза Чехова, дихотомия, явный и скрытый конфликты, символ, оксюморон.

Two kinds of conflicts in Chekhov's drama of 1895–1904 have been pointed out more than once. Poetics' similarity of Chekhov's drama and epos of his last creative period is a valid reason to suppose similarity of their conflict. The dichotomy of explicit and implicit conflicts is examined for the first time in Russian literary studies on the material of Chekhov's late epic prose – the stories «Three Years» and «At Friends' Place».

Keywords: Chekhov's prose, dichotomy, explicit and implicit conflicts, symbol, oxymoron.

Введение. Главного героя повести «Три года» (1895) Алексея Лаптева и протагониста рассказа «У знакомых» (1899) Михаила Подгорина объединяет потребность в чем-то неземном, что в тексте прямо не называется. В первом случае речь идет о «чудной, поэтической, быть может, даже святой жизни» (IX, с. 90)¹, во втором – о «томительной, ноющей жажде того, чего нет и не может быть на земле» (X, с. 21). Эта неудовлетворенная потребность представляет скрытый конфликт произведения². Явный конфликт проявляется на уровне взаимоотношений персонажей. В случае Лаптева речь идет о любовном конфликте, связанном с отсутствием взаимности в отношениях с Юлией Белавиной, в случае Подгорина – о конфликте с его старыми знакомыми Лосевыми, для которых протагонист лишь средство к достижению своих целей³. Роль явного конфликта заключается в организации фабулы произведений; скрытый же конфликт выполняет поэтическую функцию: над конфликтной ситуацией в эмпирической жизни надстраиваются цепочки мотивов, представленных вне событийного ряда.

Мысль о подобного рода конфликтной дихотомии неоднократно высказывалась относительно драмы Чехова. В.Е. Хализев пишет о двух видах конфликта, присущих поздней драматургии писателя, – «казуальном» и «субстанциальном» [1, с. 155–156]. При этом ученый ссылается на работу А.П. Скафтымова «Нравственные искания русских писателей»: «...нетрудно видеть, что эти, вполне конкретно обозначаемые стремления (желание взаимной любви Нины Заречной в «Чайке» и Сони в «Дяде Ване», мечта трех сестер о Москве и т. п. – Н.К.) не обнимают собой всего содержания томления о лучшем. С каждым из этих частных желаний всегда соединяется ожидание перемены всего содержания жизни» [2, с. 428].

«Казуальные», или «поверхностные» (Н.А. Муратова) [3, с. 30], конфликты *всегда очевидны*. В пьесах Чехова они связаны с «каким-либо *совершенно конкретным* невыполненным или невыполнимым желанием»⁴ [2, с. 428]. В данной статье этот вид конфликта условимся обозначать как *явный*. Что касается «субстанциальных» (в терминологии В.Е. Хализева) конфликтов, они, во-первых, «не получают вполне точного обозначения... не доведены до конца, они *лишь намечены*» [2, с. 429], во-вторых, носят характер «возвышенных поэтических желаний», перспектива которых сохраняется на протяжении всей пьесы [2, с. 428]. В силу заметной доли авторского умолчания относительно семантики конфликта данного вида, будем называть его *скрытым*.

¹Ссылки на издание [4] даются в тексте работы в круглых скобках с указанием тома (римская цифра) и страницы.

²Конфликт в «смысловом аспекте» принято рассматривать как «предмет художественного изображения» [5, с. 501].

³Мы разграничиваем понятия «конфликт» и «антагонизм». Последнее подразумевает «конфронтацию, взаимную вражду» [6, с. 137], тогда как под первым в самом общем виде понимается «дисбаланс внутренних и/или внешних отношений системы» [6, с. 139].

⁴Здесь и далее во всех приводимых цитатах выделено нами.

Дихотомии явного и скрытого конфликтов соответствует тезис о двуплановости чеховской драмы, в которой «лирическое» идет рука об руку с «бытовым» [7, с. 138]. Но эта двуплановость в полной мере присуща и зрелой эпической прозе писателя [8, с. 70], [9, с. 31]. На подобного рода сходство эпики и драматургии Чехова указывал еще Н.Я. Берковский, согласно которому «драмы Чехова – повести того же Чехова, примененные к сценическим условиям» [10, с. 437]. Отсюда видится **актуальным** исследование возможной конфликтной дихотомии на материале эпической прозы А.П. Чехова 1895–1904 гг. – периода, во время которого были созданы вершинные произведения драматургии писателя. **Новизна** настоящей статьи обусловлена отсутствием в современном русскоязычном литературоведении исследований подобного рода.

Итак, **цель** статьи состоит в выявлении особенностей предполагаемой дихотомии явного и скрытого конфликтов в таких произведениях последнего периода творчества А.П. Чехова (1895–1904 гг.), как повесть «Три года» (1895) и рассказ «У знакомых» (1899).

Дихотомия явного и скрытого конфликтов в повести «Три года». В повести «Три года» А.С. Собенников выделяет два плана – любовный и экзистенциальный, при этом отмечается ценностный приоритет второго перед первым [11, с. 83]. Указанной двуплановостью, как мы постараемся показать далее, и определяется дихотомия явного и скрытого конфликтов с присущей им иерархией.

Счастье взаимной любви лишь на первый взгляд кажется главным в ценностной системе протагониста Алексея Фёдоровича Лаптева. В начальных главах Алексей Фёдорович испытывает то «отчаяние» и «ревность» (IX, с. 7–8), то надежду на счастье (IX, с. 15–16). У влюбленного неоднократно происходят перепады настроения. Наконец он неожиданно для себя делает предложение Юлии и получает отказ.

Безответность чувства Лаптева очевидна⁵. Даже несмотря на то, что впоследствии Юлия соглашается выйти замуж за главного героя, семейное счастье супругам не дается. Жалость Юлии к Лаптеву сменяется «ненавистью» (IX, с. 57), хотя протагонист продолжает любить свою жену. С рождением ребенка «ненависть», в свою очередь, сменяется «привычкой» (IX, с. 68). Не только Лаптев, но и его молодая жена угнетена отсутствием семейного счастья, считая свой брак ошибкой. *Неудовлетворенная потребность во взаимной любви составляет, таким образом, явный конфликт повести.*

Такие перемены в жизни молодой пары, как вступление в брак и рождение ребенка, являются событиями не столько в нарратологическом, сколько в бытовом смысле слова. Они выполняют в повести фабульную роль: влияют на отношения Алексея Фёдоровича и Юлии, придавая им определенный динамизм. Однако безответное чувство на протяжении повествования нередко отходит на второй план. Этот конфликт уступает место эпизодам, никак к нему не относящимся: обеду Алексея Фёдоровича у любовницы его зятя Панаурова, болезни и смерти Нины Фёдоровны, сестры главного героя, описанию совместной поездки Юлии и Панаурова в одном купе в родной Юлии провинциальный город и др. Все эти эпизоды делают явный конфликт расплывчатым. *Явный конфликт, играющий стержневую роль в ожиданиях читателя, в повести оказывается заслоненным авторским изображением «случайностных» (А.П. Чудаков) эпизодов, уводящих внимание от конфликтного стержня.*

Указанные эпизоды ненавязчиво для читателя намекают на скрытый конфликт. В какой-то момент Лаптев, несмотря на поглощенность желанием брака с Юлией, понимает, что он поступает предательски по отношению к сестре. Нина Фёдоровна с болью в сердце рассказала брату о том, что причина ее болезни кроется в постоянных изменах мужа. Невзирая на это, Алексей Лаптев, проявляя слабохарактерность, соглашается на предложение Панаурова пообедать в обществе его любовницы. Явный конфликт уступает место скрытому, проявляющемуся в скрытом голосе совести, взывающем: как я буду счастлив, если несчастлив мой ближний – вопрос, со всей остротой поставленный в творчестве Ф.М. Достоевского.

⁵ Конфликт в данном случае представляет собой такую разновидность нелогического (диалектического) противоречия, как комплементарное противоречие. Образуется оно «при объединении отношений несимметричных, но взаимно зависимых в своей истинности друг от друга» [6, с. 138]: «Лаптев любит Юлию» и «Юлия любима Лаптевым». Впоследствии, когда Юлия испытывает к своему мужу ненависть, конфликт уже выступает как комплементарно-знаковое противоречие, которое возникает «при объединении в одной системе отношений комплементарных и знаковых одновременно» [6, с. 138]: «Лаптев любит Юлию» и «Юлия ненавидит Лаптева».

Скрытый конфликт, в отличие от явного, не способствует продвижению фабулы, тем не менее в продолжение повествования от эпизода к эпизоду он недвусмысленно заявляет о себе. Скрытый конфликт для протагонистов связан с ситуацией нравственного выбора. Иногда это выбор в пользу «чудной, поэтической, быть может, даже святой жизни» (IX, с. 90), иногда против таковой.

Юлия, желая отдохнуть от жизни с нелюбимым человеком, решает погостить некоторое время у отца. Она едет в купе с Панауровым, который предлагает привлекательной молодой женщине свой рецепт счастья, однако этот рецепт совершенно неприемлем для Юлии. Героиня не рассуждает, как ей поступить, но ее христианская вера, хотя и ослабевшая к тому моменту под влиянием роскошной столичной жизни (IX, с. 64), незаметно вступает в свои права. Таким образом, *смысл жизни оказывается выше узколичного стремления к счастью здесь и сейчас любой ценой, а скрытый конфликт – важнее явного.*

В какой-то момент для Лаптева явный конфликт разрешается: скорбь невзаимной любви к жене оставляет его, но повествователь не считает нужным уделить внимание развязке конфликта. В 10-й главе еще передается диалог Юлии и Лаптева, в котором он умоляет: «Хоть искру любви! <...> Ну, солги мне! Солги! Не говори, что это ошибка!..» (IX, с. 60). В 11–13-й главах уже не содержится никаких сведений о чувстве Лаптева к жене, равно как и об отношении Юлии к мужу. Лишь в конце 14-й главы сказано: «А потом он (Лаптев. – Н.К.) всё грустил, что нет прочных постоянных привязанностей, и ему было <...> досадно на себя, что чувство его к жене было уже совсем не то, что раньше» (IX, с. 77).

«Прочные постоянные привязанности» как предмет скрытого конфликта для героя важнее, чем взаимность супружеских симпатий. Вероятно, по этой причине повествователь ставит читателя перед фактом, что противоречие разрешено, но о том, как оно разрешилось, умалчивает. В «текущем потоке бытия» [12, с. 297] это совершилось незаметно для героев: «Жизнь текла обыкновенно, изо дня в день, не обещая ничего особенного» (IX, с. 66). Разрешение явного конфликта не влечет за собой события как нарратологической категории. Читатель может с интересом наблюдать за развитием отношений Юлии и Лаптева, с нетерпением ждать, когда же, наконец, его любовь к ней станет взаимной, но повествователь, очевидно, считает любовную интригу чем-то второстепенным.

Своего рода ценностная несамодостаточность (несобытийность, если говорить на языке нарратологии) явного конфликта, связанного с безответным чувством, находит подтверждение на уровне сюжетной линии Алексея Лаптева и его бывшей подружки Полины Рассудиной. Узнав, что главный герой женился на Юлии, Рассудина страдает глубоко и искренно, но это не мешает ей унижать возлюбленного. Более того, очень скоро она переезжает жить к приятелю Лаптева Ярцеву. В подтексте возникает мысль: важна не столько симпатия к человеку противоположного пола, сколько то, как распорядится своим чувством персонаж.

Событийностью обладает обретение персонажем способности видеть не столько свое, сколько чужое горе. Именно этим качеством измеряется личностная зрелость героев повести. Когда Юлия начинает проявлять деятельную заботу о других: своем ребенке, дочерях умершей Нины Фёдоровны, родных своего мужа – ее неудовлетворенность семейной жизнью незаметно исчезает. В то же время неспособность сострадать свидетельствует о личностной незрелости персонажа. Так, Костя Кочевой, получивший университетское образование за счет Алексея Лаптева, допускает неблагодарность по отношению к своему благодетелю, которого в присутствии Юлии и Ярцева осуждает как человека «вообще ни на что ни годн<ого>» (IX, с. 68).

Скептическое отношение Кости к Ветхому Завету, проявленное во время помощи Лиде и Саше в подготовке домашнего задания, заставляет девочек плакать. Нечуткость Кочевого к ближнему находит подтверждение в отсутствии у него музыкального слуха (IX, с. 52).

Примечательно, что Костю интересует не искусство, а фотография. Эта деталь, которую повествователь отмечает не без заметной доли иронии, говорит о том, что персонаж всецело поглощен горизонтальным измерением жизни («бытом»): «В последнее время он (Кочевой. – Н.К.) увлекался фотографией и каждый день по несколько раз снимал всех в доме, и это новое занятие приносило ему много огорчений, и он даже похудел» (IX, с. 79).

Увлечение Кости фотографией скрыто противопоставляется внезапному постижению Юлией смысла шедевра живописи, описание которого по своим основным чертам, а также по производимому

на героиню впечатлению тишины и покоя схоже с «Тихой обителью» Исаака Левитана (IX, с. 457). Не случайно по возвращении с художественной выставки Юлия начинает испытывать в ответ на рассуждения Кости об искусстве «чувство скуки и досады, и порой даже ненависти» (IX, с. 66).

От скрытого конфликта (бытийный уровень) далек еще один скептик – Панауров. Его скепсис проявляется в теоретических воззрениях на любовь между мужчиной и женщиной: «Мы тут имеем дело с одним из явлений электричества, – говорил он (Панауров. – Н.К.) по-французски, обращаясь к даме. – В коже каждого человека заложены микроскопические железки, которые содержат в себе токи. Если вы встречаетесь с особью, токи которой параллельны вашим, то вот вам и любовь» (IX, с. 29). Как справедливо отмечает Т.Б. Зайцева, Панауров не способен любить и страдать [13, с. 112]. Ограниченность персонажа рамками «быта» проявляется в том, что он «как никакой другой герой повести, окружен вещными деталями и подробностями» [13, с. 112]. Напротив, для Юлии обретение внутренней гармонии связано с тем, что она видит в полюбившемся ей пейзаже *«отражение чего-то неземного, вечного»* (IX, с. 66), что не находит в повествовании своего непосредственного выражения. Впоследствии мы узнаем лишь, что картина приобретена Лаптевым по просьбе жены и висит в ее комнате рядом с «киотами, полученными в приданое» (IX, с. 78) (этим соседством, как мы полагаем, усиливается присущая скрытому конфликту семантика «неземного»).

Следует отметить, что *скрытый конфликт характеризуется неисчерпаемостью: протагонисты могут двигаться в сторону возвышенной, поэтической жизни, но не способны достичь таковой во всей ее полноте здесь и сейчас*. На эту неисчерпаемость подтекстно указывает желание Юлии «идти и идти» по тропинке, изображенной на картине (IX, с. 66). Данная особенность чеховского конфликта также подчеркивается финалом произведения.

Юлия, пережив ряд испытаний: жизнь с нелюбимым человеком, утрату и новое обретение веры в Бога, смерть дочери – стала «зрелой, красивой, сильной женщиной» (IX, с. 91). Изменению характера главной героини соответствует динамика явного конфликта повести: Юлия наконец полюбила своего мужа.

Казалось бы, теперь он и она будут счастливы вместе, однако ожидаемая развязка в повести отсутствует. Дело в том, что *явный конфликт играет в ценностной системе повести хотя и важную, но второстепенную роль*.

Еще современная А.П. Чехову критика указывала на «недоговоренность», «незавершенность», «случайность» концов произведений его эпической прозы [12, с. 548]. Повесть «Три года» в этом смысле не исключение, в ее финале вступает в силу все тот же принцип «случайности» – банальное ощущение голода и привычка в Лаптеве берут верх, и он не может ответить взаимностью поэтически настроенной Юлии: «Она объяснялась ему в любви, а у него было такое чувство, как будто он был женат на ней уже лет десять, и хотелось ему завтракать» (IX, с. 91).

Принцип «случайности» подчеркивает, что явный конфликт не определяет жизнь протагонистов в ее основе. Определяет ее, скорее, мечта о «чудной, поэтической, быть может, даже святой жизни» (IX, с. 90), содержание которой не конкретизируется. Мы узнаем только, что всецелая погруженность в дела торговой фирмы противоречит этой мечте, чем вызваны финальные опасения Лаптева (IX, с. 89–90).

Личностная зрелость Юлии, а также возвышенные мечты и опасения Лаптева в финале свидетельствуют о том, что *явный конфликт подчинен изображению скрытого конфликта, имеющего семантику неудовлетворенности земным*. Можно утверждать, что для лучших героев повести полнота бытия несводима к достижению каких бы то ни было частных, земных целей: *будь то обретение взаимности в любви или деловой успех*. Но явный конфликт, связанный со страданием от отсутствия взаимности в любви, косвенно выражает скрытый: тот, кто не способен страдать от любви (Панауров), тем более не испытывает томления по идеалу. Положительная авторская оценка явного конфликта подтверждается и тем, что любовь в повести выступает как единственная возможность преодоления экзистенциального одиночества [14, с. 148]. Вместе с тем этот конфликт уже скрытого. *В авторской иерархии ценностей скрытый конфликт стоит выше явного, выполняющего по отношению к нему роль символа*.

Дихотомия явного и скрытого конфликтов в рассказе «У знакомых». Эпической прозе А.П. Чехова 1895–1904 может быть свойствен совершенно иной ценностный статус явного конфликта, нежели отмеченный нами в повести «Три года». Пример тому – рассказ «У знакомых».

Фабулу произведения образует поездка протагониста Подгорина в имение Лосевых – друзей его молодости. Семья надеется на помощь Подгорина, адвоката по профессии, в спасении родового имения Татьяны Лосевой, которое продается за долги. Никакой помощи своим знакомым Подгорин оказать не может, а впоследствии и не желает: дружелюбные внешне, на деле просители выказывают себя алчными хищниками. Подлинными носителями пошлости выступают и хозяйка имения Татьяна Лосева, уподобленная хищной самке (X, с. 10), и ее муж Сергей Сергеич, промотавший имение жены.

Тайный замысел Татьяны состоит в том, чтобы женить Подгорина на своей младшей сестре Надежде и за его счет спастись от разорения. Но приманка не удастся: с одной стороны, протагонист чувствует корыстолюбие «знакомых», с другой стороны, личностное начало Надежды стерто безудержным желанием замужества (X, с. 16).

«Жертве» удастся счастливо избежать ловушки «хищников». Явный конфликт разрешается благополучно для протагониста⁶. Однако Подгорин не радуется своей «победе». Скорее, она для него безразлична, как безразлична и для повествователя, передающего точку зрения главного героя.

О том, что явный конфликт никак не изменил жизнь Подгорина, говорит кольцевая композиция: начинается повествование с чтения протагонистом письма из Кузьминок, этим же и заканчивается (X, с. 7, 23). Сама фабула визита в Кузьминки для протагониста бессмысленна.

В аксиологии рассказа положительный смысл имеет лишь «личная тайна»⁷ Подгорина, явленная читателю в эпизоде созерцания неба в весеннюю лунную ночь⁸: «А погода еще немного он (Подгорин. – Н.К.) уже не думал ни о Сергее Сергеиче, ни о своих ста рублях. Была тихая, задумчивая ночь, очень светлая. Когда в лунные ночи Подгорин смотрел на небо, то ему казалось, что бодрствует только он да луна, всё же остальное спит или дремлет; и на ум не шли ни люди, ни деньги, и настроение мало-помалу становилось тихим, мирным, он чувствовал себя одиноким на этом свете, и в ночной тишине звук его собственных шагов казался ему таким печальным» (X, с. 21).

Эпизод созерцания ночного неба семантически рифмуется с упоминанием в несобственно-прямой речи Подгорина «*томительной, ноющей жажды того, чего нет и не может быть на земле*» (X, с. 21). В этой жажде и дает о себе знать скрытый конфликт протагониста.

По возвращении из Кузьминок «тихое, мирное настроение» поглощается буднями. Вернувшись в Москву, Подгорин едва ли не тотчас погружается в работу: «А минут через десять он уже сидел за столом и работал и уже не думал о Кузьминках» (X, с. 23). «Холодная скука» (X, с. 22) оказывается плохим товарищем для того, кто испытывает «жажду того, чего нет и не может быть на земле» (X, с. 21).

Глубоким комментарием к финалу рассказа способно, на наш взгляд, послужить следующее наблюдение Н.Я. Берковского: «Чехов сделал печальное открытие... люди очень спокойно взирают на это всеобщее отсутствие ценностей и норм, они его попросту не замечают или же умеют не замечать, в морально опустевшем мире они живут как ни в чем не бывало, охотно и готовно, с умыслом или без умысла пристраиваясь к нему» [10, с. 430]. Оксюморонное сочетание «холодной скуки» (X, с. 22) и «томительной, ноющей жажды того, чего нет и не может быть на земле» (X, с. 21) задает рассказу трагический тон⁹.

Если у Подгорина явный конфликт вызывает досаду, сменяющуюся безразличием, то для протагонистов повести «Три года» он несет в себе возможность личностного возрастания, не случайно произведение заканчивается обнадеживающей мыслью: «...Лаптев... невольно думал о том, что быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет... И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем? <...> И думал: “Поживем – увидим”» (IX, с. 91).

⁶Явный конфликт в рассказе выступает как диалектическое противоречие между корыстолюбием Татьяны Лосевой и бескорыстной отзывчивостью Подгорина. В тот момент, когда протагонист, вспомнив о собственных интересах, поспешно покидает имение Лосевых, противоречие разрешается.

⁷Выражение «личная тайна» встречается в рассказе «Дама с собачкой» в несобственно-прямой речи Гурова (X, с. 142). В качестве «ценностной координаты» чеховского художественного мира И.Н. Сухих выделяет «людей с тайной» и «людей без тайны» [15, с. 175].

⁸Как отмечает Т.Б. Зайцева, в поздних произведениях Чехова образ лунного света подтекстно говорит о возможности для персонажей лучшей, возвышенной жизни, недоступной их пониманию [13, с. 341].

⁹Согласно Л.Ю. Фуксону, «оксюморон – совмещающая несовместное ценностная логика трагических произведений» [16, с. 54].

Финал повести «Три года», имеющий перспективу возможных перемен к лучшему, противоположен кольцевой композиции рассказа «У знакомых», соответствующей такому атрибуту трагического, как *faite accompli*¹⁰.

В то время как в повести «Три года» явный конфликт отмечен положительной авторской оценкой, в рассказе «У знакомых» он представлен как досадное и бессмысленное взаимодействие с пошлостью.

Заключение. Итак, мы предприняли попытку экстраполяции идеи дихотомии явного и скрытого конфликта, присущей чеховской драме, на произведения поздней эпической прозы писателя – повесть «Три года» и рассказ «У знакомых». Семантика дихотомии явного и скрытого конфликтов может быть прояснена посредством таких дихотомических понятий, как *земное и небесное, быт и бытие, реальное и идеальное, выразимое и невыразимое, текст и подтекст*.

В рассказе «У знакомых» соотношение скрытого и явного конфликтов иное, чем в повести «Три года». Если в повести явный конфликт является своего рода *символом* скрытого, «отблеском неземного», то в рассказе «У знакомых» явный конфликт, имеющий семантику пошлости, противоречит потребности протагониста в осмысленной жизни; иными словами, в рассказе отношения элементов конфликтной дихотомии образуют фигуру *оксюморона*.

Перспективным видится дальнейшее исследование на материале поздних эпических произведений А.П. Чехова возможной связи между соотношением скрытого и явного конфликтов и типами авторской эмоциональности.

Литература

1. Хализев, В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование) / В. Е. Хализев. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 260 с.
2. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. – М. : Художественная литература, 1972. – 544 с.
3. Муратова, Н. А. Разрешение конфликта в драмах и комедиях А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. А. Муратова. – Новосибирск, 2005. – 190 л.
4. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. : Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1986. – Т. 18. – 1982. – 543 с.
5. Хомякова, О. Р. Конфликт как категория литературоведения : аналитические стратегии исследования / О. Р. Хомякова // Вестник РУДН. – 2021. – № 3. – С. 501–510.
6. Светлов, В. А. Конфликтология : учеб. / В. А. Светлов, В. А. Семенов. – М., 2020. – 351 с.
7. Шах-Азизова, Т. К. Чехов и западно-европейская драма его времени / Т. К. Шах-Азизова. – М. : Наука, 1966. – 151 с.
8. Капустин, Н. В. О двуплановости изображения в повести А.П. Чехова «В овраге» / Н. В. Капустин // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература : исследования и материалы ; редкол.: Л. П. Быков [и др.]. – Иваново, 1998. – С. 70–79.
9. Цилевич, Л. М. Сюжет чеховского рассказа / Л. М. Цилевич. – Рига : Звайгзне, 1976. – 237 с.
10. Берковский, Н. Я. Чехов, повествователь и драматург / Н. Я. Берковский // Статьи о литературе / Н. Я. Берковский. – М.–Л., 1962. – С. 404–451.
11. Собенников, А. С. Повесть А.П. Чехова «Три года» : человек и время / А. С. Собенников // Чехов и время : сб. ст. / Изд-во Томского ун-та ; ред. Е. Г. Новикова. – Томск, 2011. – С. 75–85.
12. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова : возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
13. Зайцева, Т. Б. Художественная антропология А.П. Чехова : экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02 / Т. Б. Зайцева. – Магнитогорск, 2015. – 390 л.
14. Собенников, А. С. Повесть А.П. Чехова «Три года» : интуиция художника, гендерная психология, «грамматика текста» / А. С. Собенников, Н. В. Перепелицына // Сибир. филол. журн. – 2014. – № 4. – С. 144–151.
15. Сухих, И. Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова / И. Н. Сухих. – Ленинград, 1987. – 182 с.
16. Фуксон, Л. Типология эстетических ценностей и трагическое с точки зрения аксиологии / Л. Фуксон // Миргород. – 2017. – № 2 (10). – С. 53–62.
17. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М., 2000. – 328 с.

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Поступила в редакцию 22.12.2022

¹⁰И. Бродский противопоставляет понятия «ужас и страх» и «трагическое» на том основании, что первые «имеют дело с предположением, с воображением... С тем, что еще может только произойти» [17, с. 98], а второе – «это то, что называется *faite accompli*. Это конченное дело» [17, с. 98].

Композиционные особенности обозрения как дискурсивного жанра (на материале онлайн-издания *Motorsport*)

О.Н. КАРЕБО

В статье рассматриваются особенности публицистического жанра обозрения как представителя аналитической группы через призму выполняемых им функций. Особое внимание уделяется композиционному построению публикаций жанра, исследуемому на материале текстов немецкоязычного онлайн-издания *Motorsport* узкоспортивной тематики. Композиционная организация изучается через фактологическое структурирование материала сообщения и его языковое оформление.

Ключевые слова: обозрение, аналитический жанр, воздействие, панорамность, общение, композиционные особенности.

The article considers the features of the journalistic genre of review as a representative of the analytical group through the prism of its functions. Particular attention is paid to the compositional construction of publications of the genre, investigated on the material of the texts of narrow-sports topics in the German-language online magazine *Motorsport*. The compositional organization is studied through the factual structuring of the message material and its linguistic design.

Keywords: review, analytical genre, impact, panorama, communication, composition features.

Основная цель дискурса в целом видится в стимулировании общения. Главная задача публицистического дискурса заключается в оказании воздействия на реципиента в значимом, с точки зрения автора, направлении [1, с. 8]. Наиболее полно воздействующую функцию дискурса реализуют аналитические жанры. В отличие от информативной группы, где преобладает объективность суждения, аналитическая группа принимает черты субъективного мнения, подвергая оценке транслируемые события и факты. Автор детально изучает ситуацию и предлагает ее рассмотрение в видимом им ракурсе. Одним из ключевых жанров аналитической группы является жанр обозрения как панорамного рассмотрения события.

На наш взгляд, жанр обозрения в целом и его сетевая форма в частности наиболее полно отвечает целевым запросам публицистического дискурса. По М.Н. Ким, предметом отображения обозрения служат позиции автора с целью «предоставления читателю обобщенных до символического значения эталонных оценок ситуации и фактов данного типа» [2, с. 16]. В качестве метода работы с информацией исследователь определяет публицистическое общение, подчеркивая тем самым необходимость поддержания контакта с адресатом для наиболее глубокого анализа данных. На обязательность вступления в дискурсивные отношения с реципиентом указывает Е.П. Прохоров, говоря, что «метод любого типа познания прямо предопределяется предметом» [3, с. 313–314].

Находясь в тесной связи со статьёй, комментарием и корреспонденцией, обозрение, не похожее ни на один жанр своей видовой группы, демонстрирует свою уникальность через функции и ракурс изучения предмета. Первостепенная задача обозревателя видится в аналитико-дискуссионной подаче актуального материала с целью возбуждения интереса общественности не только к предмету общения, но и к последующей выработке «личной стратегии» граждан [4, с. 229]. Выявить сущность явления, обнаружить противоречия действительности, показать связи его развития и спрогнозировать последующие действия – вот те стороны работы обозревателя, которые определяют вид готового произведения.

Жанр обозрения построен на многоплановости и панорамности. Крупным планом подается фактическая картина мира автора с целью ознакомления читателя с определенным событием. Средний план занимает описание ситуации, явления, процесса. Основной же целью обозрения становится приведение аудитории к определенной идее, некоторому опосредованно возникающему мнению. Совокупная подача и систематизация осмысленных фактов, сопровождаемых авторским комментарием с позиции актуальности данных, и создает отличный эффект панорамы изложения в обозрении [5, с. 34].

Обозрение раскрывает перед читателем причинно-следственные связи, которые на поверку просто так не уловимы. Опасность выстраивания указанных связей заключается в том, что личная оценка и стремление автора к аргументации собственного мнения придают транслируемой информации крайне субъективный оттенок. Субъективность авторской позиции начинается уже на стадии отбора фактов, когда обозреватель единолично решает проблему их точности, полноты, а впоследствии верности их трактовки и доказательности своих выводов.

Композиционные особенности обозрения также связаны с фактами и их иерархией. Текст строится на фактах, которые строго отбираются и группируются в соответствии с авторским вопросом. Продуцент не просто скрепляет отдельные единицы, но усматривает и раскрывает в них общее начало. Именно в обозрении наглядно просматривается пример перехода от частного к общему. Кроме того, обозрение, чаще всего, имеет свои хронологические рамки, оно привязано ко времени и с ним уходит от будущего к настоящему, от настоящего к прошлому. Широта исследования материала не имеет обусловленности; единственное, что важно, – это отклонение от центральной темы диалога (допустимо лишь 30 %), тогда как всё, что выше этого, теряется в сознании читателя, и он уже не запомнит мысль, с которой всё началось.

Внешняя композиция обозрения представлена такими структурными элементами как заглавие, лид, текст и концовка [6, с. 142]. Заглавие вводит читателя в проблему и выступает в качестве стимула к началу дискурсивного общения, выполняя информирующую и контактную функции. Лидер-абзац представляет собой максимальную форму компрессии содержания публикации. В лиде нередко проявляется позиция автора. Он должен соответствовать требованиям самодостаточности и понятности, смысловой завершенности и синтаксической простоты.

Основная часть текста обозрения, как правило, имеет внешние и внутренние структурные элементы. Внешнее структурирование проявляется в разделении основной части на более мелкие компоненты. Они, обладая своими заглавием и концовкой, выстраивают перспективную линию развития события. Продолжая предыдущую часть, каждая последующая предлагает несколько иной ракурс рассмотрения события, внося свой вклад в создание общей картины формируемого мнения читателя. Внутреннюю структуру составляет развитие мысли адресанта, которая проходит стадии завязки, выражения авторской позиции и кульминации.

Заключительная часть обозрения традиционно представлена неким выводом. Он может иметь дидактическую составляющую навязываемого мнения или же проявляться в качестве импульса к продолжению дискуссии – все зависит от выбранной адресантом прагматической цели общения с аудиторией.

Анализ текстов обозрения немецкого онлайн-издания *Motorsport* позволил выделить следующие композиционные особенности исследуемого жанра.

Заголовочный комплекс большей частью ориентирован на прямое понимание текста, при котором читателю достаточно ознакомиться с названием публикации, передающим ее основную мысль. Заголовок как экспозиция привлекает адресата к предлагаемой проблеме, оказывая на него влияние за счет воздействующего информирования, когда читателю открыто сообщается, на какие темы он может рассчитывать. Этому в немалой степени содействуют следующие языковые средства:

– утвердительный характер простого предложения, не отягощенного подробностями второстепенных членов: *McLaren macht Indycar-Fahrer Herta und O'Ward für Formel 1 fit* [7];

– имена собственные, называющие участника, место, время события. За редким исключением тексты обозрения содержат имя и/или фамилию спортсмена, экспертного лица, реже географическое название, категорию соревнования, указание на время;

– предлоги и обстоятельства времени, указывающие на соотнесенность с неким событием: *Nach Miami-Kritik: Vettel erhält Angebot für Indycar-Test* [8].

Воздействующее начало заголовочного комплекса усиливается эмоциональной составляющей текста. Наиболее частыми средствами создания необходимой степени экспрессии заголовка являются:

– лексические единицы положительной или отрицательной коннотации: *Formel 1, Mercedes gibt zu: Sind nach Miami Grand Prix ratlos* [9];

- цитация слов авторитетного лица: *'Mick Schumacher hat Platz in der Formel 1 verdient'* – Magnussen [10];
- разнообразные средства выразительности речи: *Formel 1: Ehemaliger Weltmeister testet McLaren in Austin* [11].

Лидер-абзацу текстов обозрения присущи краткость и определенность передаваемой информации. Однако в ряде случаев отмечается открытость данных, не имеющих исчерпывающего характера для адресата. Об этом сигнализируют синтаксические конструкции с альтернативным союзом *oder*, прием неполной цитации. Рассмотрим в качестве примера открытого содержания лида вступительную часть публикации журналиста М. Голоба (*M. Golob*): *Der Teamkollege ist in der Formel 1 der erste Gegner. Kevin Magnussen zollt Mick Schumacher Respekt: 'Niemand, der Ausreden sucht' Was steckt dahinter?* [10]. Автор начинает лидер-абзац с противопоставления «коллега-соперник», затем использует комплимент от заинтересованного лица, что положительно характеризует обоих участников события. Завершается же лид постановкой специального вопроса, который содержит альтернативу понимания сказанного выше.

Подобное смысловое наполнение лида не позволяет читателю составить однозначное мнение о направлении последующего повествования. Адресант, используя лишь информацию о событии и участниках и избегая открытого выражения своего мнения, наделяет публикацию субъективной оценкой. Последняя косвенно проявляется через:

- использование передающей его мнение лексики: *Amerika drängt in die Formel 1* [7];
- соотносящуюся с его позицией цитацию: *Ferrari Pilot Carlos Sainz gibt zu: 'Volle Stärke lässt auf sich warten'. Der Spanier bleibt von Charles Leclercs Titelchance dennoch unbeeindruckt* [12].

Основная часть текстов обозрения онлайн-издания демонстрирует традиционное деление на более мелкие смысловые части, отделяемые друг от друга заголовками и пробелами. Количество объединенных общей темой блоков варьируется от двух до семи. Главным отличием данной части публикации является упрощенная схема завязки сюжета и авторского развития мысли. Основная часть традиционного произведения рассматриваемого жанра представлена обоснованием актуальности проблемы и необходимости ее решения. Текстам обозрения немецкого издания присуще нейтрально-описательное выражение проблемы. Точка зрения на проблему отражена сменой мнений сопричастных ситуации лиц. Авторская позиция не имеет прямого выражения, а проявляется через внутреннюю композицию системой образов и характеров в определяемой адресатом последовательности, равно как и кульминация публикации.

Типичным для текстов обозрения немецкого издания является наличие фраз-маркеров перехода к следующему вопросу рассмотрения. Выраженные краткими повествовательными предложениями, они предлагают мысль-компрессию, которая затем развивается в последующем смысловом блоке. Так, например, фраза *Sainz will sich nicht von Leclercs F-1-Titelkampf nicht beeinflussen lassen* [12] предваряет информацию о том, что Сайнсу необходимо время, чтобы прийти в конкурентную форму, однако он не считает, что высокие шансы его коллеги по команде на победу каким-то образом негативно повлияют на его собственный результат.

С точки зрения содержания все тексты обозрения можно разделить на две основные группы по временному критерию: на публикации, посвященные рассмотрению актуального и ретроспективного пласта происходящего. Первые излагают события одиночного локального характера, вторые соотносятся с масштабными ситуациями, например, подведением итогов гоночного сезона. Тематика поднимаемых в обозрении вопросов ограничена спецификой рубрики и запросов аудитории и представлена следующим сюжетным выбором: становление карьеры пилотов, результаты соревнований, техническое сопровождение, победы и неудачи команд.

В немалой степени поддержанию дискурсивных отношений с читателем помимо тематического наполнения содействует формат подачи материалов. Предлагая адресату разнообразие точек зрения на обсуждаемую проблему, автор добивается эффекта условной объективности, когда за реципиентом признается право на формирование независимого мнения. На самом деле адресат умело управляет процессом мыслеорганизации, отбирая те данные, используя те цитаты и в том порядке, который позволит подвести аудиторию к намеченной автором оценке события.

Заключительная часть текстов обозрения издания *Motorsport* имеет в отличие от традиционного финала публикаций жанра неявный характер выражения. По завершении рассмотрения проблемы, автор приводит дополнительные данные в виде уточнений, цитат-мнений, несущих воздействующую нагрузку. В зависимости от намерения адресата такая информация может приобрести дидактический смысл, заставить усомниться или подтолкнуть к размышлениям в заданном автором ключе. Обобщения и выводы в классическом понимании отсутствуют.

Тексты немецкого обозрения издания *Motorsport* в целом представлены схожими с традиционными публикациями жанра компонентами внешней композиции – заглавием, лидом, основной частью и заключением. Отличает исследуемые тексты отсутствие открытого выражения позиции автора, которая находит косвенные признаки своего присутствия в отборе и систематизации фактологического материала, в языковых предпочтениях его трансляции аудитории. Адресант отказывается от традиционного завершения публикации формулировкой выводов как подведения итогов сказанного в пользу информирующего воздействия «оставленных напоследок» фактов. Внешне отстраняясь от участия в дискуссии, журналист тем не менее субъективизирует ее течение и максимально использует аналитические возможности жанра как средства оказания формирующего мнение аудитории влияния.

Литература

1. Тертычный, А. А. Интренет-публицистика : жанровый профиль / А. А. Тертычный // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 7–16.
2. Ким, М. Н. Жанры современной журналистики : учебное пособие / М. Н. Ким. – СПб. : Техническая книга, 2004. – 335 с.
3. Прохоров, Е. П. Публицист и действительность / Е. П. Прохоров. – М. : Моск. ун-т, 1973. – 317 с.
4. Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учебное пособие / А. А. Тертычный. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 352 с.
5. Прохоров, Е. П. Обозрение : учебное пособие / Е. П. Прохоров // Теория и практика периодической печати : учебное пособие для вузов / Д. Г. Бекасов [и др.] ; под ред. В. Д. Пельта. – М., 1980. – 353 с.
6. Кучинская, Е. А. Жанр обозрения в англоязычном военном дискурсе / Е. А. Кучинская // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2010. – № 4. – С. 140–148.
7. Grasser, I. McLaren macht IndyCar-Fahrer Herta und O'Ward für Formel 1 fit [Electronic resource] / I. Grasser // Motorsport.com. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/news-277012-mclaren-macht-indycar-fahrer-herta-und-oward-fuer-formel-1-fit>. – Date of access : 20.01.2023.
8. Niedermair, F. Nach Miami-Kritik : Vettel erhält Angebot für Indycar-Test [Electronic resource] / F. Niedermair // Motorsport.com. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/news-276994-formel-1-nach-miami-kritik-sebastian-vettel-erhaelt-angebot-fuer-indycar-test>. – Date of access : 20.01.2023.
9. Grasser, I. Formel 1, Mercedes gibt zu: Sind nach Miami Grand Prix ratlos [Electronic resource] / I. Grasser // Motorsport.com. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/news-277040-formel-1-mercedes-gibt-zu-sind-nach-miami-grand-prix-ratlos>. – Date of access : 20.01.2023.
10. Golob, M. Mick Schumacher hat Platz in der Formel 1 verdient – Magnussen [Electronic resource] / M. Golob // Motorsport.com. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/news-277018-formel-1-magnussen-mick-hat-platz-in-der-formel-1-verdient>. – Date of access : 20.01.2023.
11. Niedermair, F. Formel 1 : Ehemaliger Weltmeister testet McLaren in Austin [Electronic resource] / F. Niedermair // Motorsport.com. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/news-277055-formel-1-ehemaliger-weltmeister-testet-mclaren-in-austin>. – Date of access : 20.01.2023.
12. Grasser, I. Formel 1, Carlos Sainz : Suche nach Top-Form dauert ganze Saison [Electronic resource] / I. Grasser // Motorsport.com. – Mode of access : <https://www.motorsport-magazin.com/formel1/news-277020-formel-1-carlos-sainz-suche-nach-top-form-dauert-ganze-saison>. – Date of access : 20.01.2023.

Хлеб як кампанент і аснова вобразаў фразеалагізмаў беларускай і французскай моў: агульнае і адметнае

Г.А. КІРУШКІНА, В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

Артыкул прысвечаны аналізу беларускіх і французскіх фразеалагізмаў з трафонімным кампанентам хлеб. Лінгвакультуралагічны метада аналізу выяўленых адзінак дзвюх моў дазваляе вызначыць агульнае і адметнае ў фразеалагізмах скрозь прызму іх семантыкі, вобразнай структуры з сімвальным кампанентам, каштоўнасці змест культуры беларускага і французскага народаў.

Ключавыя словы: беларускія і французскія фразеалагізмы, кампанент, хлеб, вобраз, семантыка, аналаг, эквівалент, пазнанне.

The article is devoted to the analysis of Belarusian and French phraseological units with the traphonym component of bread. The linguoculturological method of analyzing the identified units of two languages allows us to determine the common and distinctive in phraseological units through the prism of their semantics, figurative structure with a symbolic component, the value content of the culture of the Belarusian and French peoples.

Keywords: Belarusian and French phraseological units, component, bread, image, semantics, analogue, equivalent, cognition.

Ежа ў жыцці чалавека – самая звычайная з’ява, але ёй надаецца выключная роля, паколькі гэта важнейшая ўмова нармальнага працякання жыцця чалавека. З ежай звязваюць пераход ад прыроды да культуры, ежа стала адной з фундаментальных культурных характарыстык чалавека, ежа – унікальны сродак і спосаб пазнання чалавека, народа. «Сумесны прыём ежы, – акрамя ўтылітарнай, мае цэлы шэраг іншых функцый; ён мацуе сацыяльныя сувязі, уяўляючы сабой “магічны кансалідарны акт”, “у вышэйшай ступені актуальную”, “богаўгодную” форму сацыяльнай сувязі» [1, с. 133]. Ежа ў народнай традыцыі рэгламентуецца сацыяльнымі нормамі і традыцыйнымі звычаямі, з’яўляецца складнікам сямейных, каляндарных, гаспадарчых і аказіянальных абрадаў, паколькі кожны народ, «назапашваючы свой жыццёвы і гістарычны вопыт, прывыкае глядзець на свет з уласнага пункту гледжання» [2, с. 6].

Не выпадкова, што ва ўсіх сусветных культурах вобразы ежы, яе ўжывання ці прыгатавання напаўняюцца культурна-сімвальным зместам – набываюць абрадавы, рытуальны, міфалагічны, сакральны сэнс, атрымліваюць асаблівае аксіялагічнае значэнне. З улікам таго, што ежа ўключана «“ў працэс светаразумення ва ўсіх нацыянальных соцыумах”, і таму “харчовыя” вобразы ўласцівы любой культуры» [3, с. 247], цікавымі з’яўляюцца вынікі параўнання і супастаўлення вобразаў ежы розных моў, роднасных і далёкароднасных.

Аб’ектам супастаўлення ў межах прапанаванага артыкула абраны фразеалагічныя адзінкі (ФА) беларускай [гл. Спіс скарачэнняў] і французскай [4] моў, у складзе якіх зафіксавана лексема-кампанент *хлеб*. Наша мэта – выявіць агульнае і адметнае ў культурнай інфармацыі ФА з кампанентам *хлеб* у двух далёкароднасных народаў, тыя веды, устаноўкі і правілы кожнага, асновай якіх паслужылі роля, ужыванне, ацэнка, характарыстыка хлеба.

Выбар ФА абумоўлены тым, што гэтыя адзінкі кожнай мовы створаны народам і пра народ, пра чалавека, амаль усе яны прысвечаны чалавеку, называюць, характарызуюць, ацэньваюць з усіх і самых розных бакоў яго жыцця. Чалавек знаходзіцца ў цэнтры фразеалогіі, таму ФА – гэта адзін з ключыкаў да чалавека, яго пазнання, а разам з тым пазнання народа, яго менталітэту, спосабу мыслення, светаўспрымання. І выяўленне культурнай інфармацыі, што захоўваецца і перадаецца ад пакалення да пакалення, тых правілаў і нормаў, узораў і арыенціраў, тых каштоўнасцей ацэнак, што імпліцытна ці экспліцытна ўтрымліваюцца і транслююцца ў ФА, дазваляе ўстанавіць культурныя каштоўнасці ў жыцці і культуры кожнага народа на пэўным этапе іх развіцця і ў пэўны перыяд іх гісторыі.

Сабраныя трафонімныя (ад грэч. *trophe* = ежа + *onima* = імя [5, с. 474]) ФА дзвюх моў паводле сваёй колькасці сведчаць пра вялікую ўвагу беларусаў і французцаў да гэтага аспекта жыцця, асабліва выдзяляючы з ліку ўсіх трафонімных ФА самую вялікую колькасць адзінак з кампанентам *хлеб* (налічваецца каля сотні адзінак у кожнай з абраных моў).

Ужо толькі гэты факт даводзіць тую ролю, тую значнасць хлеба для чалавека, найбольшую даніну і пашану народаў да гэтага прадукту харчавання, таго бяспэчнага кошту гэтай ежы, якая па сутнасці з'яўляецца асновай матэрыяльнага і духоўнага жыцця беларусаў і французай. Параўн. парэміі дзвюх моў пра хлеб, напрыклад: бел. *Галоднаму хлеб сніцца; Галоднай куме хлеб на ўме; Без хлеба, без солі плахая бяседа; Ня мы хлеб носім, алі хлеб нас; Хлеб-соль еж, а праўду рэж; Хлеб-соль на стале, а рукі свае; Пакуль цапы ў руках, датуль хлеб у руках; Нахіліся, поклоніся, тай хлеба наесіся; Хто спіць да сонца, таму хлеб у машонцы і інш.*, дзе найбольшая ўвага ўдзелена цяжкасці і неабходнасці дабывання хлеба, той працы чалавека, якая звязвае вынікі і дастатак жыцця з хлебам і яго ролі ў жыцці чалавека; і фр. *Qui ne pétrit, bon pain ne mange* (дасл.: хто не замешвае цеста, не есць смачнага хлеба); *Pain de vieillesse se pétrit pendant la jeunesse* (дасл.: хлеб старасці замешваецца ў маладосці). *Ne sait que vaut pain sur terre, qui n'a connu la guerre* (дасл.: хто не ведаў вайны, не ведае, чаго варты хлеб на зямлі); *Nul ne sait ce que le pain vaut, qui ne prend peine quand il faut* (дасл.: той, хто не працуе, калі гэта неабходна, не ведае чаго варты хлеб); *Mieux vaut sans dette un pain d'orge qu'en prêt un pain de froment* (дасл.: лепш ячменны хлеб без пазыкі, чым пшанічны хлеб у пазыку); *Jamais homme ayant grande faim ne trouva morceau de pain mauvais* (дасл.: ніколі вельмі галодны чалавек не лічыў кавалак хлеба дрэнным), дзе зноў жа падкрэсліваецца роля працы ў жыцці чалавека і месца, роля хлеба для французай.

Частотнасць кампанента *хлеб* у фразеалогіі абедзвюх моў абумоўлена разнастайнай сімволікай, што замацавана за гэтай лексемай з прычыны значнасці гэтага віду ежы, цяжкасці яго атрымання. Слова *хлеб* з'яўляецца не толькі найменнем асноўнага 'прадукту харчавання, які выпякаецца з мукі', 'зерне, якое мелецца на муку для выпякання хлеба', 'зерневыя расліны (жыта, пшаніца і пад.) на карані', 'сродак для існавання, заробак' [6, с. 200]), але і тым, што гэтая лексема называе «найбольш сакралізаваны від ежы, сімвал дабрабыту, шчасця, дастатку» [7, с. 498], з'яўляецца паказчыкам і ілюстрацыяй цэлага канатацыйнага поля, выступае сімвалам жыцця, долі чалавека, з'яўляецца адным з самых важных паняццяў у культуры беларусаў.

Нашы продкі хлеб абагаўлялі, да яго адносіліся як да жывой істоты. Калі выпадкова і незнарок выпадаў з рук кусочак хлеба, яго падымалі, прасілі прабачэння ў Бога і хлеба, часцей з'ядалі, каб хлеб «не скардзіўся».

З хлебам звязана мноства правілаў, звычаяў, абрадаў, прыкметаў, павер'яў, абярэгаў, многія з якіх дайшлі да нашага часу. Аб адным з іх зазначае Я. Колас у паэме «Новая зямля», калі сям'я збіраецца пакінуць сваё жыллё пры пераборах на новае месца жыхарства: «Тым часам маці тарапліва закон дзядоў сваіх спаўняе: кладзе кусочак хлеба з соллю на покуці ў завуголлі». Альбо ўзгадаем пра выпечку хлеба, які амаль да палавіны мінулага стагоддзя выпякалі ў хатніх умовах, калі кожны этап – гэта нейкае свяшчэннае дзейства: «Перш чым мясіць цеста (рашчыняць хлеб), жанчына павінна была чыста памыцца і перахрысціцца, прызваўшы ў сведкі бога, каб Х. [хлеб] удаўся і добра падышоў. Не раілася рашчыняць Х. у кепскім настроі, бо гэта, паводле павер'я, уплывала на яго якасць ("цеста будзе вадзяное і хлеб у печы распываецца"). Пры пасадцы Х. непажадана было каму-небудзь знаходзіцца на печы, дзеці павінны былі злезці з яе. Калі Х. выпякаўся ў печы, не раілася ў гэты час гучна размаўляць, спрачацца ў доме, прымаць выпадковых наведвальнікаў ("хлеб можа патрэскацца"). З такой далікатнасцю і пашанай адносіліся і да начыння, якім карысталіся для прыгатавання Х., асабліва дзяжы» [8, с. 514]. Хлеб у беларусаў, а ён звычайна быў жытні, ці чорны, займаў сваё пачэснае месца на стале. Узгадаем пра хлеб як абавязковы атрыбут пры сватаўстве, на вяселлі, радзінах, пра каравай хлеба з соллю, якім сустракаюць дарагіх гасцей.

У французскай культуры хлеб таксама з'яўляецца сімвалам ежы, прадуктаў, якія падтрымліваюць жыццё, служаць сродкам пражытку. Хлеб – адзін з элементаў «французскай святой Тройцы»: хлеб – віно – камембер (сыр). Хлеб і звязаныя з ім прадметы надзяляліся прароцкімі ўласцівасцямі і служылі прадвеснікамі. Так, калі пры пажары хлеб на стале ў доме згараў цалкам, гэта азначала, што няшчасце праследуе сям'ю і неўзабаве жыллё будзе знішчана новым пажарам. Калі да ляза нажа, пакінутага ў хлебе ў навагоднюю ноч, прыліплі крошкі, год будзе дажджлівы. Калі лязо вільготнае, год будзе засушлівым. Калі хлеб пры выпечцы месцамі парэпаецца, будзе вяселле. Выпечаны хлеб, трэснуты цалкам і падзелены на дзве ці тры часткі, – сумныя навіны, смерць блізкага чалавека, параненае сэрца. Сабраныя пасля вяселля і схаваныя ў шафе рэшткі хлеба прадказваюць смерць таго, чый хлеб першым пакрыецца цвіллю.

Дадамо і той факт, што ў Францыі ў 2022 г. рамесныя ноў-хаў і культура вырабу багета як разнавіднасці хлеба, які адрозніваецца ад іншых гатункаў хлеба тым, што складаецца ўсяго з чатырох інгрэдыентаў (мука, вада, соль, дрожджы і/або закваска), былі ўключаны ў Рэпрэзентатыўны спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны чалавецтва.

Менавіта такі культурны фон дапамагае лепш асэнсаваць сімваліку і тую культурную інфармацыю, што ўласціва і часцей скрыта як дадатковая за трафонімам *хлеб*, што, несумненна, і паслужыла адбору гэтай лексемы як асновы ўтварэння вобразаў выразных, сціслых, ёмкіх, шматінфармацыйных ФА рознай структуры і семантыкі, якім у мове двух народаў была нададзена роля сімвалаў, стэрэатыпаў і эталонаў, пачаткова закладзеная ў лексеме *хлеб / pain*. І кожная ФА даводзіць розную, але найбольш важную культурную інфармацыю праз адметны вобраз, дзякуючы чаму чалавек суадносіць свае асацыяцыі, якія выклікае пэўны вобраз ФА, з тымі стэрэатыпамі і эталонамі, якія прыняты ўвогуле ў беларусаў і французцаў.

Параўнанне беларускіх і французскіх ФА з кампанентам *хлеб / pain* па шкале міжмоўнай эквівалентнасці на аснове іх семантыкі, унутранай формы, структурна-граматычнай арганізацыі, кампанентнага складу, экспрэсіўна-стылістычнай характарыстыкі, з якіх асноўнымі з'яўляюцца семантыка і ўнутраная форма, дазваляе выдзеліць наступныя тыпы суаднесенасці ФА: поўныя і частковыя эквіваленты, аналагі, безэквівалентныя адзінкі, ці ўласцівыя толькі пэўнай мове.

Поўныя эквівалентны – гэта фразеалагізмы з поўным супадзеннем паказчыкаў міжмоўнай эквівалентнасці, і да такіх у беларускай і французскай мовах адносяцца наступныя:

– *кавалак / кусок хлеба* ‘сродкі для існавання’ (Л-2008-1: 534) – *un morceau de pain* (дасл.: *кусок хлеба*) ‘маленькая сума грошай, маленькі даход’;

– *есці чужы хлеб* ‘жыць за кошт іншых’ (Ю-1972: 219); *есці хлеб чый* ‘жыць за чый-н. кошт, знаходзіцца на чый-н. утрыманні’ (Л-2008-1: 416) – *manger le pain de qn* (дасл.: *есці чый-н. хлеб*) ‘знаходзіцца ў служэнні ў кагосьці, жыць за чый-н. кошт’;

– *сядзець на хлебе і вадзе* ‘жыць надгаладзь, галадаць’ (Л-2008-2: 494) – *vivre au pain et a l'eau* ‘жыць хлебам і вадой, сядзець на хлебе і вадзе, галадаць’; *être au pain et à l'eau* ‘сядзець на хлебе і вадзе, пасціцца’;

– *перавадзіць на хлеб і ваду* ‘пачынаць карміць вельмі сціпла’ (Ю-1974: 241) – *mettre qn au pain et a l'eau* ‘пасадыць каго-л. на хлеб і ваду’;

– *цяжкі хлеб* ‘цяжкая фізічная праца, праца, якая патрабуе вялікіх намаганняў’ (М-К-1972: 297); ‘жыццё з цяжкаю працаю’ (Я-1968: 410) – *c'est du pain bien dur* ‘цяжкі (чэрствы) хлеб, нялёгка заробак’;

– *хлеб надзённы* 1) ‘тое, што крайне неабходна для жыцця, для існавання’; 2) ‘самае важнае, неабходнае’ (Л-2008-2: 608) – *pain quotidien* ‘хлеб надзённы’.

Як відаць, наяўнасць у дзвюх далёкароднасных мовах поўных эквівалентаў фразеалагічных адзінак, хоць і невялікай іх колькасці, якія з'яўляюцца не толькі знакамі мовы, але і культуры кожнага народа і якія дайшлі да нашага часу з мінулага, сведчыць найперш пра выключную ролю хлеба як асноўнага віду ежы, сродку жыцця і існавання чалавека.

Часткова эквівалентныя – гэта такія фразеалагізмы дзвюх моў, якія маюць нязначныя адрозненні ва ўнутранай форме, кампанентным складзе або ў суб'ектыўна-ацэначнай і экспрэсіўна-эмацыянальнай характарыстыцы. І да такіх адносяцца:

– *на казённым хлебе быць, знаходзіцца* і пад. ‘у турме, у зняволенні’ (Л-2008-2: 610) – *pain du roi* (дасл.: на хлебе караля) – ‘турэмны паёк’;

– *на казённым хлебе / харч саджаць* ‘у турму, у зняволенне’ (Л-2008-2: 610) – *au pain du roi* (дасл.: на хлебе караля) ‘на казённых хлябах, у турме’;

– *зямі печуць хлеб есці* ‘быць у розных пераплётах і многае зведаць у жыцці’ (Л-2008-1: 416) – *manger de plus d'un pain* (дасл.: есці больш, чым адзін хлеб) ‘пабываць у розных месцах, многа пабачыць’;

– *хлебам карміць* каго ‘забяспечваць сродкамі для жыцця’ (Л-2008-1: 560) – *mettre à quelqu'un le pain à la main* (дасл.: даць каму-н. кусок хлеба) – ‘даць каму-н. сродкі для жыцця’;

– *адбіваць хлеб* у каго ‘пазбаўляць каго-н. заробку, беручыся за тую ж работу, справу і пад.’ (Л-2008-1: 55); *забіраць хлеб* ‘пазбаўляць каго-небудзь заробку, беручыся за тую ж работу, справу’ (З-2014: 81) – *enlever à quelqu'un le pain de la bouche* (дасл.: вырваць кавалак з рота) ‘адабраць апошні кавалак хлеба’.

Аналагі сярод фразеалагізмаў беларускай і французскай моў з кампанентам *хлеб / pain* выяўляюцца пры тоеснасці ці падабенстве семантыкі, але пры наяўнасці адрозненняў паводле іншых паказчыкаў. І да такіх у сістэме фразеалогіі дзвюх моў можна аднесці наступныя ФА:

– *хоць з хлебам еш* <каго> ‘вельмі добры, лагодны, з мяккім характарам’ (Д-2020: 549); *хоць на хлеб намазвай* каго ‘хто-н. вельмі добры, лагодны, памяркоўны’ (Д-2020: 549) – *von comte le pain* (дасл.: добры, як хлеб) ‘добры, мілы чалавек’;

– *шылам хлеб есці* ‘жыць у нястачы, у беднасці, галадаючы’ (Л-2008-1: 416); *шылам хлеб / кашу есці* ‘не мець сродкаў для існавання’ (Д-2020: 588) – *manger du pain sec* (дасл.: есці сухі хлеб) ‘сядзець на адным хлебце’;

– *спяваць на хлеб* ‘збіраць міластыню, жабраваць’ (Л-2008-2: 440) – *mendier son pain* (дасл.: жабраваць свой хлеб) ‘жабраваць’; *chercher son pain* (літ.: шукаць свой хлеб) ‘жабраваць, пабірацца’.

Да нядаўняга часу аналагамі маглi бы быць беларуская ФА *есці хлеб поўным ротам* ‘быць багатым, жыць у дастатку, заможна’ (Д-2020: 548) і французская ФА *avoir du pain sur la planche* (дасл.: мець хлеб на дошцы) ‘жыць у дастатку, мець запасы’. Справа ў тым, што да пачатку ХХ ст. у французай было звычайна, як і ў беларусаў, хлеб захоўваць на працягу доўгага часу, і тады наяўнасць мноства боханаў, раскладзеных на дошках для захоўвання, азначала ‘мець рэсурсы на будучыню, быць упэўненым, што не будзеш мець патрэбу’, ці па сутнасці ‘жыць багата’. Аднак з цягам часу выраз змяніў сваё значэнне. Верагодна, гэта тлумачыцца тым, што хлеб «працяглага» захоўвання быў паступова заменены хлебам, які купляецца кожны дзень у булачнай, а не выпякаецца гаспадыняй на доўгі час. І тады сэнс «карцінкі» фразеалагізма змяняецца: нарыхтоўкі (сырыя буханкі), якія пекар пасля таго, як сфармаваў іх, спачатку кладзе на дошку, перш чым паставіць у печ. Наяўнасць «хлеба на дошцы» азначае, што пекар знаходзіцца ў пачатку сваёй працы і яму яшчэ шмат чаго трэба будзе зрабіць, перш чым ён яе закончыць. Адсюль і сучаснае значэнне гэтай французскай ФА ‘мець шмат працы’.

Разам з тым у кожнай мове маюцца свае, ці *безэквівалентныя*, фразеалагізмы, што сваімі вобразамі, унутранай формай, абранымі кампанентамі, іх спалучэннямі ў кожнай даводзяць адметную і разнастайную культурную інфармацыю, выражаюць розную экспрэсіўна-эмацыянальную афарбоўку, характарызуюць, выяўляюць адносіны да абазначанага і даюць ім ацэнку, адлюстроўваючы ўнікальнасць нацыянальнага характару беларусаў ці французай, адметнасць іх светапогляду, светаўспрымання, культуры, гісторыі, сацыяльнага і палітычнага жыцця.

І такімі ў беларускай мове з’яўляюцца, напрыклад, наступныя фразеалагізмы:

– *адданы / дзякаваны хлеб* ‘расплата за дрэнныя паводзіны, учынкi’ (Д-2020: 548), *адданы хлеб* ‘помста, аддзяка, кепства на кепства, квітаны доўг’ (Я-1968: 396);

– *вароты хлебам адкрываць* ‘багата, заможна жыць’ (Д-2020: 76);

– *горкі хлеб* ‘кепскае (у сям’і, у асяроддзі) жыццё, у нязгодзе, з упіканнямі, недаверам, калі «кавалак хлеба ў рот не лезе»’ (Я-1968: 112);

– *дурны як сала без хлеба* ‘вельмі, надзвычай (дурны); пра каго-н.’ (Л-2008-2: 358);

– *зайцаў / зайчыкаў хлеб* ‘гасцінец дзецям, які прывозіў бацька з вялікае дарогі’ (Я-1960: 211); *зайчыкаў хлеб* ‘рэшткі ежы, прывезенай дадому з лесу, лугу, поля і г. д., якую прапануюць з’есці дзецям’ (М-К-1972: 94); *зайцаў / зайчы / зайчыкаў / заячы хлеб* ‘рэшткі ежы, прынесеныя дадому і падараваныя дзецям. Пра ежу, якая засталася нескарарыстанай ад той, што бралі дарослыя з сабой на працу’ (Д-2020: 548);

– *ісці на свой хлеб* ‘пачынаць жыць самастойна, зарабляючы на сябе’ (Л-2008-1: 530);

– *лёгка хлеб* ‘няцяжкая праца, якая не патрабуе вялікіх намаганняў, клопату, турботы’ (Л-Ш-2007: 292);

– *мала хлеба еў / з’елі* ‘недастаткова вопытны, замалады’ (Д-2020: 549);

– *мачаць <свой хлеб> у дзве солі* ‘адначасова дасягаць дзвюх мэт’ (Л-2008-2: 27);

– *перабівацца, перакідацца з хлеба на квас / на ваду* ‘сяк-так, надгаладзь, не наядаючыся, галадаючы’ (Л-2008-2: 609);

– *хлебам не кармі* каго ‘каму-н. нічога іншага не трэба, апрача таго, пра што гаворыцца’ (Л-2008-1: 559);

– *хлеб і да хлеба* ‘іншыя, апрача хлеба, прадукты харчавання’ (Л-2008-2: 609);

– *хлеб-соль* 1) ‘харч, яда’; 2) ‘пачастунак’; 3) ‘турботы, апека’; 4) *выкл.* ‘прыемнага, добрага апетыту. Пажаданне таму, каго засталі за ядой’ (Л-2008-2: 608);

– *цвёрды хлеб* ‘пастаянны заробак’ (Л-Ш-2007: 293) і інш.

А ў французскай мове да такіх адносяцца, напрыклад, ФА:

– *mangeur de pain mollet* (дасл.: ядок мяккага белага хлеба) ‘далікатнае стварэнне’;

– *avoir plus de chair que de pain* (дасл.: мець больш плоці, чым хлеба) ‘быць багацейшым здароўем, чым грашыма’;

– *ivre comme une tranche de pain mouillée de vin* (дасл.: п’яны, як луста хлеба, змочаная (насычаная) віном) ‘п’яны як свіння’;

- *les mains noires font manger le pain blanc* (дасл.: чорныя рукі даюць есці (здабываюць) белы хлеб) ≈ ‘мыла шэрае, але мые бела’;
- *manger son pain blanc le premier* (дасл.: першым з’есці свой белы хлеб) ≈ ‘быць неашчадным; сёння густа, а заўтра пуста’;
- *emprunter (prendre) un pain sur la fournée* (дасл.: пазычыць (узяць) адзін хлеб з ліку адначасовай закладкі ў печы) ‘мець пазашлюбнае дзіця’;
- *avoir plus de la moitié de son pain cuit* (дасл.: мець больш за палавіну свайго хлеба выпечаным) ‘разарыцца, быць на краю магілы’;
- *aller faire la guerre au pain* (дасл.: пайсці ваяваць з хлебам) ‘ні кусочка не пакінуць, падмесці дачыста’ і інш.

Такім чынам, выдзеленыя фразеалагізмы з кампанентам *хлеб* у беларускай і французскай лінгвакультурах выяўляюць шмат агульнага, падобнага, нават універсальнага ў апісанні чалавека, яго дзеянняў, прыкмет, тым самым выяўляючы значнае месца і ролю хлеба ў жыцці гэтых двух народаў у мінулым і сёння. І пры гэтым заканамерна, што пэўная колькасць фразеалагізмаў, і іх значна больш, захоўвае і трансліюе адметныя погляды, меркаванні беларусаў і французцаў. «Прачытанне» вобразаў фразеалагізмаў выразна даводзіць, што гэтыя адзінкі ў кожнай мове служыць крыніцай пазнання і выяўлення культурнай інфармацыі, што канатуе з сістэмай эталонаў, стэрэатыпаў, сімвалаў, выпрацаваных народным светапоглядам, з правіламі і нормаў, выпрацаванымі кожным народам у ходзе свайго практычнага вопыту і гістарычнага развіцця. І як вынік такога вивучэння, з аднаго боку, – пазнанне народа, магчымасць параўнання з іншымі народамі для вызначэння агульнага і адметнага; з другога боку, – засваенне правіл і норм, устаноў культуры носбітамі сваёй мовы з уласцівымі ёй фразеалагічнымі адзінкамі, яднанне народа і захаванне сваёй ідэнтычнасці, адметнасці ад іншых народаў.

Літаратура

1. Байбурын, А. К. У истоков этикета / А. К. Байбурын, А. Л. Топорков. – Л. : Наука, 1990. – 166 с.
2. Сухарев, А. А. Психология народов и наций / А. А. Сухарев, М. В. Сухарев. – Донецк, 1997. – 400 с.
3. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
4. Гак, В. Г. Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, И. А. Кунина, И. П. Лалаев [и др.]; под ред. Я. И. Рецкера. – М. : Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1963. – 1112 с.
5. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск, 1999. – Т. 2 : М–Я. – 736 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / АН БССР, Інст-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1984. – Т. 5, кн. 2 : У–Я / М. Р. Суднік (рэд. тома). – 608 с.
7. Лобач, У. Хлеб / У. Лобач // Міфалогія беларусаў : Энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
8. Цітоў, В. С. Хлеб / В. С. Цітоў // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел СЭ, 1989. – 575 с.

Спіс скарачэнняў крыніц фразеалагізмаў

Д-2020 – Даніловіч, М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 607 с.; Л-2008-1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.; Л-2008-2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.; Л-Ш-2007 – Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – 312 с.; М-К-1972 – Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.; Ю-1972 – Юрчанка, Г. Ф. І коціцца і валіцца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.; Ю-1974 – Юрчанка, Г. Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.; Я-1968 – Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія : Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. школа, 1968. – 451 с.

Эскапізм у творчай спадчыне Яна Баршчэўскага і Эдгара По

Л.А. ЛЕШЧАНКА

У дадзеным артыкуле даследуецца пытанне эскапізму і аналізуецца спосабы адлюстравання ўцёкаў ад рэчаіснасці ў творчасці рамантыкаў Яна Баршчэўскага і Эдгара По. Праводзяцца паралелі паміж беларускай і амерыканскай рамантычнымі плынямі, выяўляюцца тыпалагічныя падабенствы і агульныя мастацкія прыёмы абодвух аўтараў. Звяртаецца ўвага на падабенства прычын эскапізму, аналізуецца выбар мастацкіх сродкаў для яго ўвасаблення.

Ключавыя словы: кампаратывістыка, рамантызм, эскапізм, Ян Баршчэўскі, Эдгар По.

This article examines the issue of escapism and analyzes the ways of depicting escape from reality in the works of the romanticists Jan Borshzewski and Edgar Poe. Parallels are drawn between the Belarusian and American romantic currents; typological similarities and common artistic techniques of both authors are revealed. The attention is drawn to the similarity of the causes of escapism, the choice of artistic means for its embodiment is analyzed.

Keywords: comparative literature, romanticism, escapism, Jan Barszewski, Edgar Poe.

Ва ўсім рамантычным пісьменстве меланхолія стала адметнай рысай элегантнай душы і вытанчанай чуласці. У такім хваравітым душэўным стане пісьменнікі-романтыкі, якія адрозніваліся моцнай чуласцю, хацелі збегчы з жорсткага свету рэчаіснасці ў краіну, дзе яны маглі б атрымаць спакой, задавальненне і пчасце. Такім чынам, эскапізм можна абазначыць як адну з галоўных рысаў усяго перыяду рамантызму.

У той час як Асветніцтва хацела пазбавіць чалавецтва ад забабонаў і сілы звышнатуральнага, рамантыкі ў чарговы раз сцвярджалі каштоўнасць і праўдзівасць старажытных міфаў і містыкі. Яны заклікалі да чагосьці вышэйшага і глыбейшага, чым гэты свет болю і пакут. Сіла ўяўлення дапамагала пісьменнікам перанесціся ў вырай дасканаласці і прыгажосці.

Адным з найбольш плённых спосабаў адлюстравання ўцёкаў ад рэчаіснасці ў творчасці рамантыкаў Яна Баршчэўскага і Эдгара По з'яўляецца зварот да мінулага. Апеляцыі да старасвеччыны і туга па залатым веку дастаткова часта сустракаюцца ў іх паэзіі і прозе. Амерыканскага і беларускага аўтараў збліжае рамантычнае бачанне мінулага – ідэалізаванага патрыярхальнага свету, супрацьпастаўленага аўтарскай сучаснасці, непрыманне капіталістычных адносін і новай маралі. Напружанасць дзеяння і трагічнае гучанне гісторыі сведчаць пра тыпалагічнае падабенства іх твораў.

У праявітай спадчыне Яна Баршчэўскага разнастайна інтэрпрэтуецца «залаты век» і «шчаслівая Аркадыя». З «залатым векам» [1, с. 152] аўтар параўноўвае мінулыя часы Рэчы Паспалітай, але варта адзначыць, што яго гістарычны рэалізм мае найчасцей эскісны характар. Так, у апавяданнях беларускага рамантыка дастаткова часта ўзгадваюцца ранейшыя часы, калі ўсё было лепей чым цяпер: «У нашых ваколіцах старыя памятаюць шчаслівейшае жыццё, калі было яшчэ шмат пачцівых, стараных і працавітых людзей; у той час, кажучы, кожны гаспадар меў у дастатку зямлі, і радзіла зямля заўсёды добра, хапала хлеба і корму жывёле. У азёрах і рэчках было столькі рыбы, што моладзь, бавячыся ля вады з першай – лепшаю прыладаю, лавіла столькі рыбы, што ледзь магла забраць з сабою дадому. Панюў было не шмат, ды і тыя пажоўныя, і жылі яны дзесьці далёка за Дзвіною» [1, с. 146].

У лірычным адступленні «Думкі самотніка» Баршчэўскі піша, што яго «думка ляціць далёка, да радзімых ваколіц, выклікае з магіль наважаных старых, бачыць іх забавы і чуе размовы пра шчаслівыя часіны, пра залаты век, калі чалавек араў сваё поле, будаваў дом сабе і сваім дзецям. Тады ўраджаі былі лепшыя, весела спяваючы, працаваў араты ў полі, у лясках вялося безліч ласёў і дзікіх коз, і паляўнічы лёгка знаходзіў зверу, і рыбак з пэўнай надзеяй закідаў нерат у ваду» [1, с. 199]. З гэтага пасажа бачна, што аўтар, жывучы ў далёкім Санкт-Пецярбурзе, вельмі сумуе па роднай зямлі і па ранейшых часах, калі ўсё было добра і людзі жылі шчасліва і бестурботна.

Пасля кожнай згадкі пра светлае мінулае Баршчэўскі наракае на існуючы парадак, на рэчаіснасць: «Сёння ўжо не тое! У некаторых панюў змяніліся старыя звычай і парадкі, за што Бог не ўзнагародзіць, і часы ўсё горшыя і горшыя» [1, с. 197]. Літаральна кожны раз пас-

ля ўспамінаў мінуўшчыны і старасвецкіх часоў яго «*смутак бярэ за сэрца*» [1, с. 247], бо «*развялося злых духаў*» [1, с. 146], «*усё змянілася на свеце, багатыя пачалі прыгнятаць бедных, і ўгневаны Бог не блаславіў людскую працу*» [1, с. 200], «*беднасць і голад распаўзліся па цэлым краі; пра цяперашнія ўраджай і пра людскія пакуты, пра старых, што выправіліся ў вечнасць, і пра тых, што шукаюць ішчасця ў далёкіх чужых краях*» [1, с. 249]. Адным словам, «*пэўна, і не снілася старасвецкім людзям ... тое, што мы цяпер зазналі*» [1, с. 259].

Вуснамі пана Завальні Баршчэўскі ўпікае маладых людзей, нібыта занадта адукаваных, у іх успрыняцці рэчаіснасці: «*Даўней наша моладзь не ведала і ведаць не хацела, што там дзеецца дзесьці ў далёкіх краінах, жылі ўсе спакойна і ішчасліва; цяпер і на адукаваных нападае нейкі смутак: ледзь закончыў вучобу – ужо яму самотна*» [1, с. 254]. І праўда, пакаленне Баршчэўскага, пакаленне рамантыкаў, маркоцілася і тужыла нашмат часцей, чым іх папярэднікі і паслядоўнікі.

Тыпалагічныя сыходжанні ў тэматыцы і матывах Яна Баршчэўскага і Эдгара По часам падаюцца неверагодна дакладнымі. Дзіўным чынам, у частцы «Думкі самотніка» Баршчэўскага нібы чытаем эпіграф да «Падзення дома Ашэраў» По: «*Божая рука папярэджвае вас, што няма нічога сталага на зямлі, гмахі вашы ператворацца ў руіны, моц, багацці, гонар і слава рассеюцца і знікнуць, як лёгкі дым у наветры... імя іх (знатных людзей – Л. Л.) сканае ў пустэльні нябыту, калі ў жыцці не ўвянчалі яны свае галовы каронаю праўды*» [1, с. 199].

Для Эдгара По ўзгадкі мінуўшчыны таксама з'яўляюцца істотнай часткай апавядання. Героі яго «страшных апавяданняў» звычайна шляхецкага паходжання, але іх род прыходзіць у заняпад. Напрыклад, у навэлі «Берэніка» назіраюцца апеляцыі да старасвецчыны і заняпад у сучаснасці. Апавядальнік так апісвае свой маёнтак: «... Няма ў гэтых землях замкаў, больш асвечаных стагоддзямі, чым мае змрочныя, шэрыя спадчынныя ўладанні. Лічылася, што ў нашым родзе ўсе як не з гэтага свету, і асобныя цікавыя дэталі – і сам выгляд фамільнага маёнтка, і роспісы ў вялікай залі, і габелены ў спачывальнях, і разьба на калонах у збройні і асабліва ў галерэі старадаўняга жывапісу, і афармленне бібліятэкі, і, нарэшце, вельмі адмысловая падборка кніг у ёй – даводзілі гэта больш чым пераканаўча» [2, с. 152].

Таксама і ў навэлі «Падзенне дома Ашэраў» апавядальнік кажа, што: «*даводзілася чуць, што прадстаўнікі ягонага (Ашэра) старажытнага роду здаўна вылучаліся празмернай чулівасцю тэмпераменту, які цягам стагоддзяў знаходзіў увасабленне ў творах высокага мастацтва, а з некаторага часу выяўляўся ў пастаяннай і шчодрай, але ненавязлівай дабрачыннасці, як дарэчы, і ў гарачай прыхільнасці не столькі да звычайнай і лёгкапазнавальнай, колькі да вышукана прыгожай музыкі*». Яшчэ апавядальнік адзначае «*незвычайную адпаведнасць выгляду маёнтка... характару яго гаспадароў*» і яго «*павольны заняпад*» [2, с. 23].

Такім чынам, Баршчэўскага і По лучаць апісанні заняпаду і фізічнага свету матэрыяльных рэчаў і маральнага выраджэння моладзі. Толькі прычыны заняпаду бачацца аўтарам рознымі: для Баршчэўскага гэта сучасная адукацыя і заняпад маралі, для По – псіхалагічнае выраджэнне і душэўныя хваробы.

Адзначым, што абодва аўтары ўстаўляюць у свае кароткія апавяданні вершы пра велічных продкаў. У Эдгара По чытаем:

*У даліне, дзе ўрачысты
Хваласпеў-харал гучаў,
Маляўнічы й прамяністы
Змак велічна паўстаў.
Розуму была там воля
Над усім,
І не асланяў ніколі
Лепшых земляў серафім.*

...

*Там, у велічнай паставе,
Сын каралёў,
На троне ў асляпляльнай славе
Сядзеў уладца тых краёў* [2, с. 30].

Ян Баршчэўскі таксама ўстаўляе верш у прэзічны зборнік «Шляхціц Завальня» і звяртаецца да продкаў з жалобай і надзеяй, што маладыя возьмуць добры прыклад:

*Слыньны продак! Бязлітаснай праўды анёла
Бог пашле, каб твае абудзіліся дзеці;
І натхніцца тваёй дабрачыннасцю моладзь,
І вякі залатыя над намі засвецяць... [1, с. 201].*

Такім чынам, у творчасці абодвух пісьменнікаў выразна прасочваецца матыў супрацьпастаўлення «слаўнае мінулае – мізэрнасць і заняпад у сучаснасці», што лучыць аўтараў як паміж сабой, так і з іншымі прадстаўнікамі высокага рамантызму.

Адметны спосаб пазбавіцца суворай рэчаіснасці і для пісьменнікаў, і для іх герояў – уцёкі ў свет фантазій, у якім яны знаходзілі выратаванне. Усю сутнасць гэтага працэсу выявіў яшчэ Наваліс: «Рамантызаваць свет – значыць даць нам зразумець магію, таямніцу і цуд свету; гэта навучыць пачуцці бачыць звычайнае як незвычайнае, звыклае – як дзіўнае, штодзённае – як святое, канчатковае – як бясконцае» [3, с. 294].

Цікавыя паралелі можна правесці паміж асобнымі героямі і акалічнасцямі кароткіх апавяданняў Баршчэўскага і По. Спачатку прааналізуем, як Эдгар По пераносіць сваіх герояў у свет фантазій.

Так, характэрны По меланхалічны герой навэлы «Берэніка» Эгей апісвае асаблівую сувязь, якую мае з бібліятэкай свайго дома, што тлумачыць яго любоў да фантазій: «У гэтым пакоі я з'явіўся на свет. Абудзіўшыся пасля доўгай ночы, якая здавалася небыццём, аднак не была ім, я апынуўся ў казачнай краіне, палацы фантазіі, у пустэльных землях, дзе я быў анахарэтам думкі і вучонасці, і таму няма нічога незвычайнага ў тым, што я пазіраў на свет здзіўленымі бліскучымі вачыма, што марнаваў дзяцінства за кнігамі і траціў юнацтва на мроі» [2, с. 153]. З самага дзяцінства рэальнае жыццё падавалася «відзежай і толькі відзежай», а «вар'яцкія ідэі», якія прыходзілі да яго з «краіны мрояў», рабіліся «нават не з'явамі яго штодзённага існавання, а самім існаваннем, сапраўдным і адзіным» [2, с. 153].

Далей Эгей знаёміць чытача з Берэнікай, стрыечнай сястрой, з якой ён вырас у сямейным доме. Апісваючы яе, ён апеліруе да германскай і грэчаскай міфалогіі: «О неверагодная і надзвычайная краса! О сільфіда ў прысадах Арнейма! О наяда ў яго ручаях!» [2, с. 153]. Баршчэўскі, апісваючы прыгожую панну Адэлю, таксама звяртаецца да антычнай міфалогіі, як мы пачынем далей.

Цікава, што ў Яна Баршчэўскага таксама ёсць герой, творча апантаная асоба, што спрабуе збегчы ў свет мар – гэта летуценнік Севярын з аднайменнага апавядання са зборніка «Драўляны дзядок і кабета Інсекта», які працяглы час жыў у ідэалізаванай прасторы: «Паўсюль ён бачыў Аркадзію, а ўсе людзі ў ягоным уяўленні былі наіўныя і шчырыя пастушкі. Калі ён выходзіў на шпачыр за горад, дык у ручаях бачыў наядаў, на лугах скакалі німфы, а ў засені дрэваў з-пад зялёнага вэлюма ўсміхаліся яму дрыяды. Словам, усюды сустракаў ён старажытны залаты век грэкаў, не ведаў, што ёсць бяда на свеце, быў заўсёды вясёлы сам і весяліў іншых» [1, с. 308].

Ён адмовіўся ад сучаснай рэчаіснасці, а для сябе стварыў ідэал, заснаваны на антычным мінулым. Усюды летуценнік бачыць пастушак, гулі і радасць: «Спачатку толькі ва ўяўленнях бачыў пекных багін на лугах і гаях, потым спаткаў у свеце сваю багіню Адэлю» [1, с. 309]. Але здрада каханай парушыла раўнавагу і ўяўную гармонію Севярына, бо «першае каханне, да таго ж яшчэ нешчаслівае – найвышэйшая навук, пасля якога чалавек з увагаю пачынае чытаць кнігу жыцця. Хутка зразумеў Севярын, што свет не рай, і людзі не анёлы» [1, с. 309].

Крайняй ступенню ўцёкаў ад рэчаіснасці можна назваць вар'яцтва. Абодва героі, і Эгей, і Севярын, паступова вар'яцеюць, абодвух пачынаюць пераследваць маніі. У героя По пачынаецца «нервовы стан напружанай цікаўнасці», калі «воля да развагаў канцэнтравалася і засяроджвалася на сузіранні самага звычайнага аб'екта рэчаіснасці». Для Эгея становіцца нармальным «амаль на цэлы летні дзень паглыбіцца ў сузіранне дзіўнага ценю, што коса падае на габелен ці на дзверы, сысці ў сябе, пазіраючы на тленне вуголля ў каміне ці на роўнае святло лямпы або свечкі, і так праседзець усю ноч, цэлымі днямі летуценіць, удыхаючы водар кветкі...» [2, с. 140].

Яшчэ адным прыкладам нездаровай канцэнтрацыі можа быць герой «Аповесці крутых гор» Эдгара По, якому «кожная дэтал знешняга свету ўяўлялася цяпер незвычайна цікавай», бо «ў трапятанні ліста, у адценні сцяблінкі травы, у абрысах канюшыны, у гудзенні

пчалы, у зіхаценні расінкі, у дыханні ветра, у лёгкіх водарах, якія даносіліся з лесу, – ва ўсім знаходзіўся цэлы сусвет намёкаў, усё дала пажыву для вясёлага і стракатага хараводу бессістэмных думак» [4, с. 658].

Цікава прасачыць паралель вар'яцтва Севярына з манаманіяй Эгея з «Берэнікі». Для апісання паступовага вар'яцтва летуценніка, калі «мары і жарты зніклі назаўсёды» [1, с. 310], Баршчэўскі таксама выбірае нездаровую канцэнтрацыю, толькі на гэты раз на мухах: «...Гэтыя прыкрыя стварэнні залятаюць і вылятаюць у адчыненае вакно. Яны ўсё разнясуць па свеце, што ў нас чыніцца, як жывём, пра што гаворым, дзе і як молімся» [1, с. 310].

Севярын пытае апавядальніка: «Ты не зважаў, якія гэтыя мухі страшныя? Я сяджу тут самотны, у гэтым ціхім маім пакоі, а яны снуюцца вакол, са страхам паглядаю на іх, бо бачу, як яны перамяняюцца ў дзіўных монстраў, гэтыя іх страшныя крылы здаюцца фракамі на нязграбных людзях, а твары іх рознай формы: адны круглыя, шырокія, з крывавымі плямамі, другія – сухія, з востраю бародкаю і доўгімі валасамі. І ўсе гэтыя страшыдлы глядзяць на мяне: адны здэкліва, другія пагрозліва» [1, с. 310]. Апавядальнік разумее, што яго сябра – вар'ят. «Вялікая розніца у тваіх мроях. Раней цябе захапляла паззія грэкаў і шчырае каханне патрыярхальных часоў, цяпер жа ў цябе фантазія нейкая журботная» [1, с. 310]. Той жа зноў вяртаецца да мух.

Можна сказаць, што меланхалічны смутак адольвае летуценнікаў, якія жывуць у сваім свеце ілюзій і мараў і не могуць правільна спасцігнуць рэчаіснасць.

Падобныя яркія фантазіі мог стварыць толькі творчы чалавек, талент якога роднасны вар'яцтву, нездарма ж «усе, хто ведалі Севярына, жартавалі з яго і называлі вар'ятам». Платон, разважаючы пра парушэнні чалавечай псіхікі, вылучаў пачуццё маніі і асэнсоўваў яго як узрушэнне, блізкае да натхнення. Філософ таксама адзначыў беспрычыннасць меланхоліі, падкрэсліў яе эстэтычную значнасць і палічыў, што толькі чалавек ў стане вар'яцтва можа адкрыць свет незвычайнай прыгажосці.

У вар'яцтве летуценніка праявілася яго непаўторная таленавітая натура. У сваіх штудгарцкіх лекцыях Шэлінг адзначаў, што асновай самога розуму з'яўляецца вар'яцтва, якое, на думку мысляра – «неабходны элемент», бо «менавіта, калі гэта вар'яцтва падпарадкавана ўплыву душы, тады яно – аснова натхнення, аснова дзейнасці наогул» [5, с. 381].

Падагульняючы, абодвух аўтараў можна назваць летуценнікамі-самотнікамі. Меланхалічнасць Яна Баршчэўскага выразна выяўляецца ў глыбокай задуманнасці і працяглай самазаглыбленасці. У позняй творчасці По з вялікай сілай гучыць нота расчаравання ў дэмакратычных ідэалах і сучаснасці ў цэлым, уласцівая і іншым рамантыкам. Выйсце было толькі адно – уцёкі, і гэтыя ўцёкі прымалі розныя формы.

У юнацкай паззіі По пасылаў сваіх герояў на далёкую зорку Аль Аарааф, але сталым майстрам, разумеючы ўсю ілюзорнасць спробы збегчы ад жыцця, ён змяшчаў іх у замкнуты свет уласных перажыванняў, што пагражала трагедыяй.

У Баршчэўскага ў апавяданні «Летуценнік Севярын» галоўны герой, шчыры і наіўны, сутыкнуўшыся з рэальнасцю, зразумеў, што людзі не заўсёды добрыя і жыць у рэальным свеце цяжка і гаротна. «Выгнаны з раю сваіх мар», герой прыходзіць да разумення трагічнасці быцця, прычыны якога бачыць у недасканалым грамадстве: «Тады чалавек мог бы зрабіцца шчаслівым, калі б ператварыўся ў камень, калі б засыпаў яго пясок і нічога не чуў і не бачыў, што дзеецца на свеце» [1, с. 310]. Пісьменнік падзяляе падобную пазіцыю і бачыць панацэю ад трагічнага ў здаровай патрыярхальнасці і кансерватыўнасці.

Літаратура

1. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Міжнар. фонд «Беларускі кнігазбор», 1998. – 476 с.
2. По, Э. Маска чырвонае смерці / Э. По. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 550 с.
3. Beiser, F. C. Bildung in Early German Romanticism / F. C. Beiser // Philosophers on Education : New Historical Perspectives / ed. A. Rorty. – London : Routledge, 1998. – P. 284–299.
4. Poe, E. Poetry and tales / E. Poe. – New York : Literary Classics of the United States, 1984. – 1408 p.
5. Шеллинг, Ф. В. Й. Штутгартские частные лекции / Ф. В. Й. Шеллинг // Философия религии : Альманах 2008–2009 / Отв.ред.: В. К. Шохин. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 528 с.

The compositional and structural organization of the news commentary and features of its verbalization (on the material of Chinese and English languages)

NIU WENJUAN

This article is devoted to the study of the structural and compositional features of the organization of the news commentary in the Chinese and British media. The similarities and differences in the compositional structure of the studied genre have been identified, constant and changing elements have been revealed. In the course of the analysis, the superstructure of the genre and the features of its verbalization have been found out, which show a number of differences in non-closely related languages.

Keywords: genre, news commentary, structural and compositional organization, superstructure.

Настоящая статья посвящена рассмотрению структурно-композиционных особенностей организации жанра новостного комментария в китайских и британских СМИ. Установлены сходства и различия в композиционной структуре исследуемого жанра, выявлены постоянные и изменяющиеся элементы. В ходе анализа была определена суперструктура жанра и особенности ее вербализации, которые в неблизкородственных языках проявляют ряд отличий.

Ключевые слова: жанр, новостной комментарий, структурно-композиционная организация, суперструктура.

Introduction. The news commentary, which we understand as a discursive genre, which is a culturally, socially, situationally determined type of text with a certain structural and linguistic organization and orientation on the specific goal – the analysis of information previously reported in the press and influence on the addressee, is popular with readers, because it provides objective information not about the event itself, but about the essence of what is happening, possible causes and consequences. This determines the relevance of its differentiation according to various criteria among many other genres of the press, since there is still no clear definition of its genre features, which makes it difficult to conduct research within the framework of comparative historical, typological and contrastive linguistics.

Thus, A.V. Kolesnichenko considers the commentary as «a continuation of the news with the aim of clarifying or evaluating it», distinguishing the explanatory commentary and the evaluative commentary [1], which are characterized by their own structure and language.

V.I. Konkov singles out the analytical commentary, the object of which can be any element of the life of society, which is perceived by this society ambiguously, in other words, this is a reaction not to a text, but to an event [2, p. 90]. We can also single out the comment-explanation, the comment-forecast [3].

Studying different types of the commentary from the point of view of the theory of speech genres, T.I. Steksova summarizes that the commentary is not a single genre, but a set of genre variations, among which are the scientific commentary, the comment-note as a special case of the scientific commentary, the commentary in print media, the analytical commentary, the protest commentary (as a kind of analytical commentary) and the Internet commentary [4].

In Taiwan, there are two methods for classifying the news commentary. According to Lin Dachun's three-category method, the news commentary is divided 1) according to the identity of the review reporter (review reporters, including editorial editors and columnists); 2) according to mass media (printed mass media and / or electronic media); 3) according to the nature of the news commentary (the military news commentary, international news commentary, political news commentary, social news commentary, the cultural and educational news commentary, the economic news comment) [5].

Wang Ming divides news commentary into eight types according to their functions: explanation, debate, inspiration, exploration and judgment, persuasion, evaluation, memory, and suggestion [6]. Such a classification is hardly applicable, since the news commentary as a genre can perform several functions, and we are unlikely to find a «pure» single-functional example [7].

In mainland China, there are also several genre classifications, according to which, according to the principle of unity of content and form, this genre is divided into five types: the suggestive commentary, the reasoned commentary, the rebuttal commentary, the commentary and the explanatory commentary [5]; Yu Ning and Li Demin offer three main classification methods: 1) by the content of comments (political, economic, legal, educational), sports, military and national defense comments,

international relations, international comments and social comments); 2) the form and specification of comments (leading articles, articles by newspaper reviewers, short reviews, editor's and post-editor's note, columns); 3) according to the connection between comments and the news (concert commentaries, solo commentaries, self-playing commentaries [8]); according to the third classification, news commentaries are divided into five categories depending on their form and functions: 1) editorial articles; 2) articles by newspaper columnists; 3) brief comments; 4) editor's notes; 5) comments to columns [9]. In our opinion, all proposed classifications are devoid of the linguistic basis and do not offer criteria for genre differentiation of the news commentary among other news genres.

Therefore, the purpose of this work is to identify the regularities of the structural and compositional organization of the news commentary and the features of its verbalization, which are one of the main differentiating features of the news commentary genre, allowing to identify similarities and differences between news commentaries on the material of the Chinese and British press.

Research results and discussion. News texts in general, which dominate quantitatively in the mass media, exist as a number of varieties – genres in which certain models of cognitive activity are fixed, adequate to specific communicative situations and understandable to everyone. Possessing a number of stable features that can be considered as a «working tool of the author» who explores reality, <...> as a set of type-forming features» [10]: the subject (content); the function (target setting to reflect reality for a particular cognizing consciousness); the method; as well as formal features: the nature of narration (the method of presenting information in the text); the role of the fact; aesthetic fixation of the author's modality (the role of the author); structural and compositional features; stylistic devices, genres are subject to classification, and such a feature as the structural and compositional organization plays an important role.

Based on this criterion, some linguists distinguish between texts built on obligatory or usual informative models and non-regulated texts [11, p. 116]; genres with a closed, rigidly fixed structure (law) and with a relatively free, open structure (article) [12, p. 28]. As we can see, in the listed typologies there is an opposition between the genres of phatic speech and the genres of informative speech. But in our opinion, it is the structural-compositional criterion that is fundamental in determining the genre, since such characteristics as intentionality, the choice of language means and the way the material is presented to the reader cannot, as we believe, be reliable parameters for genre modeling, since they are due to subjectivity of a reader's perception and interpretation of the text.

In this article, we turn to the study of the structural and compositional organization of such a genre as the news commentary, which is a culturally, socially, situationally determined type of text with a certain structural and linguistic organization and a focus on the analysis of information previously reported in the press and the impact on the addressee.

The practical analysis based on 100 news commentaries in the Chinese newspaper «Guangming» and 100 news commentaries in the British newspaper «The Guardian» showed the following results. In their structure in Chinese and English, news commentaries have such compositional elements as the title, the lead, the main body, which is represented by 1) the reference to a news event, 2) the author's reflection on the news, and 3) the conclusion. But we have noted that in Chinese news commentaries the lead may be omitted while in English ones the lead is always present. Besides, there is one more element in the main body – the latest development in the news event, which is not typical of English news commentaries. Let's consider the following examples:

The title: «被殴打至产生不可逆损伤, 谁来保护“少年的Ta”» [13].

The lead: none

The main body: 1) the reference to a news event: « - 群女孩手脚并用, 殴打另一名女孩, 还将其推入小河中, 并举起手机录制视频; 被打女孩上身可见伤痕, 跪在地上向施暴者说“对不起” ..... 这是近日在网上流传的一个视频» [13];

2) the latest development in the news event: «这起霸凌事件已经造成了恶劣的后果. 被打女孩左耳鼓膜穿孔, 眼睛有异物插入, 造成了视力下降, 属不可逆的损伤. 目前, 海南省临高县教育局已对此事展开调查学校已对受害学生进行了探望公安部正在尝试协调双方家属处理后续事宜» [13];

3) the author's reflection on the news:

«但是, 在此之前必须要追问的是: 事情是怎么发展到如此严重的地步的? 假如视频没有曝光, 女孩能向谁求助?» [13];

“从学校看, 被打女孩连续被控制人身自由6天, 老师没有发觉和作出反应吗? 从社会看, 视频显示暴力行为发生在户外, 在这6天里, 有没有人发现? 发现之后是否采取了措施? 此外,

如此严重的霸凌不可能突然发生,在此之前,施暴者是否已经与被打女孩发生过矛盾冲突?学校有没有及时介入?” [13];

4) the conclusion: «就目前的信息来看,这场延续6天的欺凌竟然无声无息,没有任何一个人、任何一个组织发觉并报告,让人遗憾。被欺凌者令人心疼,施暴者则令人心痛。谁来保护被欺凌者?谁来引导施暴者走出暴力?针对未成年人的保护措施又是如何集体失灵的?一个个问号亟待拉直,当地有关部门应当以详尽的调查来回应社会关切,并严肃追责,尽快堵上未成年人保护网上的漏洞» [13].

Thus, we see that in Chinese news commentaries the compositional structure has such elements as the title, the lead (in the example above it is omitted), the main body which includes four elements which come one after another.

Let's consider an example of an English news commentary:

The title: «A tragic accident should not have landed Auriol Grey in prison. The UK justice system is stuck in the dark ages» [14].

The lead: «The UK's obsession with jail time is counterproductive and cruel. There are better ways to deal with wrongdoing» [14].

The main body:

1) the reference to a news event: «Auriol Grey, <...>, was walking along a footpath in Huntingdon, Cambridgeshire, and was infuriated to see a bicycle coming towards her. She waved her arm at it, <...>, lose her balance and fall into the road, where she was hit by a passing car and died. An act of what <...> was followed by a terrible accident. Grey is now serving three years in prison for manslaughter» [14];

2) the author's reflection on the news: «Britain's judicial system is obsessed <...>. Prison conditions are so bad that a Dutch court refused to extradite a convict to Britain on grounds of its “inhumane” jails.

Rishi Sunak is this week unveiling new community punishments for those who break the law, but he might first inquire into why these have failed in the past. <...>

Opposition to asbos led the Cameron government in 2014 to replace them <...>».

Always in the background has been the threat of prison. <...> [14];

3) the conclusion: «Over half of British prisoners on short sentences now reoffend soon after release; <...>. One reason is that, for many people, any prison sentence renders them unemployable. It is effectively for life. Jails should be for rehabilitation or public protection. They are no deterrent or they would not be full.

It is impossible to see what public good is served by imprisoning Grey. Deterrents cannot prevent accidents; we can only see what lessons can be drawn <...>. As for punishment, modern penal theory is built round <...>» [14].

It is noteworthy that in both language versions of the news commentary, the composition has the constant structure without changing the sequence, like, for example, in the event note, whose body of the text can be built on the principle of an inverted pyramid and begin with the summarizing lead containing the most important information about the event (answers to the questions «What? Who? Where? When? Why?») [15, p. 36]. The difference lies in the additional compositional element in the Chinese news commentary – the latest development in the news event, which concentrates on the details of the news itself.

Further analysis of the structural and compositional organization of the news commentary on the material of the Chinese and English-language press made it possible to single out its superstructure in the genre under study, which organizes the semantic structure of the news commentary and is an intermediate level between the macrostructure and the compositional structure of the text, which is presented as the surface structure.

In this work, we follow the cognitive-communicative approach and consider the structure of the news commentary as the semantic structure, or the add-on that has the following model: PNAcC, where P is a problem caused by a particular event, N is the news related to the problem and previously covered in the media, Ac – the author's commentary on news events and their consequences, C – conclusion. Thus, we see that in the superstructure of the news commentary on the material of the Chinese and English languages, four semantic components are distinguished, which are part of its structure in 100 % of cases and form the prototypical structure of the news commentary. Consider the following examples:

P: «考公“巡考”? 机会成本得算清

考完国考考上海,考完上海考江苏,考完江苏考浙江..... 能报考的省考轮着考一遍。这并不理性,更像是“抓到篮子都是菜”的盲目赶考。

考到哪算哪我们把全国的公务员岗考一遍<...>近日,这一句“巡考宣言”成为社交媒体上的热议话题据报道,相关话题下,<...>.

考公“巡考”的出现,折射当前高校毕业生面临的严峻就业形势.对此,有人提议<...>» [16].

N: «考公热近年来高烧不退,其中不乏盲目跟风者.据报道,2023年度国考计划招录3,71万人,有近260万人报名过审,而报名确认人数为194,8万人.实际参加考试人数与录用计划数之比约为<...>.实际参考人数为,<...>.从中可见,有不少报名者在报名时并没有真正想好,<...>» [16].

Ac: «各地省考,为选择考公的学生提供了考试机会,<...>.但不得不说,“巡考”并非理性选择,<...>.

有的高校毕业生就此成为<...>,在考研和考公都没“上岸”后,再进入<...>» [16].

C: «总之,高校应该引导毕业生理性定位,在评估自己的实力之后,确定适合自己的择业目标,不能把择业的希望维系在考公这一条道上.另外,高校要努力<...>» [16].

As we can see from the Chinese news commentary above, the problem is outlined in the title and the lead. The discourse markers of this component of the prototypical structure of the Chinese-language news commentary are the phrases «evaluative adjective + common noun + verb» naming the problem: *irrational, holding a blind test, opportunity cost, consider, take*, etc. The discursive markers of the «news» component are event verbs, adverbs of time, personal pronouns, lots of quantifiers: «*The upsurge of applying for civil servants has been very high in recent years, and there are many blind followers among them. According to reports, 37,100 people will be recruited in the 2023 national examination plan, and nearly 2,6 million people have signed up for the review. The ratio of the number of people who pass the qualification review to the number of recruits planned is about 70:1. The number of confirmed applicants was 1,948 million, the actual number of references was 1,525 million, and nearly 1,1 million candidates gave up taking the exam after the registration was approved. It can be seen from this that many applicants did not really decide whether they need to take the civil service examination when they signed up, but just signed up first <...>».*

The discursive markers of the author's analysis in Chinese news commentaries are mostly action verbs, expressive-evaluative adjectives, nouns and adverbs, comparative constructions, which gives the opportunity to the addressee to see the author's analysis of the current situation, which is seen in the following example:

«各地省考,为选择考公的学生提供了考试机会,这也就让“巡考”成为一种可能.但不得不说,“巡考”并非理性选择,这既增加自己的考试成本,也会付出择业的机会成本—花这么多时间参加国考、省考“巡考”,如果最终还是没有“上岸”,会错过其他就业机会.

有的高校毕业生就此成为“就业困难户”,3月之前都在考研、考公,没有时间去人才市场,也没有好好准备求职简历,在考研和考公都没“上岸”后,再进入人才市场择业.而这个时候,不少同学已经和用人单位签订就业协议了» [16].

From the example above we can see that the author's commentary is filled with the comparison and evaluation, besides there we see the author's opinion which is marked with the personal pronoun *I* together with the modal word *have to* and the verb of saying.

The final component of the structure of the Chinese-language news commentary is the conclusion, which is the result of the author's analysis of the news event in combination with advice what should be done to deal with the existing problem. At the language level in the Chinese-language news commentary this component is marked in most cases by verbs of action in the present and future tenses, modal verb *should*, which expresses advice. Let's consider the following example:

«总之,高校应该引导毕业生理性定位,在评估自己的实力之后,确定适合自己的择业目标,不能把择业的希望维系在考公这一条道上.另外,高校要努力拓宽毕业生就业渠道,通过校领导走访企业获得更多人才订单,以及创新促进大学生就业方式,如线上线下相结合组织人才招聘会、开展“直播带人”等毕业生推荐活动,等等,为高校毕业生提供除考公、考编之外的其他就业选择» [16].

Such a conclusion sounds straightforward and detailed. Besides, in the conclusion we often come across a lot of questions.

Further analysis of the English-language commentaries has shown that the components of the prototypical structure of the news commentary are a little different from the Chinese ones:

P: «<...>David Carrick, the officer <...> as he pursued a parallel career as a prolific sex offender<...>: dozens of rapes and sexual offences against 12 women, over two decades, including imprisoning one of his victims, naked and terrified, in a tiny cupboard under the stairs <...>» [17].

N: «You read of David Carrick, the officer who kept his uniform, his badge and, for many years, his gun even as he pursued a parallel career <...>, and of course you are sickened by the evil he has done: dozens of rapes and sexual offences against 12 women, over two decades, <...>» [17].

Ac: «The horror is familiar. We felt it when another serving Met officer, Wayne Couzens, raped and murdered Sarah Everard in 2021. <...>. The pattern is so clear that <...>. So what can be done? <...>» [17].

C: «There are remedies, starting with a system that investigates the suspect instead of the victim rather than <...>. But the first step will be <...>. Yes, we should tear down and replace the Met <...>. It lies within» [17].

As we can see from the English news commentary, the problem is outlined in the title and the lead, too. The discourse markers of this component of the prototypical structure of the English-language news commentary are the phrases «evaluative adjective + common noun» naming the problem: *rotten justice system, striking workers, excess death rates, etc.* As for the discursive markers of the «news» component, they are event verbs, verbs of reading, writing and speaking in combination with nouns denoting the heroes of the news event, the event itself, which was previously reported in the media, adverbs of place and time.

Both in Chinese and English news commentaries we are dealing with the news core of the genre under study, which is further surrounded by the analytical context, which allows us to speak about a two-layer structure of the news commentary genre, where a news event that stimulates the raising and coverage of a more global topic is layered on the analytical context with subsequent author's conclusions.

The discursive markers of the next component of the prototypical structure of the English news commentary – the author's analysis – are action verbs, modal verbs *can, could, may, might*, expressive-evaluative adjectives, nouns and adverbs, comparative and superlative adjectives, comparative constructions, cardinal numerals, which together provide the addressee with an analytical picture of the whole situation, as in the following example:

«But through the fog of **disruption** and **crisis made worse** by industrial action, something is **emerging** that is **posing** a potent **counterargument** to the **anti-strike sentiment** so **deeply embedded** both in British political culture and legislation. **Strikes have come** at a time when the old regime is **dying**, but another has not yet **taken its place** – now is the time of **monsters**, as the quote goes. But it **could** also be a time of **breakthrough**.

<...> The government is a **mardy mess**, **veering** between **long periods of absence and sudden bursts of pugnaciousness**. Labour, on the other hand, takes the moral **high** ground, but is absent on the actual ground. Starmer **rightly points out** that the nurses' **strike** is a "**badge of shame**" for the government, but then **bans** frontbench Labour MPs from showing **active support for the strikes**» [18].

The final component of the structure of the English-language news commentary is the conclusion, which is the result of the author's analysis of the news event in combination with the existing problem, at the language level in the English-language news commentary is marked in most cases by verbs of being in the present and future tenses, modal verbs *should* and *would*, which express advice and / or the subjunctive mood, as well as nominations of the existing problem and conclusions in combination with expressive-evaluative lexemes. Consider the following example:

«When there **are** no real **solutions** on offer, that unfulfilled sense of **common cause** can become welded in a **furnace of frustration**, and then used as a tool to **hammer** politicians. For too long, British politics has **successfully** operated on <...> **the blessed** and **the unfortunate** than there is proximity; <...>, **striking workers** <...>, because they **are** somehow **responsible** for their **misfortune**. It's a **powerful illusion**. But when there are more **losers** than **winners**, it **could be** an **illusion** that is **ripe for piercing**» [18].

In the example above, we see the addresser summing up his analysis, reflecting on the lack of real solutions from British politicians regarding unemployment, stating disappointment in the current system.

Conclusion. Thus, having studied news commentaries on the material of non-closely related languages – Chinese and English – we have identified the features of their compositional and structural organization. Chinese news commentaries practically have the same compositional structure as English ones: the heading, the lead and the main body, consisting of the reference to a news event, the author's

reflection on the news and the conclusion. But in Chinese news commentaries the lead may be missing, so it's not the constant element of the composition. Besides, the Chinese news commentary has such an element as the latest development in the news event, which is not typical of the English one.

The structural specifics of news commentaries in both language variants is represented by the model *PNAcC*, where P is a problem caused by a particular event, N is the news related to the problem and previously covered in the media, Ac – the author's commentary on news events and their consequences, C – conclusion. The practical analysis has shown that in the superstructure of the news commentary on the material of the Chinese and English languages the four semantic components are the same and form the prototypical structure of the news commentary. The features of verbalization of the components of the prototypical structure of the genre under study are as follows: they have different discursive markers which sometimes coincide like in the use of comparative constructions in *the author's analysis*, the modal verb *should*, future tenses in *the conclusion* as well as expressive-evaluative lexics. On the other hand, the verbalization of the components of the prototypical structure of the news commentary in both languages has differences, which have been identified and presented above.

References

1. Kolesnichenko A. V. Practical journalism: tutorial [Electronic resource] / A. V. Kolesnichenko // Applied journalism. – Mode of access : <http://dedovkgu.narod.ru/bib/kolesnichenko.htm>. – Date of access : 17.10.2022.
2. Konkov V. I. Speech structure of newspaper genres / I. V. Konkov. – SPb., 2004. – 221 p.
3. Lazutina, G. V. Genres of journalistic creativity / G. V. Lazutina, S. S. Raspopova. – M., 2011. – P. 12–27.
4. Steksova, T. I. Commentary as a speech genre and its variability [Electronic resource] / T. I. Steksova // Genres of speech. – 2014. – № 1–2 (9–10). – Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentariy-kak-rechevoy-zhanr-i-ego-variantivnost-1>. – Date of access : 15.05.2018.
5. Lin, D. News Criticism / D. Lin. – Taipei : Taiwan Student Bookstore, 1978. – P. 17–56.
6. Wang, M. News Commentary Writing / M. Wang. – Taipei : United Publishing press, 1981. – P. 132.
7. Niu, WJ. Genre characteristics of the news commentary in the Chinese and English media discourse / WJ. Niu // The art of persuasion and communication : developing English skills : IV International Scientific and Practical Online Conference : proceedings of the online conference, Astana, December 20–21, 2022. – Astana : NJSC «The L.N. Gumilyov ENU», 2022. – P. 416–423.
8. Yu, N. How to write news reviews / N. Yu, D. Li. – Beijing : China News Publishing press, 1988. – P. 20–28.
9. Fan, R. Journalism criticism / R. Fan. – Beijing : People's Daily Publishing press, 1988. – P. 187.
10. Kroychik, L. E. Journalistic genres / L. E. Kroychik // Fundamentals of journalistic activity : a textbook for bachelors / Ed. S. G. Korkonosenko. – 2nd ed., revised and additional. – M. : Yurayt, 2014. – P. 192–204.
11. Dementiev, V. V. The study of speech genres. Review of works in modern Russian studies / V. V. Dementiev // Questions of linguistics / RAS. Dep. literature and language. – M. : Nauka, 1997. – P. 109–121.
12. Provotorov, V. I. Essays on the genre style of the text (on the material of the German language) : textbook / V. I. Provotorov. – 2nd ed., rev. – M. : NVITEZAURUS, 2003. – 140 p.
13. Rong, T. T. Who will protect the «young Ta» after being beaten until irreversible damage [Electronic resource] / T. T. Rong // Guangming. – Mode of access : https://guancha.gmw.cn/2023-03/23/content_36450638.htm. – Date of access : 23.03.2023.
14. Jenkins, S. A tragic accident should not have landed Auriol Grey in prison. The UK justice system is stuck in the dark ages [Electronic resource] / S. Jenkins // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/mar/28/prisons-uk-justice-jail-sentences-penal-system>. – Date of access : 28.03.2023.
15. Ivanova, L. V. News journalism : electronic study textbook / L. V. Ivanova. – Tolyatti, 2017. – 126 p.
16. Bingqi, X. Examination of civil servants «patrol examination»? Opportunity cost needs to be considered [Electronic resource] / X. Bingqi // Guangming. – Mode of access : https://guancha.gmw.cn/zhuanlan/2023-03/31/content_36469369.htm. – Date of access : 30.03.2023.
17. Freedland, J. What to do with a Met police that harbours rapists and murderers? Scrap it and start again [Electronic resource] / J. Freedland // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jan/20/violence-against-women-terrorism-police-met-rape-murderers>. – Date of access : 20.01.2023.
18. Malik, N. Striking workers are telling the truth about Britain. No wonder politicians want to silence them [Electronic resource] / N. Malik // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jan/16/strike-workers-britain-politicians-tories-labour>. – Date of access : 16.01.2023.

Переосмысление русской классики в постмодернистской эстетике: драматургия Н.Н. Садур

М.О. ПОЛЬНИКОВ

В статье исследуется феномен авторского сознания в драматургии. На основе ключевых исследовательских подходов к изучению данной метатекстовой категории определены семантические и морфологические способы проявления авторской активности в пьесах Н.Н. Садур «Панночка», «Брат Чичиков», «Памяти Печорина».

Ключевые слова: русская современная драматургия, авторское сознание, жанровая структура драмы, постмодернизм, романтизм, стилевая интеграция.

The article explores the phenomenon of authorial consciousness in drama. On the basis of key research approaches to the study of this meta-textual category, semantic and morphological ways of manifestation of author's activity in N.N. Sadur's plays «Pannochka», «Brother Chichikov», «In memory of Pechorin» are determined.

Keywords: Russian modern drama, authorial consciousness, genre structure of drama, postmodernism, romanticism, style integration.

Многие литературоведческие исследования определяют жанрово-стилевую динамику русской драматургии конца XX – начала XXI вв. через понятие «новая драма», подразумевающее жанровую модификацию, направленную на развитие и поиск оригинальных художественных решений и форм, а также взаимодействие с другими жанрами [1]. С точки зрения художественного метода современную русскую драму правомерно рассматривать в контексте контаминации постмодернизма, реализма и, в некоторых случаях, – романтизма, т. к. поэтика новой драмы предполагает не только деконструкцию, но и переосмысление, рецепцию традиций классической литературы. В этой связи актуальным для исследования становится вопрос авторского сознания и способов его воплощения в тексте драматического произведения.

Цель данной статьи – проанализировать пьесы Н.Н. Садур «Панночка», «Брат Чичиков» и «Памяти Печорина» через призму метатекстовой категории авторского сознания. Несмотря на то, что феномен авторского сознания и способы его воплощения в произведениях русских драматургов XIX–XXI вв. рассматривались в работах таких современных российских исследователей, как О.В. Журчева [2] и О.С. Наумова [3], драматургия Н.Н. Садур не была должным образом проанализирована с данной точки зрения ни в российском, ни в белорусском литературоведении.

В современном литературоведении разработано несколько подходов к изучению авторской активности, описанных в работах М.М. Бахтина [4], Б.О. Кормана [5], В.Е. Хализева [6], Н.Т. Рымаря и В.П. Скобелева [7], Б.В. Томашевского [8], О.В. Журчевой [2] и О.С. Наумовой [3]. На основании рассмотренных исследований феномена авторского сознания уместны рассуждения об узком и широком понимании данной категории.

Узкое понимание базируется на поэтапной методике, разработанной Б.О. Корманом в работе «Изучение текста художественного произведения». Исследователь определяет два способа воплощения авторского сознания: 1) сюжетно-композиционный (автор передаёт свою позицию через расположение и соотношение частей); 2) словесный (автор передаёт свою позицию через речи действующих лиц) [5, с. 86]. По мнению Б.О. Кормана, влияние также оказывают вспомогательные средства: перечень действующих лиц, ремарки, указания постановщикам и актёрам и т. д. Широкое понимание категории авторского сознания соотносится с понятием «авторская активность», которое было введено М.М. Бахтиным. По мнению ученого, «... личность творца – и невидима, и неслышима, а изнутри переживается и организуется <...>, как не воплощённая, а воплощающаяся активность и уже затем отражённая в оформленном предмете» [4, с. 70].

На основании обобщения разных подходов к изучению данного феномена мы считаем правомерным определить авторское сознание как категорию литературоведческого анализа,

которая выражает мироотношение писателя, воплощённое в художественных образах произведений, всей его структуре. В связи с этим мы полагаем, что выявление способов воплощения авторского сознания в тексте драматического произведения целесообразно осуществлять посредством анализа его жанровой структуры.

Согласно концепции белорусского исследователя С.Я. Гончаровой-Грабовской, жанровая структура драмы состоит из трёх уровней: 1) семантического (идейно-целостная ориентация); 2) морфологического (системное-структурная организация); 3) исторического (социально-культурный контекст) [9]. В данной статье мы обратимся к анализу пьес Н.Н. Садур через определение способов авторской активности на семантическом (конфликт, тип героя, пространственно-временная организация, художественный метод) и морфологическом (сюжетостроение, речевая организация, жанр) уровнях.

В драматургии Н.Н. Садур наблюдается неоднократное обращение к творчеству таких русских классиков, как Н.В. Гоголь и М.Ю. Лермонтов. Пьесами, посвященными переосмыслению их художественного наследия, являются «Панночка», «Брат Чичиков» и «Памяти Печорина».

Конфликт в пьесе «Панночка» базируется на идее противостояния зла и добра в душе человека, однако его масштабы изображены по-другому и трансформируют семантику повести Н.В. Гоголя «Вий». Гибель Хома Брута в оригинальном тексте соотносится с концепцией рока, характерной для романтической эстетики: человек не может противостоять судьбе, вершителем которой становится мистическое начало. Метафизический конфликт, организованный в гоголевской повести, в пьесе Н.Н. Садур становится более комплексным с психологической точки зрения, поскольку в финале главный герой находит в себе силы вступить в борьбу с Панночкой, образ которой теряет мощь (в отличие от гоголевского текста, в котором ведьма призывает Вия), а в последней картине инфантилизируется окончательно:

«**Панночка** (жалобно). Паныч...

Философ (вздрыгнул, потупился, чтоб не увидеть ее). Отойти от меня.

Панночка (у самой черты). Паныч...

Философ (в ее сторону, но не глядя). Я не паныч, я простой хлопец.

Панночка (тянется к нему мизинчиком). Паныч, мне пальчик больно...» [10, с. 267–268].

В версии Н.Н. Садур в заключительной части пьесы погибают оба героя, церковь рушится, но на её обломках остаётся святящаяся икона с изображением Иисуса Христа во младенчестве, которая, на наш взгляд, символизирует победу добра и надежду, которых не было в оригинальном тексте Н.В. Гоголя: «— Славный был человек Хома! — сказал звонарь, когда хромой шинкарь поставил перед ним третью кружку. — Знатный был человек! А пропал ни за что. — А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать...» [11, с. 228].

Схожим образом организуется *конфликт* и в другой «гоголевской» пьесе Н.Н. Садур, «Брат Чичиков». По мнению М.А. Мерзляковой, в данном произведении, так же, как и в «Панночке», наблюдается «“субстанциальный” конфликт, ставящий героя, обнаружившего противоречивость миропорядка, в ситуацию выбора» [12]. В обоих случаях мы сталкиваемся со сложной психологической ситуацией преодоления себя и обретения новой идентичности. Но если в случае Хома Брута это движение направлено в сторону борьбы с животным страхом, который не позволяет герою раскрыть свою личность, то у Чичикова оно связывается с поиском внутреннего покоя, гармонии и истинного дома.

В переосмыслении поэмы Н.В. Гоголя Н.Н. Садур меняет точку старта путешествия Чичикова, которое начинается не в российской провинции, а в Италии, где он работает гондольером. Мистическая сила в образе Незнакомки побуждает его вернуться в Россию исключительно в целях обогащения, однако во время своих поездок главный герой постепенно начинает сомневаться в истинности своих намерений, что неоднократно проявляется в его репликах:

«**Чичиков**. Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, что ни имени громкого не имею, ни ранга заметного, а путешествую лишь по собственной склонности. Желая, так сказать, охватить внутренним взором картину мира» [10, с. 358].

Идеалистическое стремление к обретению простого счастья регулярно охватывает сознание Чичикова, который на мгновение освобождается от власти Незнакомки, тянущей его на дно:

«**Чичиков**. ...Вот же милое счастье: домик, детки, Улинька! И городишко славный и общество почтеннейшее — остаться тут насовсем! Вон с тем пузатым подружиться! И в картишки вечером, и к соседу на уху!...» [10, с. 361].

Тем не менее, тяга к личному обогащению берёт верх и в конечном итоге приводит к финальной сцене пьесы, в которой ревизские сказки, выданные на мёртвых мужиков, ожидают и сводят Чичикова с ума. В бреду главный герой окончательно приходит к покаянию за отречение от истинной родины и национальной, культурной самоидентификации, к которой не смог прийти гоголевский герой:

«**Чичиков.** ... Русь, ты спишь? Он пьёт черную воду и прыгает и кружится и колдует, и рожь твоя задрожала от страха вся. Проснись, Русь моя! Эй, поганый, выходи на бой! Я буду драться с тобой! Боже мой, да ведь он, это я!...» [10, с. 413].

Надежда на возможное разрешение данного конфликта представляется автором в виде эмбриона, в которой превращается Чичиков, ожидающий своего перерождения в новой, прекрасной России.

Пьеса Н.Н. Садур «Памяти Печорина», посвящённая переосмыслению наследия другого русского классика эпохи позднего романтизма, М.Ю. Лермонтова, во многом воспроизводит исходный *конфликт* романа «Герой нашего времени». В обоих текстах изображено противостояние пассионарной, сильной личности пассивному, «водяному» обществу. Однако в лермонтовском произведении данная коллизия является трагической, что весьма характерно для эстетики романтизма, а в пьесе Н.Н. Садур она доводится до абсурда, снижая общий пафос оригинального произведения. Во многих сценах личность Печорина представлена в более комичном ключе, например, в сценах его падений с обрыва в прологе и во втором действии, а также в эпизоде, где он поскальзывается после приёма солевых ванн:

«**Печорин** (*заглядывает в пропасть*). Намело сугробов в вашу Чертову пропасть. Не поверите: «Блестя на солнце, снег лежит!» Это не Кавказ никакой, это Саратов, это Тамбовская губерния – вот так вот вжик – и все!

М.М. Господи-Боже-мой! Да как же вас звать-то, сударь!

Печорин (*срываясь в пропасть*). А-а! Зовите Печориним...

М.М. Ну, здравствуй, Григорий Александрович...» [13].

Абсурдизируется и конфликтная ситуация, возникающая вокруг Печорина на курорте. Наиболее ярким примером этого служит финал второго действия, в котором главного героя после его неудачной дуэли с Грушницким хотят расстрелять вообще все действующие лица: «*Стреляют все, даже капитан. Дым рассеивается, на площадке никого нет*» [13].

Трудность разрешения представленного в пьесе «Памяти Печорина» конфликта подчёркивается Н.Н. Садур в финальных сценах, в которых разочарованный Печорин, выживший, в отличие от лермонтовского героя, идёт через метель. И вновь автор оставляет в конце драматического текста обнадёживающий образ – вершину горы Эльбрус, которую озаряет свет: «*Вверху разгорается немыслимый бой света, снега, солнца и неба – это загорает Эльбрус*» [13].

Во всех трёх анализируемых нами пьесах Н.Н. Садур наблюдается тенденция к переработке подхода к организации *типологии героев*.

Так в «Панночке» отсутствует большая часть персонажей оригинальной гоголевской повести «Вий», кроме Хомы Брута, Панночки и казаков с сотницкого хутора. Большинство действующих лиц лишено индивидуальных черт и представляется в виде характерных для постмодернизма героев-симулякров [14], формальных копий персонажей текста Н.В. Гоголя, кроме Хомы, образ которого психологизируется и становится более комплексным посредством изображения эмоциональной динамики, нестабильности, вызванной его паническим страхом перед Панночкой. Однако он так же может быть интерпретирован как герой-симулякр, – «копия копии», которая обращается к воссозданию образа позднесоветского маргинала, столкнувшегося с крушением старого мира, страхом и нехваткой сил противостоять неизбежному историческому движению [14].

В пьесе «Брат Чичиков» Н.Н. Садур вводит в действие огромное количество лиц, более 30. Данное решение во многом обусловлено стремлением автора воссоздать атмосферу карнавала и абсурда, показать хаос жизни, её стремительное движение. Главным героем пьесы, как и поэмы, остаётся Чичиков, образ которого становится более психологизированным, по сравнению с гоголевским вариантом, более рефлексивным и склонным к идеализму и мечтательности. В данном случае правомерны рассуждения о введении в действие героя-маргинала, как и в «Панночке», однако в произведении «Брат Чичиков» он наделяется дополнительным эмигрантским смыслом, апеллирующим к опыту Н.В. Гоголя, стремящегося понять Россию и её сущность, находясь в Италии [15]. Помещики в пьесе воссозданы в соответствии с оригинальным текстом поэмы, од-

нако доводятся до абсурдистских крайностей как, например, Манилов, который начинает смеяться и жеманничать ещё больше, когда узнает об утоплении своих сыновей, или Собакевич, сохраняющий своё равнодушие даже после воскрешения у него на глазах покойной крестьянки.

Меньше всего изменений, касающихся *героев*, претерпело произведение «Памяти Печорина». Набор действующих лиц практически полностью соответствует исходному лермонтовскому тексту, за исключением второстепенных персонажей (фокусник, акробаты и т. д.), появляющихся в интермедиях. С точки зрения индивидуальных характеристик, герои пьесы почти полностью соответствуют своим прототипам из романа «Герой нашего времени». Однако Н.Н. Садур расширяет лермонтовское видение романтического героя за счёт использования постмодернистского инструментария. Это проявляется в доведении образов до абсурда и их частичном превращении в симулякры, которые в данной пьесе, как и в двух предыдущих, соотносятся с представлениями о герое-интеллигенте и маргинале.

Рассматривая *пространственно-временную организацию* пьес Н.Н. Садур и её соответствие оригинальным произведениям Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова, необходимо учитывать тот факт, что художественный язык прозы предоставляет гораздо больше возможностей и творческой свободы, в то время как драматическое произведение постоянно ограничивается множеством сценических условностей [16].

По мнению О.К. Мытник, хронотоп пьесы «Панночка» может быть разделён на мистико-мифологический и реалистический [17]. Подчёркнутость этого разделения проявляется в рамочном тексте пьесы и, несмотря на отсутствие документального описания, Н.Н. Садур очерчивает место действия двумя фразами: «Двор сотникова дома. Козаки полудничают» [10, с. 226]. В данном случае проявляется реалистическое начало, свойственное Н.В. Гоголю в некоторых аспектах в повести «Вий», но, тем не менее, данные координаты предваряются эпиграфом, который погружает относительно реалистичное действие в иллюзорный мир смерти.

В пьесе «Брат Чичиков» Н.Н. Садур организует пространство и его с движение с точки зрения упомянутой ранее карнавальной хаотичности. В пьесе вводится огромное количество локаций, между которыми на высокой скорости передвигается Чичиков на бричке, бывшей в начале произведения итальянской гондолой. С одной стороны, данное решение можно рассматривать как авторскую попытку перенести в действие все главные локации первого тома поэмы «Мёртвые души», а с другой – как мистификацию, воспринимающуюся как сон о стремительном ходе жизни, в который погружает главного героя таинственная Незнакомка.

В случае пьесы «Памяти Печорина» категория *пространственно-временной организации* становится, на наш взгляд, наиболее концептуальной на семантическом уровне. Пытаясь переосмыслить топосы и локусы романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Н.Н. Садур стремится к более глубокому пониманию и расшифровке авторского замысла классика, который выражен в том числе в нелинейной, сложной композиции, а также обогащает оригинальный текст новыми смыслами, организуя его с перформативной точки зрения [18]. Автор использует некоторые из основных топосов лермонтовского произведения, однако движение времени представляет собой вертикаль, которая раскрывает замысел М.Ю. Лермонтова: путь Печорина на Кавказ, затем трагические события на водах, а после этого – встреча с Бэлой и Казбичем. На концептуальном уровне это подчёркивается тем, что главный герой из нейтрального пространства пьесы, заснеженных троп Кавказа, падает вниз с обрыва в события на курорте, а после этого снова падает и возвращается к началу, связанному с переживаниями истории с Бэлой. Таким образом, Н.Н. Садур восстанавливает подлинную хронологию текста М.Ю. Лермонтова, создавая пространственно-временную петлю, раскрывающую конфликт и подчёркивающую его сложный и циклический характер.

Во всех трёх анализируемых пьесах Н.Н. Садур обращается к *романтическому методу* и, частично, к *реалистическому*, в некоторых аспектах присущему позднему творчеству Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. Используя формальные элементы данных эстетик, автор концептуально переосмысливает их через призму постмодернизма, значительно расширяя идеи и смыслы оригинальных текстов русской классики на всех категориях *семантического уровня* жанровой структуры драмы. Тем не менее, необходимо уточнить, что авторское сознание Н.Н. Садур направлено главным образом не на деконструкцию, широко распространённую в русском постмодернизме конца XX – начала XXI вв., а на синтез в новом культурном, художественном контексте.

На *морфологическом уровне* наиболее явные трансформации в пьесах Н.Н. Садур «Панночка», «Брат Чичиков» и «Памяти Печорина» происходят на уровне *сюжетостроения*.

В «Панночке» исключается первая треть повести Н.В. Гоголя «Вий», в которой описываются нравы киевской бурсы. Действие начинается на сотническом хуторе и включает в себя самые яркие эпизоды исходного текста: встреча с ведьмой и три дня погребальной службы. Тем не менее, автор внедряет несколько новых сцен с казаками (например, сцены борьбы для поднятия боевого духа). Переосмыслен финал истории, в которой Вий не появляется, а Панночка погибает вместе с Хомой.

Пьеса «Брат Чичиков» во многом следует оригинальному гоголевскому сюжету и в ускоренном темпе дублирует его. Однако Н.Н. Садур значительно переосмысливает действие поэмы «Мёртвые души», вводя дополнительную сцену в начале (жизнь Чичикова в Италии), меняющую мотивацию главного героя, изменяя концовки встреч с помещиками (Манилов вместе с дворовыми уходит на поиск своих утонувших сыновей, Собакевич воскрешает погибшую крестьянку, Плюшкин оказывает заколот собственной служанкой, а Манилов растворяется в гуще битвы) и перенося встречу с Коробочкой в конец. Финальная сцена, погружение Чичикова в небытие, меняет концовку первого тома гоголевской поэмы, в которой делец уезжает, успешно совершив свою аферу.

В «Памяти Печорина» Н.Н. Садур реорганизует хронологию романа «Герой нашего времени». Из действия исключены Тамань и казачья станица, а события в крепости, где Печорин пленил Бэлу, перенесены в нейтральное пространство кавказских вершин, где Печорин вместе с Максимом Максимовичем переживает метель.

Речевая организация в анализируемых пьесах во многом следует принципам стилизации.

Так в пьесе «Панночка» Н.Н. Садур обращается к стилистике русской разговорной речи XIX в., в частности – к малорусскому наречию, однако в некоторых моментах прибегает к присущему для постмодернизма стилевому эклектизму (например, рассуждения Хома Брута о мироздании с точки зрения современной Н.Н. Садур науки). Аналогичный подход использован в произведении «Брат Чичиков», поскольку автор обращается к подражанию речевому поведению персонажей исходного текста Н.В. Гоголя. Однако Н.Н. Садур доводит до абсурда манеры помещиков, например, Манилова, который жеманничает ещё сильнее, чем его прототип, или Ноздрёва, азарт которого превращается в безумие.

Отдельно и более подробно с точки зрения *речевой организации* следует рассмотреть пьесу «Памяти Печорина». Во-первых, в данном произведении наблюдается стилизация, направленная не только на сохранение речи XIX в., но и на частичную адаптацию к современным языковым и театральным реалиям. Зачастую речь героев становится менее возвышенной, а в некоторых случаях ориентируется на эпатирование и создание юмористического эффекта, например, реплики мужа Веры или Мери, использующей слово «манипулировать», трудно представимое в лексиконе героини XIX в.: «**Князь.** *****! Разорю! Дотла! Прогоню! Босиком по снегу! И мальчика твоего не в лицей, а босиком по снегу, и в ручонку ему кто-то положит хлеба. Тьфу, черт... и вместо хлеба положил в его протянутую руку... забыл что... ты *****...»; «**Мери.** Вера, он манипулирует нами, как хочет...» [13]. Во-вторых, Н.Н. Садур намеренно обращается к дословному цитированию М.Ю. Лермонтова: «**Грушницкий.** Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади», «**Вера.** Я бы тебя должна ненавидеть», «**Вернер.** Видите ли, до сих пор вы были исключением, а теперь подойдете под общее правило» и т. д. [13]. Данное решение, на наш взгляд, направлено на актуализацию оригинального текста в памяти читателя или зрителя посредством его сильных позиций, афоризмов, и на создание акцентов, раскрывающих наиболее яркие и важные черты героев.

С точки зрения *жанровой принадлежности* данные пьесы Н.Н. Садур весьма неоднородны и не похожи друг на друга.

«Панночка» может быть определена как *драма*, поскольку в ней сложный личностный конфликт находит своё разрешение (несмотря на распространённое в постмодернистском дискурсе стремление к иррациональному разрешению конфликта), «Брат Чичиков» как *драма* с элементами *мистерии*, т. к. является масштабным произведением, склонным к мистификации и требующим сложного, масштабного сценического воплощения, а «Памяти Печорина» – как *трагикомедия*, выражающая саркастическое восприятие и тяготеющая к более абсурдистским, нелепым и комичным формам.

В пьесах Н.Н. Садур «Панночка», «Брат Чичиков» и «Памяти Печорина» обнаруживается значительная рецепция традиций русской классической литературы XIX в., наследия Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова, которая проявляется в обращении к ключевым элементам эстетики романтизма и раннего реализма, в частности к мистицизму фантастичности, а также к

сложным онтологическим и духовным вопросам. На семантическом уровне авторское сознание драматурга направлено на расширение гоголевской и лермонтовской проблематики через переосмысления конфликта, героев и пространственно-временной организации, а также на адаптацию данных категорий в рамках культурно-исторического контекста 80–90-х гг. XX в., частично приобретающих симулякральные черты, характерные для эстетики постмодернизма. На морфологическом уровне Н.Н. Садур перерабатывает сюжеты классических произведений, что приводит к формированию новых трактовок. Драматург не искажает речь русской классики, однако тяготеет к некоторому эпатированию в пьесе «Памяти Печорина», а с точки зрения жанровой принадлежности меняет отношение к проблематике, которое не соответствует пафосу произведений Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. Таким образом, авторское сознание Н.Н. Садур направлено на рецепцию и сохранение традиций русской классики XIX в., но в контексте новой культурно-исторической эпохи стремится к их переосмыслению на семантическом и морфологическом уровнях через призму русского постмодернизма конца 80-х гг. XX в., для которого характерна не деконструкция, а новое истолкование литературного наследия, комплексность и эклектизм.

Литература

1. Меркулова, М. А. Новая драма / М. А. Меркулова // Новый филологический вестник. – 2011. – № 2. – С. 122–126.
2. Журчева, О. В. Автор в драме : формы выражения авторского сознания в русской драме XX века / О. В. Журчева. – Самара : Изд-во СГПУ, 2007. – 418 с.
3. Наумова, О. С. Формы выражения авторского сознания в драматургии конца XX – начала XXI вв. : на примере творчества Н. Коляды и Е. Гришковца : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.01 / О. С. Наумова. – Самара, 2009. – 205 с.
4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.
5. Корман, Б. О. Изучение текста художественного произведения : для студентов-заочников III–IV курсов фак. рус.яз. и литературы пед. ин-тов / Б. О. Корман. – М. : Просвещение, 1972. – 125 с.
6. Хализев, В. Е. Драма как род литературы / В. Е. Хализев. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 264 с.
7. Рымарь, Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. – Воронеж : ЛОГОС-ТРАСТ, 1994. – 262 с.
8. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Ленинград, 1925. – 232 с.
9. Гончарова-Грабовская, С. Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) / С. Я. Гончарова-Грабовская. – Минск : БГУ, 2003. – 70 с.
10. Садур, Н. Обморок. Книга пьес / Н. Садур. – Вологда, 1999. – 500 с.
11. Гоголь, Н. В. Миргород : Повести / Н. В. Гоголь. – М. : Изд-во АСТ ; Харьков : Фолио, 2000. – 384 с.
12. Мерзлякова, М. А. Диалог с классикой в драматургии Н. Садур [Электронный ресурс] / М. А. Мерзлякова. – Режим доступа : <https://studfile.net/preview/5178042/>. – Дата доступа : 20.03.2023.
13. Садур, Н. Н. Вечная мерзлота [Электронный ресурс] / Н. Н. Садур. – Режим доступа : <https://www.flibusta.site/b/401749>. – Дата доступа : 20.10.2023.
14. Гончарова-Грабовская, С. Я. Модель героя в русской драматургии конца XX – начала XXI века / С. Я. Гончарова-Грабовская // Науч. тр. каф. рус. лит. БГУ. – Минск : БГУ. – 2003. – № 2. – С. 192–205.
15. Мусатова, Т. Л. «По поводу разных духовно-дипломатических дел...» (Гоголь в Италии) / Т. Л. Мусатова // Тринадцатые Гоголевские чтения : сб. ст. по матер. Междунар. науч. конф. – М., 2013. – С. 302–313.
16. Зайцева, И. П. Автор в драматургии и прозе с позиций коммуникативной стилистики художественного текста / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 3 (9). – С. 102–114.
17. Мытник, О. К. Специфика хронотопа в драматургии Н. Садур / О. К. Мытник // Мова і література : матеріялы 68-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. ф-та БДУ. – Мінск, 2011. – С. 65–68.
18. Бабенко, Н. Г. Лингвопоэтика инсталляции и перформанса (на материале пьесы Нины Садур «Памяти Печорина») / Н. Г. Бабенко // Альтернативный текст : версия и контрверсия. Вып. 2. – Калининград, 2007. – С. 38–50.

Іншасказальныя вобразы флоры ў беларускіх народных загадках

А.А. СТАНКЕВІЧ

Аб'ектам даследавання ў артыкуле з'яўляюцца беларускія народныя загадкі, прысвечаныя расліннаму свету, мэтай – вызначэнне моўных спосабаў іншасказальнай вербалізацыі іх дыскурсу. У артыкуле акрэсліваецца тэматычны спектр загадак пра флору, указваюцца асноўныя мадэлі структурна-семантычнага арганізацыі іх зместу (загадкі-метафары, -апісанні, -пытанні, -мініяцюры), аналізуюцца прыёмы іншасказальнай вербалізацыі дыскурсу загадак пра расліны, заснаваныя на метафарычным мадэляванні іх семантыкі, якія ўключаюць антрапаморфны, зааморфны, арнітаморфны і рэчыўны коды, адзначаюцца моўныя і стыльовыя адметнасці адмоўных загадак, загадак-пытанняў і -мініяцюр, звяртаецца ўвага на кагнітыўную, лінгвапрагматычную і эстэтычную функцыі загадак пра флору.

Ключавыя словы: загадка, іншасказальны вобраз расліны, дэнатат, субстытут, структурна-семантычныя мадэлі загадак, вербалізацыя зместу, антрапаморфны, зааморфны, арнітаморфны, фітаморфны і рэчыўны коды.

The object of research in the article is Belarusian folk riddles dedicated to the plant world, the purpose is to determine the linguistic ways of allegorical verbalization of their discourse. The article outlines the thematic spectrum of riddles about flora, indicates the main models of the structural and semantic organization of their content (riddles-metaphors, - descriptions, - questions, - miniatures), analyzes the techniques of allegorical verbalization of the discourse of riddles about plants based on metaphorical modeling of their semantics, including anthropomorphic, zoomorphic, ornithomorphic and real codes, notes linguistic and stylistic features of negative riddles, riddles-questions and miniatures. The attention is drawn to the cognitive, pragmatic and aesthetic functions of riddles about flora.

Keywords: riddle, allegorical image of a plant, denotation, substitute, structural and semantic models of riddles, verbalization of content, anthropomorphic, zoomorphic, ornithomorphic, phytomorphic and real codes.

Загадкі з'яўляюцца адным з самых арыгінальных і займальных малых жанраў вуснай народна-паэтычнай творчасці. Звернутыя непасрэдна да адрасата, яны садзейнічаюць развіццю яго мысленчай здольнасці, фарміраванню навыкаў назіральнасці, лагічнага разважання, кемлівасці і дасціпнасці, з'яўляюцца своеасаблівым сродкам пазнання. Паводле меркавання фалькларыстаў, «тэрмін загадка ўтварыўся ад старажытнага «гадаты», што азначае думаць, разважаць» [1, с. 10]. Загадкі, акрамя таго, развіваюць наглядна-вобразнае ўспрыманне прадметаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці.

Загадкай называюць «іншасказальнае вобразнае апісанне якога-небудзь прадмета або з'явы на аснове падабенства паміж утоеным прадметам, які трэба адгадаць, і тым, які замяняе яго ў загадцы» [1, с. 10]. «Для загадкі характэрна своеасаблівае збліжэнне двух, нярэдка далёкіх адзін ад аднаго, прадметаў, з'яў прыроды або жывых істот» [2, с. 77]. Як лічаць даследчыкі, «загадкі не выходзяць за межы прадметаў і з'яў, блізкіх чалавеку ў яго паўсядзённым жыцці і працы, назіраемых, бачных, часта сустракаемых і вядомых большасці людзей» [3, с. 97].

У беларускіх народных загадках шырока адлюстравана прыродны свет, матэрыяльны побыт чалавека, сфера яго гаспадарчай дзейнасці, грамадскія і сямейныя адносіны. Загадкі пра прыроду прысвечаны нябесным свяцілам, зямлі і вадзе, стихіям, расліннаму і жывёльнаму свету.

Аб'ектам аналізу ў дадзеным артыкуле з'яўляюцца беларускія народныя загадкі пра раслінны свет, змешчаныя ў зборніку «Загадкі» (серыя «Беларуская народная творчасць») [4], мэтай – вызначэнне моўных спосабаў іншасказальнай вербалізацыі зместу ў адзначаных загадках.

Беларускія народныя загадкі пра раслінны свет надзвычай разнастайныя, іх дэнататы (загаданыя аб'екты) уключаюць розныя рэаліі флоры: гэта дрэвы хваёвыя: «*І зімой, і летам усё адным цветам. Хваёвае дрэва*» [4, № 407]; лісцевыя: «*Вясна прыгрэе, шубу надзене; зіма наступе, шубу скідае. Лісцевое дрэва*» [4, № 402]; плады лясных дрэў: «*Малы малышак упаў з вышак, ён не забіўся, адно шатачка пазбыўся. Жолуд, арэх*» [4, № 440]; садавіна: «*Круглы, ды не гарбуз, з хвостом, ды не мыш. Яблык*» [4, № 801]; лясныя дары – ягады: «*Стайць паненачка ў краснай су-*

кеначы, хто ідзе – паклоніцца. Суніца» [4, № 474]; грыбы: «А і ў лазе стаіць баран на адной назе. Грыб» [4, № 499]; травы: «Рос белы шар, падуў вецер – і шар паляцеў. Адуванчык» [4, № 527]; палявыя: «Увосень рассыпаецца, улётку збіраецца, само поўнае бывае, людзей накармляе. Жыта» [4, № 540] і агароднія культуры: «Ляжыць сярод градкі зялёны і гладкі. Агурок» [4, № 698].

Самую значную ў колькасных адносінах групу складаюць загадкі пра агароднія культуры, і гэта зразумела, таму што агароду заўсёды народ удзяляў многа часу і ўвагі, ён быў для беларуса важным падспор'ем у харчаванні, знаходзіўся бліжэй да дому, чым лес і поле.

Структурна-семантычнае мадэляванне зместу ў беларускіх народных загадках пра раслінны свет уключае наступныя лінгвістычныя мадэлі кадзіравання дэнатата: загадкі-метафары: «У цямніцы сядзіць царыца, косы на дварэ. Морква» [4, № 747]; загадкі-апісанні: «Маленька, сухенька ўсіх адзявае. Лён» [4, № 599]; загадкі-пытанні: «Што гэта за дзерава зіму і лета зелена? Хвоя» [4, № 409]; загадкі-невялікія мініяцюры: «Пайду ў лес, выламлю цялеш, з гэтага цяляша выберу два каўша, дзве пласціны, карэц і шыла канец. Жолуд» [4, № 437].

Загадкі пра раслінны свет, як і іншыя тэматычныя групы, заснаваны на супастаўленні розных зашыфраваных прадметаў і з'яў і іх субстытутаў паводле падобных, блізкіх знешніх або ўнутраных якасцей і ўласцівасцей.

Як адзначае В.В. Мітрафанав, «паэтычнасць, мастацкая дасканаласць загадкі залежаць не толькі ад таго, як арганізаваны слоўны матэрыял рытмічна і сінтаксічна, але і ад таго, наколькі выразна, трапна, наглядна выбрана прыкмета, якасць аб'екта загадвання, якія вызначаюць прадмет замяшчэння» [3, с. 109].

Адной з самых істотных адметнасцей дыскурсу народных загадак з'яўляецца іншасказальная форма выражэння яго зместу. Іншасказальныя вобразы народных загадак пра раслінны свет вельмі разнастайныя, дастаткова канкрэтныя і рэалістычныя і, як правіла, узяты з паўсядзённага народнага жыцця.

Іншасказальная вербалізацыя дыскурсу народных загадак пра расліны даволі часта засноўваецца на метафарычным мадэляванні іх зместу. Пры гэтым выкарыстоўваюцца разнастайныя прыёмы іншасказання, у якія ўключаюцца антрапаморфны, зааморфны, арнітаморфны і рэчыўны коды.

У некаторых загадках пры іншасказальнай вербалізацыі назваў рэалій флоры выкарыстоўваюцца антрапаморфныя вобразы, як правіла, абагуленыя, заснаваныя на персаніфікацыі. Субстытутамі загаданага дэнатата ў такіх загадках з'яўляюцца асабовыя намінацыі: «Усе **паны** скінулі кафтаны, а адзін **пан** не скінуў кафтан. Лісцевыя і хваёвыя дрэвы» [4, № 404]; «Стаіць **паненка** ў краснай сукеначы, хто ідзе – паклоніцца. Суніца» [4, № 474]; «Сярод лесу **паніч** вісіць. Арэх» [4, № 456]; «Стаіць **дзед** пры дарозе на адной нозе. Грыб» [4, № 496]; «Сярод гарода **стаіць ваявода**, хто за яго прымецца, той сам скрывіцца. Дзядоўнік» [4, № 519]; «У лазе **стаіць казак** на адной назе. Грыб» [4, № 498]; «Сядзіць **красавіца** ў цямніцы, а каса на вуліцы. Морква» [4, № 746]; «Стаіць **пані** ў сарафане, сталі яе раздзяваць – сталі плакаць і рыдаць. Цыбуля» [4, № 605]. Сустракаюцца загадкі, у якіх персаніфікацыя выражаецца праз уласныя імёны: «Паміж гор сядзіць **Рыгор**, капелюшом накрыты. Грыб» [4, № 508]; «Стаіць **Хадосця**, растрапаўшы валосця. Каношлі» [4, № 578]; «Між гор мерзне **Ягор** панчошкай накрыты. Гарох у стручку» [4, № 589]; «Румяны **Піліп** да палкі прыліп. Яблык» [4, № 800].

На прызвапанні (адухаўленні) заснаваны абагульнены вобраз расліны: «Дыхае, расце, а хадзіць не можа. Расліна» [4, № 396].

У некаторых загадках адсутнічае субстытут, які замяшчае загаданы прадмет, а ўказваецца толькі яго дзеянне: «Летам адзяваецца, зімой раздзяваецца. Дрэва» [4, № 398]; «Стаіць у лазе на адной назе, сам не спіць, а другім сну дае. Макаўка» [4, № 776] або ўласцівасць: «Рук многа, а нага адна. Дрэва» [4, № 397].

Зааморфныя вобразы ў загадках пра раслінны свет сустракаюцца часцей, чым антрапаморфныя. Субстытутамі загаданых рэалій флоры выступаюць, як правіла, вобразы хатніх жывёл: «Аўца (**баран**) стаіць, воўна дрыжыць. Асіна» [4, № 416]; «У лазе на трапязе сядзіць **каза** на адной назе. Грыб» [4, № 500]; «**Карова** ў пуню – хвост на пуню. Жыта і салома» [4, № 545]; «Чорная **свінка** мае тры спінкі. Грэчка» [4, № 598]; «**Баран** у хляве, ногі на дварэ. Часнок» [4, № 650] або птушак: «Стаіць **гусак** над вадой, трасе барадой. Чарот» [4, № 514]; «На кургане, на вургане **стаіць курачка** з сяргамі. Авёс» [4, № 548]; «На коліку сем **саколікаў**,

кожны ў капотачцы. Авёс» [4, № 550]; «**Певень** у зямлі, а косы наверху. Бурак» [4, № 677]. У такіх загадках іншасказальна называюцца асобныя прыкметы зашыфраваных прадметаў, якія ўносяць дадатковую падказку ў разгадку: з *бародой* (чарот), з *сяргамі* (авёс), у *капотачцы* (авёс), *косы* (лісце ў бурака), *ногі* (стрэлкі часнака).

Даволі часта метафарычнае мадэляванне дыскурсу загадак пра раслінны свет адбываецца на аснове рэчыўнага коду, апрадмечвання загаданага дэнатата, які ўвасабляецца ў выглядзе пэўнай рэаліі: «**Двое начовак і дзве скібкі сала**. Жолуд» [4, № 442]; «У маленькім **гаршчочку кашка** смачнёная. Арэх» [4, № 445]; «У лесе, у лесе чырвоная **плахта** вісіць. Рабіна» [4, № 419]; «**Шмат на ёй іголак**, але ўсе без вушак. Шыпулькі на елцы» [4, № 430]; «**Семдзесят адзёжак**, ды ўсе без **засцёжак**. Капуста» [4, № 661]; «**Чырвоны цвік** у зямлю ўбіт. Бурак» [4, № 684]; «У **балазе, балазе стаіць хатка** на адной назе. Грыб» [4, № 502]; «**Стаяць слупы бялёныя**, на іх **шапкі** зялёныя. Бярозы» [4, № 412]; «**Стаіць кіёк**, на тым кійку – **клубок**. Капуста» [4, № 670]; «**Стаіць палка**, а на той палцы **шапка**. Грыб» [4, № 509]. Субстытутамі зашыфраванага дэнатата з’яўляюцца рэаліі паўсядзённага побыту чалавека – посуд, адзенне, ежа, прыстасаванні для працы, пабудовы і інш.

Як паказваюць прыклады, апісанне зашыфраваных рэалій флоры пры метафарызацыі даволі аднастайнае: загаданы аб’ект з’яўляецца статычным – ён *стаіць, сядзіць, дзяржыць, вісіць, мерзне, прыліп, скінуў, убіты*.

У загадках-апісаннях характарызуецца, як правіла, знешні выгляд загаданага прадмета – яго форма, памер, колер, структура, размяшчэнне і інш.: «**Чырвоны колер, вінны смак, каменнае сэрца**. Вішня» [4, № 810]; «**Пад дубком-каратышком ні клубком, ні камяшком**. Жолуд» [4, № 441]; «**Красная шапка, белая галоўка**. Маліна» [4, № 815]; «**Саламяны плот, бела насенне, жоўты сход**. Пшанічныя каласы» [4, № 547]; «У **сярэдзіне белае, а на версе краснае**. Цыбуля» [4, № 799].

У некаторых выпадках апісанне знешняга выгляду загаданага прадмета дапаўняецца ўказаннем на яго дзеянне або прызначэнне: «**Круглае, краснае, з хвосцікам, хто забача, той заплача**. Цыбуля» [4, № 603]; «**Шараваты, кудраваты, а наварху плеш, на здароўе з’еш**. Качан капусты» [4, № 651]; «**Круцестая, вярцестая, хто яе дбае, будзе сто год жыць**. Капуста» [4, № 652].

Як паказвае фактычны матэрыял, іншасказальная вербалізацыя зместу загадак пра флору часта мае комплексны характар: рэчыўны код у загадках спалучаецца з антрапаморфным: «**Ні вакон, ні дзярэй – поўна горніца дзяцей**. Агурок» [4, № 703]; «**Кожна панна стаіць і кожна сваю пасцель дзяржыць**. Дрэва» [4, № 400]; «**Між гор ляжыць Рыгор** плашчом накрыты, кійком падпёрты. Гарбуз» [4, № 729] або зааморфным: «**Круглы хлявец повен белых авец**. Гарбуз» [4, № 713]; арнітаморфным: «**Стаіць певень на таку ў чырвоным каўпаку**. Мак у час квіцнення» [4, № 778] ці фітаморфным: «**Пад зялёным дубком сядзіць клубком**. Рэпа» [4, № 752]; антрапаморфны код можа спалучацца з фітаморфным: «**Стаіць дуб, пад дубам дзеці**. Бульба» [4, № 600]. Такая структура загадкі садзейнічае рознабаковай абмалёўцы загаданага прадмета паводле яго знешняга выгляду, утвараемага дзеяння, стану, функцыі, прызначэння і выкарыстання, што ўзбагачае алгарытм яе разгадкі.

У некаторых загадках, прысвечаных рэаліям флоры, адзначаюцца сезонныя змены ў жыцці раслін: «**Вясна прыгрэе, шубу надзене; зіма наступае, шубу скідае**. Лісцёвае дрэва» [4, № 402]; «**Вісіць – зялёны, ляціць – жоўты, ляжыць – чорны**. Ліст» [4, № 421]; «**Было жоўтым, вырасла зялёным, сонца пацалавала, зноў жоўтым стала**. Пшаніца» [4, № 546]; «**Летам зялёны, а восенню чырвоны**. Яблык» [4, № 799]; «**На градцы – доўгі і зялёны, а ў бочцы – жоўты і салёны**. Агурок» [4, № 699] або змены стану загаданай рэаліі: «**Ляцеў пан, на вадку паў, паплыў, не патануў**. Ліст» [4, № 427]; «**Расла, павырасла, з куста вылезла, на руках пакацілася, на губах ачуцілася**. Гарох» [4, № 591].

Паводле формы выкладу зместу загадкі, як вядома, бываюць станоўчымі і адмоўнымі. У станоўчых загадках зашыфраваныя дэнататы і іх іншасказальныя субстытуты збліжаюцца па пэўных адзнаках, прыкметах або дзеянні. У адмоўных загадках загаданыя прадметы і іх метафарычныя эквіваленты, хаця і маюць падобныя прыкметы, супрацьпастаўляюцца [5].

Выключная большасць беларускіх народных загадак пра раслінны свет з’яўляюцца станоўчымі. У параўнальна нешматлікіх адмоўных загадках пра флору праводзіцца аналогія з прадметамі і з’явамі, якія не маюць ніякага дачынення да загаданага прадмета, але валодаюць падобнасцю з зашыфраваным дэнататам адзнакамі. Супрацьпастаўленне дэнатата і яго субстытута вербалі-

зуюцца праз уключэнне ў структуру загадкі адмоўных часціц *не*: «*Не прут, не дзерава, усю зіму зелена. Хвошч*» [4, № 522]; *ні*: «*Ні вакон, ні дзвярэй – поўна горніца дзяцей. Агурок*» [4, № 703]; супраціўных злучнікаў *а, ды (да), але* і адмоўнай часціцы *не*: «*Зялёная, а не луг, белая, а не снег, кучаравая, а без валасоў. Бяроза*» [4, № 411]; «*Не мора, а хвалюецца. Ніва*» [4, № 1524]; «*Не агонь, а пячэцца. Крапіва*» [4, № 525]; «*Не сучок, не лісток, не краска, а на дрэве расце. Кара*» [4, № 433]; «*Круглы, ды не гарбуз, з хвостом, ды не мыш. Яблык*» [4, № 801]; «*Зелена – не елка, красна – да не дзеўка. З хвостом – ды не мыш. Бурак*» [4, № 688]; «*Не цяпло, але паліцца. Крапіва*» [4, № 524]. Такая форма загадкі прымушае адрасата лагічна разважаць, стымулюе яго мысленчую дзейнасць і дае дадатковую падказку для разгадкі. Акрамя таго, яна стварае кантрастны характар выкладу зместу, што павышае выразнасць дыскурсу загадак.

Адметнымі паводле сваёй формы з'яўляюцца загадкі-пытанні, якія прапануюць адрасату разгадаць на аснове названых прыкмет або дзеяння зашыфраваны прадмет і актывізуюць яго ўвагу і ментальную дзейнасць. Размоўная інтанацыя такіх загадак, іх рыфмаваная форма ажыўляюць аповед, ствараюць займальнасць і экспрэсіўнасць выкладу: «*Вось вам новая задача: не арэх я і не куля, а як крышаць, кожны плача. Хто ж, рабаты, я? Цыбуля*» [4, № 639]; «*Стайць у бары, маршчынкі на кары, галінкі пустыя, лісты разразныя. Хто ён? Клён*» [4, № 415]; «*У лазе – на адной назе, жыве ў лета, што гэта? Грыб*» [4, № 495]; «*Што гэта за дзерава зіму і лета зелена? Хвоя*» [4, № 409].

Размоўную інтанацыю маюць таксама загадкі-дыялогі, у якіх у жартаўлівай форме перадаецца дыялог персанажаў, што ўвасабляюць загаданы прадмет: «*Рыжа ў краснае спрасіла: «Чым ты бораду красіла?» – «Ані краскай, ані змазкай: перад солнышкам стаяла, угору бораду дзяржала*». Рабіна» [4, № 417].

У асобную групу можна выдзеліць загадкі пра расліны, складзеныя ў выглядзе невялікай мініяцюры, у якой, найчасцей ад імя першай асобы, іншасказальна распавядаецца пра асаблівасці загаданай рэаліі – форму, стан, а таксама выконваемае ў дачыненні да яе дзеянне: «*Прыйдзе восень – заб'ю лося, галаву з'ем, шкуру аблуплю, а мяса за плот выкіну. Лён*» [4, № 565]; «*Кроў маю п'юць, коці мае паляць, маімі рукамі адзін другога б'юць. Бяроза*» [4, № 413]; «*Лішоў я лесам і пад лесам найшоў я дзераўца, з таго дзераўца – два ствалы і два чаўны, а пятая шапка. Жолуд*» [4, № 438]; «*У траве, як аганькі, ружавеюць вугалькі, іх вадою не залеш, рук і ног не апячш. Дзень і ноч гараць, палаюць, смак яны мядовы маюць. Суніцы*» [4, № 473].

Такім чынам, у беларускіх народных загадках, прысвечаных расліннаму свету, актыўна выкарыстоўваюцца разнастайныя спосабы іншасказальнай вербалізацыі зместу. Іншасказальныя вобразы загадак пра флору ўзяты з паўсядзённага народнага жыцця, даволі разнастайныя, канкрэтныя і рэалістычныя, заснаваныя часцей за ўсё на метафарычным мадэляванні іх семантыкі. Загадкі пра расліны садзейнічаюць развіццю мысленчай здольнасці, назіральнасці, кемлівасці і дасціпнасці адрасата, з'яўляюцца своеасаблівым сродкам пазнання і развіваюць наглядна-вобразнае ўспрыманне прадметаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці. Слоўна-вобразная форма адлюстравання рэалій флоры ў беларускіх народных загадках спрыяе выяўленчай выразнасці, арыгінальнасці і непаўторнасці іх дыскурсу.

Літаратура

1. Гурскі, А. І. Беларускія народныя загадкі / А. І. Гурскі // Загадкі / А. С. Фядосік (рэд.). – Мінск : «Навука і тэхніка», 1972. – С. 5–20.
2. Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии / Редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. – Минск : «Навука і тэхніка», 1993. – 478 с.
3. Митрофанова, В. В. Русские народные загадки / В. В. Митрофанова. – Ленинград : «Наука», 1978. – 180 с.
4. Загадкі / А. С. Фядосік (рэд.) ; АН БССР. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Беларус. нар. творчасць. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1972. – 448 с.
5. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / С. Г. Лазутин – М. : «Высшая школа», 1981. – 221 с.

Нацыянальная спецыфіка ўвасаблення Першай сусветнай вайны ў амерыканскай літаратуры 1920–30-х гг.

З.І. ТРАЦЦЯК

У артыкуле аналізуецца досвед некалькіх груп амерыканскіх пісьменнікаў: «ганаровых лейтэнантаў», якія з 1930-х гг. асацыююцца са «страчаным пакаленнем» (Дж. Дос Пасас, Э.Э. Камінгс, М. Каўлі, Э. Хемінгуэй); празаікаў-«камбатантаў» (Т. Бойд, В. Марч, Л. Нэйсан, Л. Столінгс); аўтараў-прапагандыстаў (К. Даўсан, Н.П. Даўсан, Дж. Томасан, А. Трэйн, А. Эмпі). Паралельна пазіцыянавана спадчына амерыканскіх пісьменніц У. Кэзэр і Э. Уортан, а таксама М. Шыпман-Эндроз, С. Бэйтс, Э. Кэлі, Г. Мэйсан, А. Найлен. Сцвярджаецца генетычная сувязь прозы С. Крэйна, А. Бірса, Дж. Дэфорэста з творами амерыканскіх аўтараў пачатку XX ст., якія ўвасаблялі падзеі Першай сусветнай вайны.

Ключавыя словы: амерыканская літаратура, Першая сусветная вайна, пісьменнікі-«ганаровыя лейтэнанты» / -«камбатанты» / -прапагандысты.

The article analyzes the experience of several groups of American writers: 'honorary lieutenants' since the 1930s associated with the 'lost generation' (Jh. Dos Passos, E.E. Cummings, M. Cowley, E. Hemingway); novelists-'combatants' (T. Boyd, W. March, L. Nason, L. Stollings); authors-propagandists (K. Dawson, N.P. Dawson, Jh. Thomason, A. Train, A. Empey). In parallel the legacy of American women-writers such as W. Cather and E. Wharton, as well as M. Shipman-Andrews, S. Bates, E. Kelly, G. Mason, A. Nylen is positioned. The genetic connection of the prose of S. Crane, A. Bierce, Jh. Deforest with the works of American authors of the beginning of the 20th century, who embodied the events of the First World War, is stated.

Keywords: American literature, the First World War, 'honorary lieutenant' - / 'combatant' - / propagandist-writers.

Першая сусветная вайна – мяжа ў развіцці ЗША: 1914–1918 гг. мелі надзвычайныя наступствы для краіны, дзе абвастрыліся міжэтнічныя праблемы і стаў адчувальным аксіялагічны крызіс. Рух нацыянальнай і сусветнай гісторыі вымусіў літаратараў убачыць вайну з пункту гледжання «геаграфічна, культурна і сацыяльна дэцэнтраванага чужынца» (*an alien who was geographically, culturally and socially decentered*) [1, р. 3]. Ён спасцігаў вайну як татальную і «даследаваў» узаемадачынненні еўрапейскіх народаў, што мелі алагічную для амерыканца сістэму сімпатый і антыпатый, угрунтаваных у іх даўнюю і недалёкую мінуўшчыну.

Амерыканская літаратура, прысвечаная 1914–1918 гг., – феномен, што ўвабраў шэраг плыняў. Яго пачатак, на думку Р.Э. Лахці і П. Джонса [2], знаходзіцца ў прозе С. Крэйна, які на мяжы XIX–XX стст. пераасэнсоўваў традыцыі ўвасаблення вайны. Напрацоўкі гэтага мастака слова знайшлі працяг у творах Дж. Дос Пасаса, Э. Хемінгуэя, Дж. Хэлера, К. Вонегута і г. д. (*scholars of American war literature <...> identify Stephen Crane's The Red Badge of Courage as the first modern war novel, followed by works by authors such Dos Passos, Hemingway, Heller, Vonnegut, Mailer, Herr, O'Brien, Heineman, Robert Olen Butler, and, most recently, Karl Marlantes*) [3, р. 5]. У 1920–30-я гг. пісьменнікі звярнуліся да характэрных рыс крэйнаўскага апаведу: яго стыль, звязаны з замоўчванем значных дэталей, працягнуў у «жорсткай» (*hard-boiled*) прозе Э. Хемінгуэя. Ён, у сваю чаргу, распрацаваў «прыныцып айсберга» і постаць апавядальніка-сведкі, які лаканічна апавядае пра ваенныя падзеі [4, р. 88]. С. Крэйн звяртаўся да актуальнай і для мастакоў слова XX ст. праблемы маральнасці на полі бою ў часы, калі вайна набыла рысы адмысловай тэхналогіі. На думку С. Вотчэл, «Крэйн адлюстроўваў бой так, як быццам бы ён адбываўся на велізарным заводзе ці ў цэху па адліўцы металу» (*Crane describes combat almost as if it were transpiring in a gigantic factory or foundry*) [5, р. 148]. У сярэдзіне 1910-х гг. артылерыйскі абстрэл, паветраная бамбардыроўка і выкарыстанне хімічнай зброі сталі будзённымі праявамі пазіцыйнай вайны. Гэта змяніла псіхалогію камбатанта, інтэнсіфікавала працэс адчужэння чалавека ад іншых і самога сябе (спадчына Т. Бойда, Дж. Дос Пасаса, Э.Э. Камінгса, У. Марча, Л. Столінгса, Э. Хемінгуэя, У. Фолкнера). С. Крэйн і пісьменнікі, якія адлюстроўвалі Першую сусветную, зацікавіліся спецыфікай успрымання баявых дзеянняў асобай, якая бачыла і адчувала «толькі разрознены шэраг са знявечаных

вобразаў, фрагменты цьмяных думак, раптоўны страх і гратэскныя здані, народжаныя фантазмагорыйяй» (*a heap of broken images, fragments of perception, sudden sensations of fear and grotesque visions of distorted phantasmagoria*) [6, p. 7].

1920–30 гг. – час інтэнсіўнага развіцця амерыканскай ваеннай літаратуры, якая засвойвала новыя канцэпцыі, каб распавесці пра досвед грамадзяніна ЗША на Першай сусветнай з улікам былога вопыту нацыі. Росшукі базаваліся не толькі на кнігах С. Крэйна, але і творах А. Бірса, Дж. Дэфорэста, Дж. Кірклэнда, якія лічылі, што «гераізм <...> выяўляўся не толькі ў баях, але і ў пераадоленні побытавых нястач і, галоўнае, у захаванні чалавечнасці» [7, с. 360]. Малюнк і штодзённага побыту амерыканскага войска пакладзены ў аснову апаведу ў рамане «Шаўроны» Л. Нэйсана, які пісаў: «шэсць дзён яны былі на маршы ўначы, кожную ноч пад дажджом у брудзе, пакутуючы ад стомы, кожную ноч яны падымалі на ногі стомленых коней, ухіляліся ад сустрэчных грузавікоў, похапкам адпачывалі колькі хвілін на драбінах, спалі ў мокрым лесе пад яшчэ макрэйшымі коўдрамі» (*six nights they had spent on the march, night after night of rain, and mud, and fatigue, night after night of clubbing tired horses to their feet, of dodging trucks, of snatching a minute's rest by riding the trail of a carriage, of sleeping in wet woods in wetter blankets*) [8, p. 114]. Тэндэнцыя да «дэгераізацыі» літаратуры пра Першую сусветную дапамагла ўпісаць спадчыну амерыканцаў у плынь еўрапейскіх твораў пра 1914–1918 гг.

Яшчэ адна генетычная паралель яднала амерыканскія кнігі пра Грамадзянскую і Першую сусветную войны: увасабленне персанажа са складанай духоўнай арганізацыяй, чый лад мыслення і ўчынкі канфрантавалі са стэрэатыпамі суайчыннікаў, ды з запатрабаваннямі амерыканскага войска, якое змушала «падпарадкавацца дысцыпліне, што <...> наўпрост сутыкалася са спакусамі і патрабаваннямі ідэалогіі амерыканскага індывідуалізма» (*submitting to military discipline <...> directly clashes with the lure and demands of the ideology of American individualism*) [9, p. 42]. У 1920–30-я гг. афармляецца постаць «падобнага да Уітмана персанажа, якія дабрахвотна ідзе на вайну і з першых рук спазнае яе лютасць» (*the Whitman-like hero who volunteers for war and learns of its bestiality at first hand*) [10, p. 5]; ён з'яўляецца ў кнігах Т. Бойда, Э.Э. Камінгса, Л. Столінгса, Дж. Дос Пасаса, У. Фолкнера, Э. Хемінгуэя; часткова – у рамане Э. Уортан «Адзін з нашых»; пазней – рамане «Джоні ўзяў стрэльбу» Д. Трамба.

Досвед амерыканскай ваеннай прозы, прадстаўленай творами «ганаровых лейтэнантаў» – Дж. Дос Пасаса, Э.Э. Камінгса, М. Каўлі, Э. Хемінгуэя, – пашыраўся за кошт кніг Т. Бойда, В. Марча, Л. Нэйсана, Л. Столінгса: пісьменнікаў, якія мелі вопыт баявых дзеянняў у шэрагах экспедыцыйнага корпуса. Гэтая акалічнасць паўплывала на іх светапогляд, дазволіла з веданнем справы прыгадваць баявыя эпізоды, датаваныя чэрвенем – кастрычнікам 1918 г. Крэда гэтых пісьменнікаў звязана з дэміфалагізацыяй баявых дзеянняў, акцэнтаваннем увагі на наступствах сусветнага канфлікту і выдатках службы ў войску.

К. Гэндал падкрэсліваў адмысловае стаўленне згаданых пісьменнікаў да войска ЗША. Разгубленасць і расчараванне вынікалі з негатыўнай рэакцыі не столькі на праявы вайны, колькі на амерыканскую мабілізацыйную палітыку і армейскае жыццё (*Lost Generation fiction and memoir by men – again, all written by Anglo-Americans of privilege who ended up as noncombatants – is largely a dismayed and disillusioned response, not to the war but to the mobilization of the new American army*) [11, p. 10]. Па-першае, улады апрабавалі мерытакратычную сістэму: прэтэндэнт на вайсковую пасаду праходзіў шэраг выпрабаванняў разумовых і фізічных здольнасцей. Ідэалам уяўляўся міфічны «прыстойны прадстаўнік дабрадзеяна-цнатлівай агрэсіі» (*a clean-living agent of virtuous aggression*) [12, p. 26]. Так мінімізавалася добраахвотніцтва, а частка адукаваных амерыканцаў апынулася ў сітуацыі, калі ім маглі адмовіць ва ўдзеле ў баявых дзеяннях у Еўропе. Па-другое, знаходжанне ў экспедыцыйных войсках не гарантавала франтавы вопыт. Да гэтых акалічнасцей дадавалася негатыўнае стаўленне соцыума да асоб, якія не апранулі форму, не паўдзельнічалі ў сапраўдных баявых дзеяннях.

Ідэйна-тэматычна да кніг пісьменнікаў-«ганаровых лейтэнантаў» і прэзаікаў-камбатантаў далучаюцца творы Ф.С. Фіцджэральда (эпізоды ў раманах «Вялікі Гэтсбі» і «Ноч пяшчотная», апавяданні «Першага мая») і У. Фолкнера («Салдацкая ўзнагарода», «Сарторыс», «Перамога», «Прытча») – аўтараў, якія не паспелі паўдзельнічаць у Першай сусветнай, але ім давялося зазнаць уплыў вайскавай дысцыпліны ў падрыхтоўчым лагеры. Для іх трагедыя вайны атаясамлівалася не толькі з забойствам на перадавой, а з замахам на іх грамадзянскія свабоды, з гвалтоўным улучэннем асобы, надзеленай багатым духоўным светам, у чужую для яе салдацкую масу

(«Ініцыяцыя аднаго маладога чалавека» і «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса). Вайсковыя статуты і побыт успрымаліся як «самы дзікунскі кошт вайны і тэрміновая падстава для адмены узброеных канфліктаў» (*the most barbarous cost of war and the most pressing reason for its abolition*) [13, p. 888]. Паводле Х. Хатчысан, у творах гэтых мастакоў слова нарадзіўся новы тып персанажа: салдат-антыгерой [14, p. 207], які не пагаджаўся са статусам воіна-абаронцы дэмакратыі, пакутаваў ад дысцыпліны, марыў пра асабісты «сепаратны мір».

Тэма ўплыву на чалавека вайскавай дысцыпліны і прапаганды раскрывалася таксама праз зварот да фігуры безыменнага салдата. У рамане «1919» Дж. Дос Пасас прасачыў за шляхам да салдацкай славы. Пачынаўся ён з медагляду, які асацыяваўся з нарыхтоўкай біялагічнага матэрыялу на бойню: «яны ўзважылі і абмерылі цябе, пашукалі, ці не пляскаць ты ў цябе ступакі, <...> палічылі зубы, прымусілі пакашляць, паслухалі сэрца і лёгкія, прымусілі пачытаць літары, даследавалі мачу і разумовыя здольнасці» (*they weighed you, measured you, looked for flat feet, <...> counted your feet, made you cough, listened to your heart and lungs, made you read the letters on the card, charted your urine and your intelligence*) [15, p. 758]. Апафеозам увагі да шарагоўца былі цэтлік з ідэнтыфікацыйным нумарам і зборнік вайсковых статутаў, які, вядома ж, не рыхтаваў да ваеннай рэчаіснасці і перспектывы пакутнай смерці. Апошняя прыходзіла, калі «кроў сплыла ў зямлю, мазгі выцяклі з прабітага чэрапа і імі паласаваліся акопныя пацукі, вантробы папухлі і пусцілі ў свет кодла мух» (*the blood ran into the ground, the brains oozed out of the cracked skull and were licked up by the trenchrats, the belly swelled and raised a generation of bluebottle flies*) [15, p. 758]. Пасля пахавання на нічыйнай паласе ці ваенных могілках непадалёк ад фронту цела салдата не шмат часу было ў спакоі, бо пачаўся працэс яго сакралізацыі: чалавечыя парэшткі зноў трапілі на зямлю, дзе

«іх чысцюткімі паклалі ў сасновую труну

і павезлі дадому ў Богам абраную краіну на лінкоры

і пахавалі ў саркафазе ў мемарыяльным амфітэатры на Арлінгтонскіх нацыянальных могілках

і аздобілі паласата-зоркавым сцягам <...>

і містэр Хардынг узнёс малітвы да Бога¹» [15, p. 760]. так прадстаўлены тэкст у арыгінале ці так прадставіў аўтар артыкула?

У. Марч у рамане «Рота К» распавёў пра маральныя пакуты невядомай ахвяры вайны, якая памірала на полі бою. Гэты персанаж-салдат абурыўся думцы, што яго парэшткі некалі стануць аб'ектам ушанавання: «Я не магу трываць, думаючы пра гэта! <...> Я больш ніколі не хачу чуць гукі ваеннай музыкі і напышлівыя словы. Я хачу, каб мяне пахавалі там, дзе мяне ніхто не знойдзе. Я хачу знікнуць цалкам» (*I can't stand the thought of that! <...> I never want to hear military music or high sounding words again: I want to be buried where nobody will ever find me. – I want to be wiped out completely*) [16, p. 122].

Амерыканскія пісьменнікі-«ганаровыя лейтэнанты», аўтары-камбататны, прэзідэнты, якія былі хутчэй сведкамі, чым удзельнікамі Першай сусветнай, перажылі 1914–1918 гг., каб «паведаміць, што старэйшыя памыляліся, што непасрэдна ваенны вопыт пахіснуў іх упэўненасць у веру Захада ў прагрэс, розум, тэхналогіі, дэмакратычны капіталізм, што яны будуць шукаць новыя мастацкія шляхі, каб выказаць свае негатыўныя эмоцыі» (*to report that their elders had been mistaken, that the direct experience of war had shaken their confidence in Western faith in progress, reason, technology, and democratic capitalism, that they would be seeking new artistic ways to express that negative sensibility*) [17, p. 229]. Паводле У.Ч. Мілера, гэтыя пісьменнікі працавалі ў рэчышчы «літаратуры пратэсту» супраць культуры ЗША, якая заахвоціла іх браць удзел у вайне [18, p. 99]. Вынікі іх дзейнасці пададзены У. Фолкнерам у аповяданні «Ad Astra»: «Што кожны з нас будзе рабіць? Усё гэтае пакаленне, якое змагалася на вайне, памерла. Але мы самі пра гэта яшчэ не даведаліся» (*What will any of us do? All this generation which fought in the war are dead to night. But we do not yet know it*) [19, p. 415].

¹and laid it out in a pine coffin

and took it home to God's Country on a battleship

and buried it in a sarcophagus in the Memorial Amphitheatre in the Arlington National Cemetery

and draped the Old Glory over it <...>

and Mr. Harding prayed to God

Письменнікам-антымілітарыстам (Дж. Дос Пасас, Л. Столінгс, У. Фолкнер, Э. Хемінгуэй) спатрэбіўся час, каб раскрыць пасляваенны лёс ветэрана, крытычна разгледзець ідэалагічныя асновы ўваходжання ЗША ў сусветны ўзброены канфлікт. Расчараванне выклікалі «“ідэалізм” і грубасць амерыканскай культуры» (*‘idealism’ and the crassness of American culture*) [20, р. 322], дыдактызм суайчыннікаў. Гэтая письменніцкая генерацыя пільна паставілася да праблем формы і зместу твораў. Дж. Мэт’юз адзначаў: «як толькі гэты культурны наратыў [традыцыйны наратыў у рэчышчы рэалізму. – З.Т.] быў дыскрэдытаваны самім фактам імклівага сыходжання Еўропы да дзікунства і жорсткасці, мастакі слова маглі аддаць перавагу нерэалістычным формам, каб дакладна сфармуляваць новую ментальнасць» (*once these cultural narratives have been discredited by Europe’s plunge into savagery, artists may prefer counter-realistic forms to articulate new mentalities*) [17, р. 239]. Сярод паказальных прыкладаў адзначым зборнік «У наш час» Э. Хемінгуэя, раман «Вялізная камера» Э.Э. Камінгса, раман «Рота К» У. Марча, фрагменты з трылогіі «ЗША» Дж. Дос Пасаса.

Свой погляд на вайну 1914–1918 гг. прапанаваны письменнікамі, якія ішлі ўслед за дзяржаўнай палітыкай. Плён іх дзейнасці С. Вотчэл ахарактарызавала як «рапсодыйны, аптымістычны, эўфімістычны і анахранічны» (*rhapsodic, optimistic, euphemistic, and anachronistic*) [5, р. 3]. У такім рэчышчы працаваў К. Даўсан, які падкрэсліў, што «на фронце пануе адмысловае ўзбуджэнне» (*the front has its own exhilaration*) [21, р. 12], што паніка, выкліканая думкай пра магчымасць загінуць, – праява эгаізму [21, р. 57], што «небяспека не жахае, яна вабіць» (*danger doesn’t appal; it allures*) [21, р. 127], што «атака – адпачынак ад бясконцай аднастайнасці» (*an attack is a relaxation from the interminable monotony*) [21, р. 138].

Поруч з аўтарамі, якія набылі вядомасць дзякуючы агітацыйным допісам (К. Даўсан, Н.П. Даўсан, Дж. Томасан, А. Трэйна, А. Эмпі), працавалі тыя мастакі слова, чыя письменніцкая рэпутацыя склалася да 1914 г. (Р. Ларднэр, Х. Гарланд). Кніга А. Трэйна «Землятрус» дэманструе асноўныя рысы твораў, дзе вайна падавалася як «марнатраўнае злоўжыванне розумам, назапашаным за стагоддзі» (*a profligate misuse of the accumulated brain-stuff of centuries*) [21, р. 50]. Аповед адрасаваны амерыканцу, якому паказаны не толькі адмоўныя, але і парадасальна-станоўчыя моманты вайны: яна «мяжуе з паляваннем, тое – з заняткамі спортам, спорт, у сваю чаргу, з гульнёй, якая, у рэшце рэшт, мяжуе са светам прыдумкі» (*war has border with hunting, which has a border with sport, which has a border with play, which has a border with fabulation*) [22, р. 11].

У прапагандысцкіх творах сцвярджалася, што вайна нібыта спыніць сацыяльную і маральную дэградацыю ў ЗША і Еўропе, дазволіць пераадолець наспелы аксіялагічны крызіс. Падобная літаратура жывілася таксама творамі амерыканскіх письменніц. Так, М. Шыпман-Эндруз, С. Бэйтс, Э. Кэлі, Г. Мэйсан, А. Найлен увасобілі эвалюцыю адносінаў да вайны: спачатку яны разважалі пра неабходнасць нейтралітэту; паступова на першае месца выйшаў роздум пра мабілізацыю амерыканскага войска з місіяй абаронцы дэмакратыі ў Еўропе.

Прапагандысцкая літаратура не забывалася на постаць персанажа-немца. Перш за ўсё, увабляўся вобраз боша-мілітарыста. А. Эмпі падкрэсліваў: «немцы топяць нашы судны, забіваюць нашых хлопцаў, абстрэльваюць нашы шпіталі» (*German people are sinking our ships, killing our boys, and bombing our hospitals*) [23, р. 3]. Маляўнічасці персанажу-ворагу надалі дэталі пра яго крыважэрнасць да безабаронных жыхароў Бельгіі (Р.В. Чэмберз «Хто туды накіруецца!», М. Олдрыч «Мой дом на полі славы»). Другі тып дзейных асоб, паводле П. Квіна, – этнічныя немцы, якія асталіся / нарадзіліся ў ЗША [24, р. 177]. Што датычыцца персанажаў, якія ў сталым узросце прынялі амерыканскае грамадзянства, то яны атаясамліваліся з «унутраным ворагам» (Г.Л. Луц «Чырвоны сігнал», М.Р. Райнхарт «Небяспечныя дні»). Больш складаным па абмалёўцы быў вобраз маладога амерыканца, народжанага ў ЗША ў сям’і этнічных немцаў (Дж. Браун «Мая краіна», А. Пір «Сын вырашыць»). Галоўны канфлікт у такім выпадку палягаў у неабходнасці пераасэнсавання бацькоўскія ідэалы і ўсвядоміць прыналежнасць да краіны з іншымі аксіялагічнымі дамінантамі.

У сувязі з тэмай этнічных немцаў амерыканскія письменнікі звярталіся і да падобных праблем, значных для грамадства ЗША. У рамане «Джымі Хігінс» акрамя шпіёнаманы і барацьбы з «унутраным ворагам» Э. Сінклера разгледзеў стаўленне да персанажа-немца прадстаўнікоў розных этнічных груп. Іх генетычная памяць хавала нацыянальныя стэрэатыпы, таму, знаходзячыся ў ЗША, «кожны немец радаваўся, калі ірландзец заходзіў у пакой» (*every German was happy when an*

Irishman entered the room) [25, p. 82], бо апошні хутчэй падтрымаў бы варвара-гуна, а не англійскага змагага супраць нямецкага мілітарызму. У той жа час амерыканскі прэзаік не імкнуўся спрашціць вобраз этнічнага немца ў ЗША, таму ў рамане сустракаюцца згадкі пра персанажаў-немцаў, для якіх «вайна стала адкрыццём, самым жудасным, якое толькі можна ўявіць. Быццам бы ты кахаў жанчыну і пабачыў, як яна траціць розум літаральна ў цябе на вачах ці ператвараецца ў нелюдзя. Бо я верыў у Германію з калядных паштовак, я любіў яе, я спрачаўся за яе годнасць, я нават не браў на павер тое, пра што чытаў у газетах» (*this war has been a revelation to me – the most horrible you could imagine. It's as if you loved a woman, and saw her go insane before your eyes, or turn into some sort of degenerate. For I believed in the Christmas-tree Germany; I loved it, and argued for it, I just couldn't bring myself to believe what I read in the papers*) [25, p. 165].

Вяртаючыся да плёну амерыканскіх пісьменніц-жанчын адзначым, што кнігі У. Кэзэр і Э. Уортан вылучаліся на фоне прапагандысцкай літаратуры іх папличніц. З аднаго боку, У. Кэзэр і Э. Уортан карысталіся клішэ пра гунаў ды дабрадзейных амерыканскіх салдатаў. З другога, яны адэкватна ацэньвалі думкі і дзеянні суайчыннікаў, якія любой цаной пакідалі Еўропу, ахопленую вайной. З цягам часу У. Кэзэр і Э. Уортан змянілі стаўленне да «амерыканскай мары». Пісьменніцы іранізавалі з маладога пакалення «ганаровых лейтэнантаў». У. Кэзэр і Э. Уортан заўважылі адмысловыя рысы іх самапазіцыянавання (адасобленасць ад соцыума; прыналежнасць да «эліты», што выпрацоўвае новы светапогляд) [26, p. 80–81]. Тым не менш, згаданыя пісьменніцы сінхронна са сваімі апанентамі («ганаровымі лейтэнантамі») намагаліся зразумець наступствы аксіялагічнага крызісу і шукалі шляхі выйсця з яго.

Яшчэ адну моцную плынь склалі аўтабіяграфічныя творы сведкаў і ўдзельнікаў Першай сусветнай вайны. Так, В.Х. Ален («Да агню. Ваенны дзённік») знаёміў амерыканцаў з бітвай на Марне ўлетку 1918 г.; Дж. М. Кейн («Узяцце Монфакона») увасобіў пачуццё экзістэнцыйнага крызісу, якое апанавала яго падчас Мёз-Аргонскай аперацыі (верасень 1918 г.). Адзначым таксама натуралістычныя нататкі амерыканцаў, якія працавалі ў еўрапейскіх шпіталях (Э.Н. Ла Мот, А. Хантан, К. Джонсан, М. Бордэн). Амерыканская жаночая проза такога кшталту, прысвечаная Першай сусветнай, вызначаецца тэматыкай, звязанай з рэфлексіяй еўрапейца, які адчуваў, што падчас вайны «справа забойства і справа выжывання ідуць поруч» (*the business of killing and the business of living go on together*) [27, p. 15]. Вылучаюцца таксама малюнкi шпітальнага існавання, дзе панавалі па чарзе «распусны монстар, хворая зласлівая жывёліна і анёл; Боль, Жыццё і Смерць» (*a lascivious monster, a sick bad-tempered animal, and an angel; Pain, Life and Death*) [27, p. 54]. У першай трэці ХХ ст. да блізкай тэматыкі звярнулася К.Э. Портэр («Белы конь, бледны вершнік»): пісьменніца засяродзілася на жыцці маладой амерыканкі, якая сутыкнулася з патрыятычнай істэрыяй у ЗША. К.Э. Портэр прыгадала прымусовы збор «ахвяраванняў» для вайсковых, абавязковае наведванне параненых у шпіталі ды практыкаванні ў рыторыцы апалагетаў вайны. Д. Кэнфілд спрабавала данесці да суайчыннікаў-кансерватараў, што вайна змяніла грамадскае становішча жанчыны (зборнік «Дзень славы»).

Амерыканская літаратура пра Першую сусветную вайну ўвабрала ў сябе і творы, якія праводзілі ў жыццё ідэі сацыялізму. Знакамітымі прадстаўнікамі гэтай плыні былі Э. Сінклер («Джымі Хігінс») і Дж. Рыд («Дзесяць дзён, якія змянілі свет»), якія папярэджвалі суачыннікаў, каб тыя не самазаспакойваліся, бо «капіталізм – сусветная з'ява, і ўсе чыннікі кшталту паразітызму і эксплуатацыі, якія неслі Еўропу да трагедыі, актыўна дзейнічалі ў Амерыцы» (*capitalism was a world phenomenon, and all the forces of parasitism and exploitation which had swept Europe into this tragedy were active here in America*) [25, p. 21]. У падобнай літаратуры зараджалася думка пра перспектывы сусветнай вайны, якая магла стаць барацьбой за ўсталяванне сацыялістычных ідэй у ЗША і Еўропе². Разам з тым Э. Сінклер апавядаў чытачу-сучасніку, які жыў у ЗША, пра поўны драматызм еўрапейскія падзеі 1914–1918-х гг. Так, ён апавядаў пра момант, калі мары пра сусветную рэвалюцыю разбурыліся, і ўрэшце нямецкае войска «пагнала збянтэжаных бальшавікоў на-

²«Я не пацыфіст, я не супраць вайны. Я ўсяго толькі збіраюся абраць вайну, на якой я буду змагацца. Калі яны паспрабуюць даць мне зброю ў рукі, я не адмоўлюся <...> Але на каго я скіраваць, я вырашу паводле свайго меркавання» (*I am no pacifist, I am not opposed to war – it is merely that I purpose to choose the war in which I fight. If they try to put a gun into my hands, I shall not refuse to take it <...> But I shall use my own judgement as to where I aim that gun*) [25, p. 121].

зад, забіраючы іх зброю і прыпасы, разбураючы іх гарады, гонячы рускіх жанчын і дзяцей у рабства» (*they drove back the Bolsheviks in confusion, taking their guns and supplies, and destroying their cities; they led the Russian women and children into slavery*) [25, p. 156].

Унікальную літаратурную плынь утварае проза, звязаная з лёсам афраамерыканскіх салдат у Еўропе. І. Вільямс, В. Вайт, Н. Ларсэн, Р. Фішар не замоўчвалі факты расізму ў амерыканскім войску, дзе не забыліся на сегрэгацыю. Афра-амерыканскія салдаты ў асноўным не мелі магчымасці браць удзел у баявых аперацыях, затое забяспечвалі працу ваеннага канвеера ў блізкім тыле.

Амерыканская літаратура мае багатую традыцыю адлюстравання батальных падзей. Шырокую вядомасць атрымалі творы, прысвечаныя Грамадзянскай і Першай сусветнай войнах. Відавочная сувязь антымільітарызму тэндэнцыяў у прозе ЗША другой паловы XIX – першай трэці XX стст., вылучаных у творах А. Бірса, Дж. Дэфорэста, С. Крэйна (падзеі 1861–1865 гг.) і Т. Бойда, В. Марча, Дж. Дос Пасаса, Л. Столінгса, Э. Хемінгуэя (рэаліі 1914–1918 гг.). Агульным для абодвух пакаленняў былі прыземлена-іранічнае адлюстраванне вайны ў сукупнасці яе асноўных негатыўных праяў, развенчванне наіўных гераічных памкненняў.

Антываенны пафас амерыканскай літаратуры пра 1914–1918 гг. вынікаў з разважанняў пра разбуральны пачатак узброенага канфлікту самога па сабе (незалежна ад яго мэт і вынікаў), згадак пра наступствы ваеннага неўрозу і расчаравання ў жыцці, пачуцця бездапаможнасці ў момант сутыкнення з вайскавай дысцыплінай на радзіме. Э.Э. Камінгс, М. Каўлі, Э. Хемінгуэй і інш. пабачылі толькі агульныя праявы вайны. Гэта не перашкодзіла стварэнню сусветнаведомых твораў («Бывай, зброя!» Э. Хемінгуэя, «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса), у якіх еўрапейскі канфлікт з цягам часу рабіўся літаратурным міфам. Пісьменнікі-прапагандысты (К. Даўсан, Н.П. Даўсан, Дж. Томасан, А. Трэйн, А. Эмпі і інш.) спрабавалі ўгадаваць у шараговага чытача думку пра неабходнасць і вартасць удзелу ў сусветнай вайне супраць ворагаў дэмакратыі, якія маляваліся хіжымі варварамі-гунамі, што пагражаюць амерыканцам не толькі на полі бою ў Еўропе, але і дома.

Аднак, незалежна ад праці антываеннай скіраванасці кніг, іх галоўныя героі няўхільна трапілі веру ў «амерыканскую мару». У творах празаікаў-антымільітарыстаў падзеі і наступствы Першай сусветнай праецыраваліся на сучаснае ім амерыканскае грамадства. Гэтыя пісьменнікі выкрывалі заганнасць веры ва ўсталяванне паўсюднай дэмакратыі гвалтоўнымі метадамі. Т. Бойд, Дж. Дос Пасас, У. Марч, Л. Столінгс, Э. Хемінгуэй працавалі з мовай твора, шукаючы адэкватныя лінгва-стылістычныя сродкі ўвасаблення татальнай вайны.

Літаратура

1. Sanborn, W. R. The American novel of War. A critical analysis and classification system / W. R. Sanborn. – North Carolina : McFarland & Company, Inc., 2012. – 239 p.
2. Jones, P. War and the novelist : appraising the American War novel / P. Jones. – Columbia : University of Missouri Press, 1976. – 260 p.
3. Lahti, R. Transnational gestures : rethinking trauma in U.S. War fiction : a dis. ... of Doctor of Philosophy / R. Lahti ; University of Massachusetts. – Amherst, 2014. – 254 p.
4. Bolton, M. The red badge of courage and the existential nature of combat / M. Bolton // Critical Insights. The Red Badge of Courage by Stephen Crane. – Pasadena : Sale, Press, 2011. – P. 74–88.
5. Watchell, C. War no more. The antiwar impulse in American literature, 1861–1914 / C. Watchell. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 2010. – 233 p.
6. Bloom, H. Introduction / H. Bloom // Stephen Crane's The Red Badge of Courage. Bloom's guides. – Infobase Publishing, 2007. – P. 7–8.
7. Стеценко, Е. Джон Дефорест / Е. Стеценко // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1864–1900. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Том IV. – С. 350–374.
8. Nason, L. Chevrons / L. Nason. – New York : George H. Doran Company, 1926. – 339 p.
9. Haytock, J. *One of ours* in context : the American World War I novel / J. Haytock // The Edinburgh Companion to Twentieth-Century British and American War Literature ; ed. by A. Piette, M. Rawlinson. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012. – P. 40–46.
10. Walsh, J. American War literature, 1914 to Vietnam / J. Walsh. – New York, 1982. – 218 p.
11. Gandal, K. War isn't the only hell : a new reading of World War I American literature / K. Gandal. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2018. – 274 p.

12. Gandal, K. *The gun and the pen : Hemingway, Fitzgerald, and the fiction of mobilization* / K. Gandal. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 270 p.
13. DuBois, W. E. B. *Dusk of dawn. An essay toward an autobiography of a race concept* / W. E. B. DuBois // *Writings*. – The Library of America, 1986. – P. 551–802.
14. Hutchinson, H. *The War that used up words. American writers in a European conflict, 1914–1918* / H. Hutchinson. – New York, London : Yale University Press, 2015. – 292 p.
15. Dos Passos, Jh. *1919* / Jh. Dos Passos // *USA*. – The Library of America, 1996. – P. 357–761.
16. March, W. *Company K* / W. March. – New York : Arbor House, 1984. – 212 p.
17. Matthews, Jh. T. *American writing of the Great War* / Jh. T. Matthews // *The Cambridge Companion to the Literature of the First World War* ; ed. by V. Sherry. – Cambridge, 2005. – P. 217–242.
18. Miller, W. Ch. *An armed American : its face in fiction* / W. Ch. Miller. – New York, London : New York University Press, London University Press, 1970. – 320 p.
19. Faulkner, W. *Ad Astra* / W. Faulkner // *Collected Stories*. – New York, 1950. – P. 407–429.
20. Holman, C. H. *Naturalistic and Symbolic Period in American Literature* / C. H. Holman, W. Hartmon // *A Handbook to Literature. Fifth Edition*. – New York–London, 1987. – P. 322–324.
21. Dawson, C. *The glory of the trenches* / C. Dawson. – London : John Lane the Bodley Head ; New York : John Lane Company ; Toronto : S.R. Gundy, 1918. – 158 p.
22. Limon, Jh. *Writing after the War. American War fiction from realism to postmodernism* / Jh. Limon. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1994. – 255 p.
23. Empey, A. G. *First call. Guide posts to Berlin* / A. G. Empey. – New York, London, 1918. – 369 p.
24. Quinn, P. *The First World War : American writing* / P. Quinn // *The Cambridge Companion to War Writing* ; ed. by K. McLoughlin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – P. 175–184.
25. Sinclair, U. *Jimmy Higgins* / U. Sinclair. – California, Pasadena, 1919. – 296 p.
26. Walsh, J. *American War literature, 1914 to Vietnam* / J. Walsh. – New York, 1982. – 218 p.
27. Borden, M. *The forbidden zone* / M. Borden. – London : William Heinemann, Ltd, 1929. – 220 p.

Экспликация позиции автора в жанровых разновидностях научного текста

Е.В. ХОМЕНКО

В статье представлены результаты дискурсивного анализа следующих жанров англоязычного научного текста: академическая научно-техническая статья, научный доклад, учебно-научная лекция. Конкретизированы языковые средства выражения позиции автора по отношению к репрезентируемой информации, а именно: языковые средства экспликации оценки излагаемой информации, уверенности автора в объективности полученных данных, проблематичности рассматриваемых явлений. Обоснована необходимость обеспечения аргументированной интерпретации автором научного текста полученных в процессе исследования эмпирических данных.

Ключевые слова: научный текст, жанровые разновидности научного текста, коммуникативная интенция автора, адресат, прагматически маркированные языковые средства.

The article presents the results of a discourse analysis of such varieties of the English-language scientific text, as an academic scientific and technical article, a scientific report, an educational and scientific lecture. Linguistic means expressing the position of the author in relation to the represented information, namely: linguistic means explicating the assessment of the information presented, the author's confidence in the objectivity of the data obtained, the problematic nature of the phenomena under consideration are specified. The necessity of providing the author's reasoned interpretation of the empirical data obtained in the research process has been substantiated.

Keywords: scientific text, genre varieties of scientific text, communicative intention of the author, addressee, pragmatically marked linguistic means.

Введение. Когнитивно-дискурсивное направление считается наиболее перспективным для анализа научных текстов, поскольку указанное направление позволяет изучить как когнитивные, так и коммуникативные характеристики текста [1]. В.И. Карасик, исходя из когнитивно-дискурсивной парадигмы, считает, что текст приобретает общественную значимость только в сочетании с конкретным типом дискурса, с определенной дискурсивной практикой [2]. С точки зрения Е.С. Кубряковой, в основе категории текста лежит его понимание как «информационно-самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [3, с. 512]. При этом информационная самодостаточность рассматривается как его содержательность, соотносимая с когнитивной деятельностью автора текста, с представлением в нём определённого знания о репрезентируемых объектах / явлениях, и смысловая целостность текста. Соответственно, фокус внимания при анализе текста должен быть направлен на процесс порождения текста, восприятие, понимание и интерпретацию коммуникативных интенций автора, представляющего новое знание. Когнитивно-дискурсивная парадигма предполагает исследование устных и письменных текстов, исходя, прежде всего, из субъектов коммуникации. Следовательно, собственно-дискурсивный анализ – это проецирование национально-культурных, прагматических и других факторов на структурно-смысловые элементы текста. В данном случае В.Е. Чернявская ключевым моментом считает установление конкретных условий, определяющих смысл текста в определённой коммуникативной ситуации [4, с. 129].

В настоящей работе мы определяем научный дискурс через понятия коммуникативной ситуации и научного текста. При этом все составляющие научной ситуации (лингвистические и экстралингвистические) постоянно взаимодействуют, влияя друг на друга. Такой подход предполагает рассмотрение языковой деятельности как процесса, согласованного с социальным контекстом, и как результата этой деятельности, материализуемого в тексте. Согласно мнению В.И. Карасика, дискурс – это многогранное явление, которое в зависимости от ракурса исследования может трактоваться как фрагмент текста (структурно-семантический ракурс), текст, связанный с коммуникативной ситуацией (прагматический ракурс), словесное общение (коммуникативный ракурс) [2].

Основная часть. Анализ научной литературы показал, что существует убедительная теоретическая база, позволяющая проводить многоаспектное исследование научного текста [5, с. 136–137]. Представляется, что методология исследования должна основываться на тех

концептуальных положениях, которые исходят не только из когнитивной сущности текста, но и его дискурсивной сущности (прагматической направленности), позволяющей учитывать совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов. Подход к изучению научного текста как доминирующему средству в сфере научной коммуникации, ориентированному на определенный тип адресата, явился исходной точкой проведенного исследования.

Автор-ученый, конструируя текст, адресует свою информацию научной общественности, предполагая определенное отношение к ней со стороны других исследователей. В этой связи данный тип дискурса имеет особую значимость, которая заключается в его ориентации на взаимодействие с научным сообществом или вероятном противопоставлении личного мнения по некоторым значимым для автора положениям. Объективность изложения обеспечивается такими качествами научного дискурса, как смысловая точность, скрытая эмоциональность и др. Информация подается таким образом, чтобы субъективная исследовательская позиция автора не являлась очевидной, что способствует переключению внимания при восприятии информации с субъекта коммуникации на объект исследования. Личностное отношение автора к предмету научного описания отражается в структурной организации текста, конструирование которого предполагает постоянный эксплицитный и имплицитный научный диалог с адресатом. В процессе данного диалога автор не только дает обоснование результатов проведенного экспериментального исследования, но и представляет собственную точку зрения на изучаемую проблему. Личностное отношение автора к предмету научного описания отражается в подборе языковых средств для экспликации собственного ценностного отношения к излагаемой информации.

Сопоставление объективного изложения информации и индивидуально-авторских особенностей проявляется в следующих оппозициях, реализуемых в научном тексте: монологичность – диалогичность, присутствие оценочного отношения автора, осуществляемого посредством модальности, – отсутствие оценочности, образность – безобразность, употребление лексических единиц, как выразителей смысловой точности излагаемой информации – употребление лексических единиц, как выразителей ценностного отношения автора к представляемой информации.

Главная коммуникативная интенция автора научной статьи заключается в демонстрации логически аргументированного дискурса, в котором отражается личностная позиция автора, эксплицируемая разнообразными языковыми средствами. В научном тексте, с одной стороны, передается информация по определенной проблематике, а, с другой стороны, дается интерпретация и оценка излагаемой информации. Изучение текста с точки зрения интерпретации эксплицируемой в нем информации способствует выявлению коммуникативных интенций автора текста, ориентированных на популяризацию результатов собственного исследования и оказание речевого воздействия на реципиента. Таким образом, текст научной статьи представляет собой не просто академический текст, описывающий результаты научных исследований ученых, а аргументированный дискурс, убеждающий адресата в объективности полученных результатов. Аргументация убеждения, используемая автором, призвана показать его позицию и привлечь адресата к участию в научной дискуссии. Для реализации обозначенной цели автор дифференцированно использует языковые средства в зависимости от выполняемых ими коммуникативных функций и способности представить его убеждающую позицию.

В рамках данной статьи был проведен анализ языковых средств выражения авторской позиции в следующих жанрах научного текста: академическая научно-техническая статья (Н-Т статья), научный доклад, учебно-научная лекция. Были идентифицированы языковые маркеры, эксплицирующие отношение автора к пропозиции и адресату текста. Методом сплошной выборки был собран и исследован корпус из 60 англоязычных научных статей по энергетической тематике и проблемам окружающей среды.

Цель предпринятого исследования заключалась в выявлении языковых средств, выражающих позицию автора по отношению к репрезентируемой информации, а именно: языковых средств экспликации *оценки репрезентируемой информации, уверенности автора в объективности полученных данных, проблематичности в решении поставленной задачи. Актуальность* данного исследования обуславливается решением одной из научных проблем, связанной с определением функциональной значимости анализируемых языковых средств, т. е. с установлением их прагматической релевантности, что будет способствовать адекватному восприятию, пониманию и интерпретации изложенной в научных текстах информации. Также актуальность исследования определяется решением образовательных задач, связанных с формированием у студентов технических университетов профессиональной коммуникативной и многокультурной компетенций, предполагающих развитие умений достоверно переда-

вать информацию и аргументы в академических, профессиональных и личных контекстах, описывать и оценивать собственные и чужие взгляды и мнения, осознавать различные ценности. *Новизна результатов* проведенного исследования заключается в детализации специфики экспликации языковых средств в анализируемых жанрах англоязычного научного текста, в установлении комплексов доминирующих языковых средств, которые используются авторами для выражения собственных коммуникативных интенций вышеобозначенных жанров.

Авторская точка зрения на изучаемую научную проблему, полученные результаты исследования может проявляться через следующие категории: *оценка репрезентируемой информации, выражение уверенности в объективности полученных данных, выражение проблематичности в решении поставленной задачи*. Проанализируем наиболее частотные средства выражения оценки, включающей интеллектуальные и эмоциональные характеристики описываемых объектов / явлений. Следует отметить, что в основе данного исследования лежит интерпретация оценки как семантической категории, которая соотносится с понятиями ценности автора, на которые он опирается при анализе описываемых объектов / явлений. Также оценка интерпретируется нами как прагматическая категория, отображающая использование оценочных языковых средств в процессе речемыслительной деятельности автора текста, ориентированной на получателя информации. Данный подход предполагает взаимосвязь репрезентируемого научного знания с прагматическими факторами *адресант – адресат*. Употребление определенного оценочного значения обусловлено, таким образом, как собственным мнением автора, так и особенностями интерпретации содержательного фрагмента адресатом, на которого осуществляется интеллектуальное / эмоциональное оценочное воздействие. Исходя из анализа оценки как языкового и внеязыкового явления, главным уровнем ее представления следует рассматривать текст, относящийся к конкретному жанру. Оценка, являясь текстовой категорией, способствует актуализации основной коммуникативной интенции автора, которая коррелирует с сопутствующими коммуникативными интенциями, актуализируемыми в структурно-семантических компонентах текста.

В результате анализа экспериментального материала было установлено, что к основным маркерам оценки относятся оценочные прилагательные и наречия. Согласно статистическим данным наибольшую частотность употребления показали прилагательные со следующими оценочными значениями (утилитарные, нормативные и параметрические оценки со значением ‘размер / степень’ либо ‘количество / уникальность’), преобладающие в таком жанре научного текста как Н-Т статья. В научном докладе и учебно-научной лекции превалируют телеологические и темпоральные (со значением ‘время / порядок’) оценки. При этом степень концентрации оценочных лексических средств в структурно-семантических компонентах текстов дифференцируется в зависимости от их жанровой разновидности. Было установлено, что наиболее прагматически нагруженными в Н-Т статье являются такие компоненты, как *обзор проведенных исследований в конкретной области научного знания, описание полученных результатов*; в научном докладе – *выдвижение анализируемой проблемы, прогнозирование возможности продолжить исследование в соответствующей области*; в учебно-научной лекции – *актуальность представленного в лекции материала, дидактический блок*.

Степень проявления признака прилагательных может усиливаться или уменьшаться с помощью наречий, например, an *increasingly popular genre* ‘все более популярный жанр’, a *highly reliable protection* ‘высоконадежная защита’, *incredibly powerful engine* ‘невероятно мощный двигатель’. Использование наречий-интенсификаторов способствует увеличению оценочных значений лексем и повышению эффективности реализации главного коммуникативного намерения автора. Наибольшая частота использования наречий-интенсификаторов, усиливающих значения ингерентно-оценочных лексем, т. е. увеличивающих степень признака, была выявлена в таких жанрах научного текста, как лекция и доклад, что обусловлено устной формой репрезентации текстов указанных жанров, а также наличием двух видов речевого воздействия, направленных на сознание и эмоциональную сферу адресата: *To avoid the need for off-site emergency measures in case of accidents is an increasingly important problem* ‘Избежать необходимости принятия экстренных мер за пределами площадки в случае аварии становится все более важной проблемой’.

Выражение уверенности в объективности полученных данных имеет особую значимость для научного текста, поскольку он адресован научному сообществу, которое может одобрить или отклонить излагаемые в нем факты. Уверенность автора в объективности результатов проведенного исследования часто отражается посредством модальных модификаторов, оцениваю-

щих объект исследования с точки зрения возможности, реальности и т. п. Для экспликации уверенности в истинности нового знания автор использует модальные модификаторы, реализующие значение *необходимости* (*must accept* ‘придется принять’, *should be considered* ‘следует считать’) и *объективной возможности* (*can be regarded* ‘можно рассматривать’, *can be assumed* ‘можно полагать’): *Nuclear energy can be considered a mature technology commercially deployed in many countries* ‘Ядерная энергия может считаться зрелой технологией, коммерчески внедренной во многих странах’; *We must accept the existence of the fact of global warming and climate change* ‘Мы должны принять существование факта глобального потепления и изменения климата’.

Уверенность автора в истинности своих высказываний может выражаться с помощью модальных слов:

а) фактического знания, вводящих пропозицию знания или мнения и акцентирующих внимание адресата на достоверности репрезентируемой информации (*in reality* ‘в действительности’, *really* ‘действительно’, *in fact* ‘фактически’, *actually* ‘на самом деле’): *Of course, low marginal costs and high reliability give nuclear units and advantage in open markets* ‘Конечно, низкие маргинальные затраты и высокая надежность дают атомным блокам преимущество на открытых рынках’;

б) выводного знания, которые употребляются с пропозициями мнения и выражают уверенность автора в истинности излагаемой информации (*certainly* ‘безусловно’, *absolutely* ‘совершенно’, *positively* ‘решительно’, *obviously* ‘очевидно’, *undoubtedly* ‘несомненно’, *by all means* ‘конечно’): *Constant progress has undoubtedly been achieved regarding safety and environmental protection since the first deployment of nuclear energy systems* ‘Несомненно, постоянный прогресс был достигнут в области безопасности и защиты окружающей среды с момента первого развертывания ядерно-энергетической системы.

Уверенность автора выражается также посредством ссылок на общепринятое знание / мнение: *it is considered* ‘считается’;

цитирования мнений авторитетных ученых, что рассматривается как общепризнанное знание, разделяемое членами того или иного научного сообщества: *The Swiss scientist Dr. Graf thinks that in the 21st Century atomic science must become the instrument of our survival* ‘Швейцарский ученый доктор Граф считает, что в 21 веке атомная наука должна стать инструментом нашего выживания’;

ссылок на группу специалистов в определенной научной области: *The majority of ecologists agree that nuclear energy has the potential for contributing to future sustainable supply of energy services* ‘Большинство экологов согласны с тем, что ядерная энергия может внести свой вклад в обеспечение устойчивого энергоснабжения в будущем’;

ссылок, представляющих в обобщенном виде представителей различных организаций, научных центров, а также результаты научных исследований других ученых в определенной области знания: *The findings of this investigation show that the reduction of construction time adopted for nuclear power plants includes the use of modularization and prefabrication of civil structures and components and slip-forming techniques* ‘Результаты этого исследования показывают, что сокращение времени строительства, принятое для атомных электростанций, включает использование модульности и сборного изготовления строительных конструкций и компонентов, а также методов скользящей формовки’.

Распространенным средством является подкрепление статистическими данными приведенных фактических аргументов, представляющих доказательную базу исследования: *The 80 % of humanity in the poor and developing world continues to increase. The rate of birth is 20,000 per day* ‘80 % человечества в бедном и развивающемся мире продолжает увеличиваться. Рождаемость составляет 20 000 в день’.

К одному из частотных средств выражения уверенности автора относится использование эмфатических конструкций: *Today it is not science fiction but real science which tells us that such moment has come* ‘Сегодня именно не научная фантастика, а настоящая наука говорит нам о том, что такой момент наступил’.

Таким образом, обозначенные языковые средства направлены на то, чтобы убедить адресата в достоверности результатов исследования и, соответственно, в объективности полученного нового знания.

Неуверенность автора в истинности полученных результатов, в проблематичности поставленной задачи выражается, в основном, посредством модальных модификаторов, реализующих значение проблематичности (*might be admitted* ‘можно допустить’, *might seem* ‘может показаться’),

might appear to be ‘может оказаться’) и значение гипотетичности, показателем которого, главным образом, выступает модальный глагол *would* (*would turn out* ‘оказалось бы’, *would seem* ‘казалось бы’): ***I would expect that National Education Association can play an important role in creating more dynamic scientific teams in a multicultural environment*** ‘Я предположил бы, что Национальная ассоциация образования может сыграть важную роль в создании более динамичных научных коллективов в мультикультурной среде’. Вышеуказанные модальные модификаторы позволяют автору не категорично убеждать адресата в истинности полученных результатов, а выражать предположение об их истинности, что может явиться одной из возможных интерпретаций.

Неуверенность автора может передаваться также с помощью наречий, эксплицирующих значение предположения, выражающее субъективное мнение адресанта (*perhaps* ‘возможно’, *evidently* ‘видимо’). Например: ***Both men and women need energy for increased food production, <...> but possibly because of women’s gender role they suffer more for energy poverty*** ‘И мужчинам, и женщинам нужна энергия для увеличения производства продуктов питания, <...> но, возможно, из-за гендерной роли женщин они больше страдают от недостатка энергии’.

В научных текстах были выявлены наречия, обозначающие приблизительность того или иного признака, которые используются автором для уменьшения степени категоричности высказывания. Эти средства, снижая степень точности, ведут к обобщенному представлению об исследуемом объекте (*almost* ‘почти’, *generally* ‘в целом’, *usually* ‘обычно’, *relatively* ‘относительно’). В примере ***Almost 1.4 billion of the world’s people – just 20 % – account for 80 % of global economic consumption*** ‘Почти 1,4 миллиарда людей в мире – всего 20 % – составляют 80 % мирового экономического потребления’ автор, используя наречие *almost*, показывает свое мнение и предвидит аналогичное мнение у адресата.

Несмотря на стремление быть убедительным в представлении результатов собственного исследования, автор, используя языковые средства, эксплицирующие сомнение и понижающие таким образом степень уверенности, одновременно оберегает себя от непримиримых контраргументов и уменьшает личную ответственность за репрезентируемую информацию.

Заключение. Проведенное исследование особенностей научного дискурса позволило выделить набор языковых средств репрезентации в научном тексте позиции автора по отношению к излагаемой информации. Очевидно, что для доказательства истинности результатов проведенного исследования недостаточно представления полученных эмпирических данных. Необходимо обеспечение аргументированной интерпретации автором этих данных. Степень уверенности автора при интерпретации анализируемых данных (категоричная – некатегоричная) зависит от того, считает ли он репрезентируемую информацию объективной или требующей дальнейшего изучения. Использование выражений проблематичности позволяет автору научного текста противостоять возможным контраргументам и критике членов научного сообщества.

Литература

1. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М., 2003. – 90 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знания о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 555 с.
4. Чернявская, В. Е. Дискурс и дискурсивный анализ : традиции, цели, направления / В. Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: М. П. Котюрова (отв. ред.) [и др.]. – Пермь, 2002. – Вып. 5. – С. 122–136.
5. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 707 с.

Философия

УДК 113/119:316.422:303.442.4

EDN: TGTFUG

Преемственность и новизна в осмыслении модернизированного недиалектического материализма

В.Н. КАЛМЫКОВ

Показано, что К. Маркс и Ф. Энгельс синтезировали материализм и диалектику, подвели под диалектический материализм культурно-исторический и конкретно-научный фундамент. Отмечено, что в связи с вступлением современного социума в информационную, неоиндустриальную, гомотехногенную стадию потребовалось его осмысление в парадигме модернизированного недиалектического материализма. Предпринята попытка выделить важнейшие черты, проблематику этого философского направления.

Ключевые слова: традиции, творчество, неомарксизм, недиалектический материализм, объективная и субъективная диалектика, синергетика, культура, антикультура, закон сохранения человечества.

It is shown that K. Marx and F. Engels synthesized materialism and dialectics, brought the cultural-historical and concrete-scientific foundation under the dialectical materialism. It is noted that due to the entry of modern society into the informational, neo-industrial, homo-technogenic stage, its comprehension in the paradigm of modernized neo-dialectical materialism was required. An attempt is made to highlight the most important features and the problems of this philosophical direction.

Keywords: traditions, creativity, neo-Marxism, neo-Dialectical Materialism, objective and subjective dialectics, synergetics, culture, anticulture, the law of preservation of humanity.

Преемственность, традиции в философии – элементы социального и культурного наследования, механизм воспроизводства наиболее ценных понятий, идей, концепций, методов, отличающихся определённой устойчивостью. Традиции, как доказывал Т. Кун, являются условием возможности научного развития. Чтобы наращивать знания, делать открытия, необходимо опираться на прежние достижения.

Традиционализм сочетается с творчеством. Творчество в широком смысле есть созидание (творение), в узком – принятие нестандартных решений в ситуациях, не имеющих аналогов в прошлом. Творчество проявляется тогда, когда объективный мир, его фрагменты не удовлетворяют человека, вследствие чего он, включая духовные потенции, реализует их в своих замыслах и действиях по изменению действительности. Творчество включает в себя помимо созидания и момент деструкции в той мере, в какой необходимо устранить тормозящие факторы, освободить место для нового. Главная черта творчества – новизна.

Современная философия провозглашает конкуренцию описаний и точек зрения. П. Рикёр считает, что множественность интерпретаций и даже их конфликт является не пороком, а достоинством понимания. В текстах гуманитарных наук, философии наряду с чёткостью смыслов и определений присутствует многосмысленность, неопределённость (в меру), открытость. Одно из выражений поискового характера философии – формулировка идеи и концепции модернизированного недиалектического материализма. Предшественником данного направления выступает диалектический материализм.

Термин «диалектический материализм» появился в работах Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, но по факту основателями диалектического материализма стали К. Маркс и Ф. Энгельс, ибо они синтезировали в единое системное целое материализм и диалектику.

До Маркса философы в мире преимущественно видели противостояние духовного мира субъекта и природы. Маркс же сосредоточил внимание на мире общества. Основоположники диалектического материализма описали процесс антропосоциогенеза, обнаружили некоторые причины социальной дифференциации, раскрыли механизм формирования социальных институтов, выделили феномен общественного сознания и т. д., то есть подвели под диалектический материализм культурно-исторический фундамент.

В «Капитале» К. Маркса диалектика выступает в двух формах – объективной и субъективной: в виде диалектики развития объекта, а также отражённых аналогов объекта в сознании познающего субъекта, как логика и гносеология. «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение». Тогда «жизнь материала» получает своё идеальное отражение... Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1, с 21]. В приведённом суждении лаконично, но ёмко выражены синтез материализма и диалектики, идея о взаимопереплетении материального и духовного.

Ф. Энгельс проследил исторические пути развития диалектики. В «Анти-Дюринге» он объяснил, как проявляются законы диалектики в природе, обществе, духовном творчестве, показал, какое значение они имеют для научного миропонимания. В «Диалектике природы» осуществлена комплексная диалектико-философская обработка открытий естествознания, то есть под диалектический материализм была заложена конкретно-научная база. С позиций современной науки не всё в энгельсовской экспертизе естествознания оказалось совершенным. Энгельс задолго до открытий в физике высказал мысль, что атомы не являются чем-то простым, мельчайшими частицами вещества. Автор, таким образом, материю отождествлял с веществом. Но уже тогда появилось понятие электромагнитного поля, существовала волновая теория света. Эти открытия указывали на то, что материя не сводима к веществу. Мысль же о том, что атомы не есть нечто мельчайшее, простое, оригинальна.

Работам К. Маркса и Ф. Энгельса присущи как критическая направленность анализа философского наследия (преодоление рассогласованности между гегелевским диалектическим методом и его метафизической системой, абстрактного антропологического материализма Л. Фейербаха, эклектизма Е. Дюринга и т. д.), так и сохранение ценных аспектов из прежних учений. Были приняты и дальше развиты ряд позиций Нового времени: идея разума, который призван внести порядок в стихийное движение природы и преодолеть неблагоприятные случайности истории; идея социального прогресса, основанного на развитии науки, техники и человека, активного вмешательства людей в естественные процессы, расширения просвещения и т. д. Марксистской философии в целом характерны преемственность и новизна.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс определили глобальный смысл истории. «Чем шире становятся в ходе... развития отдельные воздействующие друг на друга круги, чем дальше идёт уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованию способа производства, общения и в силу этого стихийно развивающемуся разделению труда между различными нациями, тем во всё большей степени история становится всемирной историей» [2, с. 45]. И далее сказано, что этому «служит каждый индивид». В данном суждении в современной интерпретации предложена предыдея объективности и субъективности исторического процесса, осуществлён подход к идее глобализации. А в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса на материале капиталистических преобразований показаны возникновение мирового рынка, интернационализация производства, развитие экономических и культурных связей между народами, существовавшими при феодализме обособленно. Итак, была сформулирована идея глобализации. Концепция (тема) глобалистики в настоящее время вписывается в ареал неодиалектического материализма.

Непреходящее значение в марксизме сохраняют метод раскрытия противоречий в реальном процессе функционирования бытия, диалектико-материалистическое понимание мира и человека в мире, идеи свободного развития каждого как условия развития всех, сочетания экономической эффективности и социальной справедливости, индивидуализации и коллективистской солидарности, практического (в отличие от абстрактного) гуманизма.

Вместе с тем в марксизме имеются исторически ограниченные, отражавшие условия определённого периода жизни положения, не подтвердившиеся последующей общественной практикой. Были зафиксированы ряд явлений раннего капитализма – обеднения трудящихся, жестокой эксплуатации рабочей силы и т. п. – и приписан им постоянный характер. Борьба рабочего класса, социальное законодательство, акционирование капитала, научно-технический прогресс преодолели эти наиболее тяжёлые для трудящихся последствия капитализма.

Из-за отсутствия или ограниченности исторического опыта, влияния утопического социализма (Сен-Симон, Ш. Фурье Р. Оуэн и др.), давления потребностей политической борьбы в марксизме есть положения, содержащие элементы утопизма, «казарменного коммуниз-

ма». В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в проекте будущего устройства общества предусматривались экспроприация крупной капиталистической и земельной собственности, отмена права наследования, обязательность труда для всех, учреждение промышленных и земледельческих армий [3, с 126]. Что касается труда для всех, то сейчас провозглашаются новые нормы морали и видения, такие как «возможность жить, не работая вообще, поскольку небольшая часть общества, опираясь на современные технологии и робототехнику, в состоянии прокормить всех остальных» [4, с 33].

Когда Маркс и Энгельс отмежевывались от сиюминутных моментов политической борьбы, они в своих концептуальных воззрениях отделили коммунизм от грубого, уравнилельного, «казарменного», связав становление нового общества с высшим развитием экономики и личности.

Как реакция на определённые недостатки марксизма в Западной Европе возник неомарксизм (М. Хоркхаймер, В. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.), который попытался сочетать марксистские идеи с гегелевской диалектической концепцией, антропологическими и психологическими подходами. Неомарксисты, опираясь на доминирующую ценность марксизма – радикальный гуманизм, предполагающий акцент на роль и значение практики, важность преодоления отчуждения человека, включили в сферу анализа общие проблемы культуры, объявили принцип организации главным критерием для выделения исторических ступеней развития социума, проанализировали противоречия современного технизированного и бюрократизированного общества. Неомарксизм, в широком смысле, способствует соединению диалектического материализма с передовыми современными достижениями в различных областях философии и науки.

В частности, Ю. Хабермас констатирует: законы и установления властных структур взаимодействуют с общественным мнением: спускаемые «вниз», к народу законы сталкиваются с направленными «вверх» требованиями «общественности» и так осуществляется мирное развитие демократии [5, с. 76]. В приведенном высказывании, на наш взгляд, продемонстрирован механизм функционирования гражданского общества.

Требования «общественности» есть выражение коллективного. В менталитете восточных славян ещё со времён древнего вече, а позднее соборности, толоки, заложены коллективное мышление и взаимная ответственность за судьбу Отечества. Движение «вниз» и «вверх» можно трактовать как проявление прямой демократии. В современной Беларуси широкое распространение получила практика общественных приёмных, диалоговых площадок и т. п. Граждане не только просят у представителей власти помощи в решении проблем, но и вносят свои предложения. Таким способом осуществляется обратная связь между властью и гражданами, общественными институтами гражданского общества. Управленческая вертикаль не противопоставляется народу, а вместе с ним на основе обработки и оценки информации принимает решения и их реализует. Сильная социальная демократия в идеале и в значительной степени реально обеспечивает динамический баланс организации и самоорганизации общества, социального контроля и частных интересов, сотрудничества и конкуренции, консенсуса и одновременно плюрализма мнений людей.

В философской герменевтике текст рассматривается как «след», отсылающий к многообразию культурных практик, как пересечение различных контекстов и фрагментов опыта. Вторгаясь в «чужую субъективность», в данном случае в позицию Хабермаса о демократии, народо-власти и вводя домысливание (допуская, что через демократию демонстрируется механизм функционирования гражданского общества), мы рассуждения немецкого философа «переложили» на опыт политического развития современного белорусского общества. В неомарксизме, по нашему мнению, проявились некоторые фрагменты недиалектического материализма.

Через преимущественную установку на материальное производство обнаруживается связь марксизма с мировоззрением индустриальной цивилизации. Однако общество шагнуло в неоиндустриальную, гомотехногенную, информационную стадию, что требует дальнейшей теоретической проработки уже в рамках недиалектического материализма [6, с 82, 83].

Во второй половине XX ст. в СССР появился ряд философов, которые давали экзистенциально-антропологическую трактовку идей Маркса [7, с 31]. На Западе Ж.-П. Сартр пытался дополнить марксистское диалектико-материалистическое понимание истории экзистенциалистской концепцией существования конкретного отдельного человека. Проблематика человека, гуманистических ценностей, философия культуры, глобалистики становится центральной [8, с 27, 28].

Пожалуй, к предыдущему неодиалектическому материализму подошли Т.И. Ойзерман [9], В.С. Стёпин [10], Т.Б. Длугач [11], хотя они и не оперировали понятием «неодиалектический материализм». Этот термин впервые употреблён автором статьи в 2015 г. в учебном пособии по философии, где было сказано: «В условиях формирования современного общества знаний, возникновения технонауки, синергетики и т.п., преодоления некоторых устаревших и утопических идей марксизма складывается модернизированный неодиалектический материализм» [12, с 11].

Академик РАН В.А. Лекторский отмечает, что современная философия восприняла ряд плодотворных концепций диалектического материализма: глобальный эволюционизм, эпистемологический реализм, идею разных уровней реальности, деятельностный подход к пониманию сознания и познания и др. [13, с 51]. На наш взгляд, здесь выражены некоторые идеи и концепции, входящие в поле неодиалектического материализма. Впрочем, Лекторский, как и другие ранее названные философы, не использовал термин «неодиалектический материализм».

В нашем представлении в качестве базовых подходов при описании неодиалектического материализма выступают следующие:

- он избавляется от положений марксизма, утративших свою актуальность, от некоторых утопических постулатов «казарменного коммунизма»;

- неодиалектический материализм, помимо уже отмеченных Лекторским тем, включает в себя идею глобального эволюционизма, но сочетающегося с культурно-локальным разнообразием, уникальностью отдельных сообществ, концепцию практического гуманизма, создающего необходимые экономико-социально-политические и экологические условия для достойного, комфортного человеческого существования;

- неодиалектический материализм выступает как синтез ценного (и дополненного, откорректированного) из учения марксизма и передовых современных достижений герменевтики, персонализма, эволюционной эпистемологии, синергетики, сциентистских, антропологических и культурно-деятельностных концепций общества, идей технонауки (технонаука характеризуется сращиванием научного знания с производством технологических инноваций), опирается на новейшие достижения современной многогранной науки [14, с 93].

Неодиалектический материализм из разных достижений науки и философии материал вбирает выборочно, с корректировкой. Проиллюстрируем это на примере привлечения синергетики. Диалектика трактует развитие как раздвоение единого на ключевые противоположности, взаимодействие которых выражает глубинную суть предметов и является источником развития. Согласно синергетике, поведение сложных систем нелинейного типа в состояниях неопределённости происходит по бифуркационной модели в виде разветвления, множества альтернатив. Корректны оба сценария описания развития и в этом случае синергетика дополняет и обогащает диалектику и «работает» в пользу концепции неодиалектического материализма. Под углом зрения синергетики социальный мир предстаёт как децентрализованный, иерархически неупорядоченный, утративший целесообразность. Диалектика позволяет универсальнее взглянуть на мир: наряду с тенденциями к локализации, хаосу, стихийности она учитывает и противоположные – к централизации, порядку и целенаправленности. В синергетике недостаточно учитывается роль сознательного фактора духовной и идеологической сферы, возможности отдельного человека в сложнейшей динамике социума. Итак, необходимы уточнения, комментарии о месте синергетики в неодиалектическом материализме.

В XX–XXI вв. при рассмотрении диалектики используются идеи диалога, взаимопонимания, и вместе с тем столкновения жизненных альтернатив, коммуникативного действия, насилия и ненасилия, единства человечества и одновременно многообразия общественной жизни. Диалектика, обогащённая синергетикой, как инструмент познания выполняет прежде всего регулятивные функции, проблематизирует жизненные ситуации, предупреждает человечество о грозящих трудностях будущего, хотя и не даёт готовых ответов [15].

Современная философия, различая материальное и идеальное, акцентирует внимание на сближении и взаимопроникновении друг в друга того и другого, ибо идеальное есть не просто духовное, воображаемое, а оно существует как материализация замыслов, участвует и присутствует во всём, что человек делает разумно. Обозначенный подход вписывается в концепцию неодиалектического материализма.

Покажем интеграцию материального и духовного через рассмотрение основных сфер социума – способа производства благ, социальной, политической и духовной жизни.

Первичной по времени возникновения выступает экономика (производство благ), ибо труд как экономическая деятельность сформировал человека и общества. Труд, писал Ф. Энгельс, «создал самого человека» [16, с. 486]. «Экономический» человек был изначально субъектом по производству благ и удовлетворению услуг, он остаётся им и ныне. К. Поппер экономической организации общества отводил фундаментальную роль по отношению ко всем социальным институтам. Конечно, социально-политические институты также оказывают обратное влияние на экономику.

В названных четырёх основных сферах социума наличествует материальное и идеальное. Производство благ – материально-духовный процесс, ибо человек, агент производства, выступает не только как материальное природное (биологическое, физическое, химическое, механическое) существо, но и как духовное, обрабатывающее информацию, осуществляющее планирование совершаемого экономического акта, его осмысление, предвидение результатов. Производительные силы – это система вещественного фактора, средств производства и личностного фактора производства, обладающего физической силой, трудовыми навыками, производственным опытом, знаниями о методах ведения хозяйства и морально-волевыми качествами, в процессе функционирования которых осуществляется технологический процесс. Собственность как главный элемент производственных отношений выступает не только как материальное образование, но и как идеальное. В условиях конкуренции, состязательности она приобретает форму мотивации тех акторов, кто трудится не только по стандартным лекалам, но и придумывает оригинальное, эффективное, приносящее успех.

Некоторые философы при описании производства благ прибегают к понятиям «материальное производство – основа общественного развития» [17, с. 427–432], «материально-производственная сфера» [18, с. 197–202]. Корректнее, по нашему мнению, первичную сферу общественной жизни называть примерно так: «экономика», «экономическая сфера», «система хозяйствования». Ведь производство благ, как было показано, включает в себя не только материальное, но и духовное.

Духовность выполняет интегрирующую функцию по отношению к экономической, социальной и политической жизни. В социальной сфере присутствуют материально-экономические истоки появления социальной структуры и различные духовные компоненты функционирования индивидов и социальных общностей, выраженные в постановке целей, устремлений воли. В политической сфере имеется материальная база управления и его духовные составляющие (политические решения, планирование, идеологические программы и т. п.). Наконец, в духовной сфере наличествует материальное, ибо продукты духовной культуры облечены в материальную форму.

Мировоззрение как социальное ядро личности обеспечивает общую ориентировку в совокупности бытия, направляет программу поведения, поступков и действий людей, тем самым выступает в роли скрепы, объединяющей в единое целое части социального организма и цементирующей социальную реальность. Сближение и переплетение материального и идеального не отвергает дифференциацию на материализм и идеализм.

В центре внимания современной философии, в том числе в парадигме неодиалектического материализма, сейчас выступают социотехносфера развивающегося мира, культура, но не только, а ещё её антипод – антикультура. Культура транслирует, воспроизводит по принципу социальных эстафет нормы, программы поведения, коммуникации и деятельности. Если культура нацелена на созидание, то антикультура – на устремлённость к гибели. Носителями дискультуризации являются люди с нетрадиционной интимной ориентацией, те, кто не творят, а разрушают мир и самих себя [19, с. 71].

В современном мире, когда существует по ряду причин угроза гибели всего человечества, одной из центральных является проблема обеспечения выживаемости человечества и достойного существования отдельных людей на основе укрепления жизнеспособности социума, преодоления опасности ядерных, экологических, техногенных, антропологических и иных катастроф, выбора приемлемой стратегии развития общества, поиска новых этико-гуманистических и экологически ориентированных регуляторов деятельности. Закон сохранения человечества и дальнейшего развития цивилизации, пожалуй, выступает общим знаменателем всех современных глобальных проблем рискогенного, турбулентного социума.

Впрочем, закон сохранения человечества имеет корни в размышлениях философов прошлых эпох. Античные стоики (Зенон из Китиона, Хрисипп, Сенека и др.) утверждали, что жить надо в согласии с принципом мирового порядка. Демокрит полагал, что деятельность человека должна соответствовать его силам и природе. Т. Гоббс, Б. Спиноза и П. Гольбах рассуждали об инстинкте самосохранения особи, о стремлении человека к выживанию. Этот закон проявляется как на общечеловеческом, так и индивидуальном уровнях и выражается через различные параметры [20]. В его анализе, как и в ряде других рассмотренных вопросов, проявляются преемственность и новизна.

Познание и деятельность человека включают две составляющие: стандартное (по имеющимся образцам, схемам) и творческое, новизну в тех или иных изменяющихся пропорциях. Между этими видами возможны переливы, переходы из одного состояния в другое.

Неодиалектический материализм не замещает, не подменяет диалектический материализм, а впитывает наиболее ценное из диалектического материализма и учитывает современные реалии бытия и достижения науки и философии с дополнением и корректировкой.

Литература

1. Маркс, К. Капитал : в 2 т. / К. Маркс. – М. : 1978. – Т. 1. – С. 5–784.
2. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
3. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения в трёх томах. – М., 1985. – Т.1. – С. 98–138.
4. Розин, В. М. Системный подход и описание социальности современности как условие проектирования посткультуры / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 27–36.
5. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М. : Academia, 1995 – 252 с.
6. Калмыков, В. Фрагменты осмысления неодиалектического материализма / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2022. – № 9. – С. 82–88.
7. Лекторский, В. А. Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в. : современный взгляд ; под ред. В. А. Лекторского. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – С. 23–41.
8. Ань Цинянь. Взлёт и падение советской марксистской философии / Ань Цинянь // Вопросы философии. – 2023. – № 3. – С. 21–32.
9. Ойзерман, Т. И. Опыт критического осмысления диалектического материализма / Т. И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С. 3–31.
10. Стёпин, В. С. Важно, чтобы работа не прекращалась... Интервью с академиком Российской академии наук В. С. Стёпиным // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 16–71.
11. Длугач, Т. Б. Маркс вчера и сегодня / Т. Б. Длугач // Вопросы философии. – 2015. – № 1. – С. 23–31.
12. Калмыков, В. Н. Философия : учеб. пособ. / В. Н. Калмыков. – Гомель, 2015. – 354 с.
13. Лекторский, В. А. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола») / В. А. Лекторский [и др.] // Вопросы философии. – 2018. – № 10. – С. 31–66.
14. Калмыков, В. Народ в парадигме неодиалектического материализма / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2023. – № 9. – С. 92–98.
15. Калмыков, В. Мера разумного вмешательства. Диалектика и синергетика / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 1. – С. 98–102.
16. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М., 1951. – Т. 20. – С. 343–626.
17. Введение в философию : учеб. для вузов : в 2 ч. / И. Т. Фролов [и др.] – М., 1989. – Ч. 2. – 639 с.
18. Философия и методология науки : учеб. пособ. / Ч. С. Кирвель [и др.]. – Минск, 2012. – 639 с.
19. Калмыков, В. Противоречивость культурного функционирования социума / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2019. – № 10. – С. 69–74.
20. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 10. – С. 94–99.

Этические измерения феноменологии Э. Гуссерля в контексте проблемы конституирования субъекта исторической памяти

Д.В. МАЛАХОВ

Статья посвящена этическим составляющим феноменологической философии и экспликации потенциала целостного личностного измерения субъекта знания. Работа носит обзорный характер и призвана конкретизировать основные этические диспозиции ценностно-мировоззренческого конституирования субъекта исторической памяти на основе идей Эдмунда Гуссерля позднего периода его философского творчества. В качестве основных черт субъекта исторической памяти выделяются личная заинтересованность, ответственность суждений и ориентация на императивные формы смыслополагания исторических событий.

Ключевые слова: Гуссерль, феноменология, этика, историческая память, личность, экзистенция, мировоззрение, сознание.

The article is devoted to the ethical components of phenomenological philosophy and the explication of the potential of the holistic personal dimension of the subject of knowledge. The paper is of a review context and is intended to concretize the main ethics dispositions of the value-worldview constitution of the subject of historical memory based on the ideas of Edmund Husserl of the late period of his philosophical creativity. The main features of the subject of historical memory include personal interest, responsibility of judgment and orientation towards imperative forms of making sense of the historical events.

Keywords: Husserl, phenomenology, ethics, historical memory, person, existence, worldview, consciousness.

Помещая проблему методологических и теоретических оснований актуализации исторической памяти в контекст феноменологической философии, мы стремимся дистанцироваться от исследований, которые основываются на более или менее адекватном историографическом представлении перечня уже существующих этических положений и формируемых на их основе методов и методологических подходов в сфере, которая может быть названа феноменологией исторической памяти. Подобная установка зачастую рассматривается как каноническая форма проведения исследований в условиях «нормально» функционирующей науки, несмотря на то, что по своей сути она соответствует, скорее, тому типу рассмотрения существующих концепций и тенденций их развития, который эксплицирует феноменологическую методологию не в горизонтах ее конкретного применения, но исключительно в историко-философском аспекте. В рамках данной установки формирование подлинной этической и теоретико-методологической эвристики видится нам весьма трудной, если вообще выполнимой задачей. В чем именно может и должна состоять этическая составляющая феноменологии в отношении исторической памяти и ее носителя, или субъекта? По всей видимости, это проблема корреляции нормативного (внешнего) и императивного (внутреннего) знания.

С нашей точки зрения, даже полностью обоснованная в социокультурном пространстве и выполняемая в *одушевляющем* режиме духовно-нравственной близости с историческим событием его нормативная, символическая актуализация не всегда достигает личностного, императивного уровня его актуализации. Результатом опоры исключительно на нормативные и символические формы актуализации исторической памяти крайне редко становится факт действительно осуществляемого субъектом памяти обобщения *этической* составляющей исторических событий, к примеру, до пределов его гештальтных форм понимания *человека и человечности как таковых*, находящихся в живой и непосредственной связи с современной историей. А ведь именно это и образует жизненность исторической памяти, позволяет рассматривать ее актуализацию в ранге конститутивного акта собственного сознания и собственной жизни. С целью конкретизации данной интенции мы обратимся к феноменологической философии и рассмотрим ее этические основания в том виде, в котором они представлены создателем трансцендентальной феноменологии Эдмундом Гуссерлем.

Согласно принципам классической феноменологии, сосредотачивая смысл исторического события в мышлении и экзистенции, человек обретает этическую по своей сути возможность его темпорального доисполнения как своеобразной синергии собственного ритма понимания события и ритма его исторического восприятия. По мысли В.В. Библихина, именно «через человека и посредством человека событие показывает себя, становится явленно-явным» [1, с. 137]. Примечательно, что в схожем ключе высказывается известный американский специалист в области философии истории П. Хаттон, согласно которому «историческое познание является преобразованием своего “Я”», поскольку «Благодаря своим путешествиям в прошлое, историку приходится признать, что само время является предпосылкой понимания, а не расстоянием, которое следует преодолеть. Именно временность условий нашего человеческого существования, а не наши критические способности, делает понимание прошлого возможным. Темпоральность расположена не в наших мыслях, а в экзистенциальных условиях нашего существования» [2, с. 377].

Таким образом, экзистенциальная специфика этического рассмотрения субъекта памяти базируется на манифестации необходимости «умной» экзистенции, способной дать себе отчет в своих собственных ценностных основаниях, вынести кризисы и сомнения самого разного рода. Это, не побоимся подобного слова, *живое* мировоззрение, существо которого блестяще описал современник Э. Гуссерля А. Швейцер: «Каким требованием должно отвечать мировоззрение, чтобы быть культуротворческим мировоззрением? Первое и наиболее общее требование сводится к тому, что мировоззрение должно быть мыслящим. Только то, что рождено мышлением и обращено к мышлению, может стать духовной силой для всего человечества. Только то, что преломляется в мышлении множества людей и при этом воспринимается как истина, обладает естественно передаваемой и неиссякаемой силой убеждения. Только при условии постоянного апеллирования к мыслящему мировоззрению могут пробудиться все духовные способности человека» [3, с. 73]. Цитированный фрагмент работы «Упадок и возрождение культуры», опубликованной в 1923 г., хронологически полностью совпадает с написанием Э. Гуссерлем цикла статей, известных как «Статьи об обновлении» [4], написанного для японского литературно-философского журнала «Кайдзо» в 1923 г.

Основным лейтмотивом данных статей выступает задача обоснования «абсолютного этического требования», выдвигаемого Э. Гуссерлем в отношении философского разума в конкретных исторических условиях – времени «полном невзгод, среди общего краха европейской культуры», когда Первая мировая война «разоблачила внутреннюю неистинность, бессмысленность этой культуры», когда именно «разоблачение препятствует ее собственной энергии подъема» [4, с. 111]. Из этой ситуации потерянности былых смыслов и смыслопорождающих интенций жизни культуры Э. Гуссерль делает далеко идущий обобщающий вывод о *единстве* разума и экзистенции, способном буквально воскресить веру в благие идеалы культуры и социума: «Та или иная нация, то или иное человеческое сообщество живут и творят в полноте силы тогда, когда их ведет вера в себя, удерживающая их на этом подъеме, – вера в прекрасный и благой смысл их культурной жизни; когда они, таким образом, живут не просто так, но перед лицом того, что представляется им великим, и находят удовлетворение, постоянно продвигаясь вперед в осуществлении подлинных и возвышенных ценностей» [4, с. 111]. Указанное единство имеет фундаментальную интенцию, или настроенность, на обретение нового, подлинно гуманистического состояния человечества, борьба за которое «когда она является неуклонной и постоянной, имеет ценность при любых обстоятельствах», поскольку «она сама по себе возвышает борющуюся личность на ступень истинной человечности; именно единство разума и экзистенции, существом которого выступает борьба, направленная «на достижение лучшего состояния человечества и подлинно гуманной культуры, должны мы будем признать за абсолютное этическое требование» [4, с. 112]. Вера в осуществимость этих замыслов никоим образом не постулируется Э. Гуссерлем как вера суетная, повседневная, основанная исключительно на фантазиях. Можно сказать, что его вера в будущее европейского человечества столь же разумна, сколь и страстна. Она в состоянии «сдвинуть гору» катастрофической расслабленности разума и воли не в испепеляющем желании избежать роковой для западной культуры и цивилизации судьбы, которая

в полной мере проявится спустя десятилетие после написания Э. Гуссерлем «Статей об обновлении», но только в том случае, если «превратится в трезвую, рационально проясненную мысль, если она придет к полной определенности и ясности в своей сущности и по отношению к возможности ее целей и метода реализации» [4, с. 112].

Словно в унисон Э. Гуссерлю звучат слова А. Швейцера, который, в отличие от первого, смог найти для себя личностную, действенную, конкретную форму оправдания разума и культуры западного общества в долгих годах осуществления милосердия и самоотдачи в качестве врача в центральной Африке: «Волею обстоятельств мы оказались вынужденными обходиться без полноценного мировоззрения. Крах философии и зарождение естественнонаучной теории сделали недостижимым для нас идеалистическое мировоззрение, удовлетворяющее мышлению. Такое положение сохраняется по сей день. Кроме того, наше время было так бедно подлинно глубокими мыслителями, как, пожалуй, никакое другое. Некоторое число старательных умов, которые, обладая большими познаниями и руководствуясь самыми благими намерениями, пытались соединить в одно целое разрозненные обрывки, и несколько ослепительных комет – вот и все, чем одарила нас судьба. То, что эти умы привнесли мировоззренческого, могло заинтересовать какой-нибудь академический кружок и воодушевить нескольких последователей и учеников. Народ же не извлек из их теоретического вклада ничего. В итоге мы начали внушать себе, что можно обойтись и без мировоззрения. Потребность выдвигать вопросы о сущности мира и жизни и давать на них ответы заглохла в нас. Постигшее нас бездумье привело к тому, что мы приняли для своей собственной жизни и жизни общества случайные идеи, подсказанные нашим чувством реальности» [3, с. 73].

Таким образом, за десять лет до прихода к власти нацистов в Германии Э. Гуссерль и А. Швейцер предупреждают европейское человечество о катастрофическом положении дел в сфере разума и этики. Почему же в отечественной «историографии» философских идей подобное понимание существа мышления основателя феноменологии является столь редким, что требуются серьезные усилия, чтобы обнаружить научные комментарии по этому поводу? Быть может, принципиальное ориентирование Э. Гуссерля на сообщество интеллектуалов, мыслителей, которые, как известно, зачастую весьма индифферентны в отношении того, чтобы реализовать философские смыслы в собственной жизни, не говоря уже о жизни общественной? И почему эти усилия оказываются *почти* тщетными, поскольку мы можем назвать лишь несколько имен тех, кто по-настоящему понял замысел феноменологии Э. Гуссерля как попытки рационально перестроить, изменить человека, мир, человечество: Константин Михайлович Долгов, Эрих Юрьевич Соловьев, Владимир Вениаминович Бибихин? Понимание универсальной природы этического измерения гуссерлевской феноменологии именно этими мыслителями мы полагаем в качестве базовых интенций в перспективе выполнения задач настоящей статьи. Именно эти интенции, сущностным образом вмещающие в себя основные черты мышления Э. Гуссерля, и выступят этическим и ценностно-мировоззренческим сопровождением раскрытия потенциала феноменологической философии в отношении актуализации исторической памяти и конституирования ее субъекта.

Согласно К.М. Долгову, «феноменология – это постоянное имманентное осмысление человеческого существования в свете “телоса” – бесконечной идеи, раскрывающей смысл существования человека и человечества. И в ее, пользуясь словами Гуссерля, “сущностной и закономерной типике” сквозит стойкое телеологическое представление, пронизывающее весь проблемный массив феноменологии» [5, с. 53]. Э.Ю. Соловьев также настаивает на этическом контексте замысла гуссерлевской феноменологии, в которой духовно-нравственный телос человеческого бытия определяется абсолютно необходимым для него историческим жизненным миром, выступающим «как проект, задание, предполагающее не просто далеко-видное-благоразумное, но беззаветное отношение к себе со стороны реализующего их индивида» [6, с. 392]. По мнению В.В. Бибихина, трансцендентальное измерение субъективности у Э. Гуссерля выступает отнюдь не методологической *моделью* абстрактного познания, но смыслообразующим обоснованием сущего мира и этики межчеловеческих отношений; в этом и только в этом смысле «чистый разум у Гуссерля *внутренне присущ миру*», вследствие чего оказывается возможным, «чтобы философами были *все*, чтобы *все* строили себя в свободном, благом разуме» [7, с. 323]. Согласно же А.В. Ахутину, феноменология «есть аналитика пер-

вичного опыта (восприятия, созерцания, переживания), она имеет в виду не опыт, который приобретается в переживаниях (экспериментах), который организуют (технически) и “извлекают”, умножают, а опыт мира, в котором всегда уже пребывают. Углубляясь в этот анализ, феноменология выходит далеко за пределы исходной *гносеологической* задачи по обоснованию научного знания в узком смысле слова. Речь идет об аналитике первичности первичного опыта, о том, что значит быть первым в опыте, начальным. Такая постановка вопроса и придает феноменологии размах первой философии» [9, с. 156].

Данные интерпретации феноменологического субъекта познания и самой феноменологии, естественно, не могут быть имплементированы в эпистемологию в прямом смысле этого слова. Вместе с тем, возможность интеграции существует, когда речь заходит о формах присутствия философского знания и их этической составляющей в структурах мировоззрения. Факт принадлежности личности ученого и философа к той или иной форме мировоззрения, конечно, не в состоянии оказывать непосредственное влияние на характер устанавливаемого им научного факта или научной истины в виде теории. Однако в отношении социально-гуманитарных наук мировоззренческие убеждения субъекта познания, как, естественно, и субъекта памяти, оказываются способны генерировать определенные ценностные опции. К таким опциям мы относим личную *расположенность* и повышенную *чувствительность* к сложным экзистенциальным проблемам личности, социума и истории. Они обнаруживают себя в стремлении к исчерпывающей полноте научного анализа, выборе приоритетного предмета исследования и системы абстракций, а также стремления к достоверному, обоснованному суждению о внутренней логике исторических событий и смысловых композиций их присутствия в мире современном. В этом отношении примечательно замечание В.А. Лекторского о том, что «именно “Я” есть инстанция принятия свободных решений. Лишь при наличии единства сознания возможна ответственность за поступки, которые немислимы в том случае, если сознание распадается на фрагменты, если прошлое не связывается с настоящим и будущим» [8, с. 14]. Действительно, как показывает история феноменологического движения, факт беспрецедентного углубления субъективной и, шире, личностной составляющей процесса познания в феноменологически ориентированной философии несомненен.

Вернемся к историческому измерению этики. На наш взгляд, *близость* времени, катастрофическое существо которого мыслилось Э. Гуссерлем и А. Швейцером, и нашего времени заключается не только в том, что это *условная* близость события и рефлексии о нем, то есть близость непосредственного начала фактической катастрофичности европейской истории и его теперешнего детального научного и ценностно-мировоззренческого осмысления. Близость воплощается также в глубокой схожести кризиса *рациональности* – рассудка, разума и их этических измерений. Ведь сейчас речь идет о той же «научной рациональности», которая, согласно Э. Гуссерлю, оказывается не в состоянии не только разрешить, но даже корректно поставить проблему человека, действующего в мире, и в своих действиях мотивированного априорными духовно-нравственными содержаниями и интенциями разума. В рамках современной «рациональности» с успехом формируются и выдвигаются на доминирующие этические позиции фантомные и откровенно античеловеческие проекты конституирования образа человека и человеческого будущего («постчеловечество», «постапокалиптическое человечество», «цифровое человечество» и т. п.), а также немислимые прежде попытки оправдания нацизма в отношении теории и практики актуализации исторической памяти. Какова же в таком случае задача формирования, или конституирования, субъекта исторической памяти, значение которого сегодня действительно трудно переоценить? Она видится нам довольно прозрачной: субъектом ценностно-мировоззренческих императивных форм памяти может быть свободная, этически вменяемая, интеллектуально зрелая и сознающая свою непосредственную ответственность за истинность памяти личность. Однако в какой мере данная диспозиция находит основания в специфике самой феноменологии и ее базовых процедур – *редукций*, целью которых является изъятие сознания феноменологического субъекта познания из поглощенности обыденностью и тривиальностью расхожих взглядов и убеждений, неизменно господствующих в мире? Способствуют ли подобные процедуры переводу мышления, экзистенции и личностных этических требований в пространство императивно приобретаемого знания, в том числе о событиях прошлого?

Известный российский философ С.А. Смирнов предлагает сделать акцент на ценностном измерении личностного бытия в корреляциях с актом мышления, специфику которого он оценивает в качестве универсально значимого философского акта, выводящего субъект познания в универсальное этическое измерение. Именно феноменологическую специфику отстранения сознания от непосредственного обыденного существования и от поглощенности им С.А. Смирнов усматривает в качестве того интеллектуального требования, согласно которому этическая оценка наличного состояния мира, сознания, социума становится в принципе осуществимой: «Я осуществляю сдвиг от своего эмпирического Я, существующего наряду с другими “вещами” в этом мире – в сторону Я экзистенциального, наличного в пространстве культуры. <...> Это осуществление философского акта как постоянно воспроизводящего кода культуры зависит от конкретного лица и его личностных механизмов. <...> Все это относится к моему эмпирическому Я. Но есть Я интенциональное («интенциональность» как направленность сознания на смысл феномена есть базовое понятие феноменологии Э. Гуссерля – Д.М.), в котором скрыто мое глубинное <...> я “хочу”, некое интенциональное целое, которое в пространстве мышления сталкивается с другими интенциями других Я. И происходит Встреча. Она происходит не в бытовом эмпирическом мире, а в пространстве предельных бытийных миров, там, “где нога не ступала”, где всякий раз человек заново вынужден обустроиваться, где он никогда не привыкнет к самому себе» [10, с. 26–27].

Таким образом, первоначальный философский акт «сдвига» мышления в имманентную сферу самобытия, не может существовать как неоправданный в этическом измерении человеческого бытия. Конкретное бытие личности, выходящее в онтологический модус смыслополагающего субъекта познания, должно выступать в качестве как истока любых последующих актов смыслополагания, так и необходимого условия их осуществления. Поэтому принятый С.А. Смирновым термин «экзистенциальное Я» не должен вводить в соблазн своего противопоставления «трансцендентальному *Ego*» Э. Гуссерля, поскольку и в том и в другом случае речь идет о философском требовании выведения сознания человека за пределы всецелой эмпирической, обыденной обусловленности его актов познания: «Философ, осуществляя сдвиг, преодолевает ограниченность своего житейского, социального, национального, политического опыта (по Э. Гуссерлю, осуществляет редукцию) и опускается до предельных оснований, которые могут быть уловлены и поняты лишь метафизически, т. е. именно как пределы бытия. Человек в них нисходит до плана чистого мышления и полного бытия, нисходит до основы, в которой мышление и бытие как таковые теряют свои различия. Человек опускается к исходной чистоте первозданности, пытаясь уловить, узреть ее. Ухватывание этой предельности и переживание от этого полноты бытия, обретение себя как существенности, равной Миру и Богу, – таково всеобщее содержание философского акта, характерного для всех, кто посмел его осуществить, и в котором все философы равны, и где нет материалистов и идеалистов, рационалистов и иррационалистов» [10, с. 27].

Акцент, который делает С.А. Смирнов на онтологическом аспекте философского акта, соотносимого им с выполнением процедуры трансцендентальной, или феноменологической, редукции, весьма примечателен и подчеркивает специфику ее понимания у самого Э. Гуссерля, нередко обвиняемого в том, что его «трансцендентальное *Ego*» отменяет собой эмпирического человека, подчиняя личность внечеловеческим «чистым» формам мышления. При этом эмпирический человек, глубоко укорененный в мире культуры и социума, чуть ли не обнуляется и не отмечается в качестве субъекта «естественного» сознания, не соответствующего замыслу трансцендентального генезиса феноменологического субъекта познания. Это серьезное обвинение, которое требует комментария, поскольку, если оно оказывается справедливым, то о каких этических измерениях личностного бытия и императивно конституируемых форм существования субъекта исторической памяти можно вообще вести речь? Тогда человек предстает не субъектом памяти или познания, а недостижимым для «грешного мира» высшим существом, смыслотворчество которого *a priori* оказывается несоотносимым с любым *человеческим* измерением бытия, познания, этики.

Действительно, в современной философской мысли встречаются мнения о том, что в своей трансцендентальной феноменологии Гуссерль «мощно и последовательно выражает линию “ничто”, потенциализма и формализма, чистого и безмолвного математического зна-

ния» [11, с. 60], являясь при этом своего рода провозвестником кибернетической и постмодернистской бесчеловечности, интеллектуально освоившей идею о том, что эмпирическая, психологическая, живая реальность представлена в феноменологическом опыте мышления «*лишь* (выделено нами – Д.М.) интенционально, направленностью на нее, т. е. в виде *состояния сознания*» [11, с. 61]. Благодаря подобным интерпретациям классическая феноменология сводится к проекту обезличивания сознания, этических оценок абсолютного характера трансцендентальной субъективности. При этом совершенно теряется из виду этико-ориентированная телеология жизни феноменологического сознания: абсолютная ответственность философа за судьбу человечества и исполнение идеального замысла о нем – в первую очередь в себе самом. Поэтому представляется важным упомянуть об оценке З.М. Какабадзе, даваемой им «трансцендентальному *Ego*» Э. Гуссерля как началу, сосредотачивающему в себе смысловую определенность значений и отношений *самих* сущих вещей и событий, которые «относясь друг к другу, в конечном счете, относятся ко мне и находят во мне тот “центр” мировых отношений, в зависимости от которого получают свои определенные значения, определенный образ. Я как субъект с моими “интенциями” и “интенциональными актами” составляю некоторый центр системы мировых отношений, и вещи, определяя себя в отношениях между собой, в конечном итоге определяют себя в отношении ко мне. Я, образуя и понимая себя сам через самого себя, через мои “интенции”, образуя и понимаю окружающий мир через меня, т. е. образуя и понимаю его в зависимости от того, как отвечает он мне, моим “интенциям” и “интенциональным актам”» [12, с. 98].

Чтобы развеять миф об обезличенном характере феноменологического субъекта познания и практики, следует отметить, что значимость естественной установки сознания и связанных с нею переживаний не подвергается Э. Гуссерлем (в процедуре «трансцендентальной редукции») ни негации, ни обесмысливанию, но в полной мере сохраняет значение *необходимого* условия феноменологического смыслополагания. Согласно авторитетному российскому феноменологу, представителю «генетической» феноменологии, апеллирующей к идеям позднего периода творчества Э. Гуссерля, А.Э. Савину, «*феноменологическое учение о методе должно не только сопровождаться, но и определяться исторической рефлексией*, которая выявляет зависимость феноменологических операций от горизонтов, в которых они осуществляются. Решение вопроса о возможности и характере трансцендентального эпохе и редукции предполагает, следовательно, феноменологическое различение горизонтов, в которых феноменология возможна, и тех, в которых она невозможна, а также выявление горизонтных предначертаний (заранее существующих структур правил развертывания опыта), которым следует феноменология в своем историческом развитии. <...> В генетической феноменологии трансцендентальное эпохе и редукция осуществляются посредством выявления связи габитуализации и горизонта в главном аспекте – связи между естественной установкой как пра-привычкой (*Urgewohnheit*) с ее общим тезисом (верой в бытие мира) и горизонтом всех горизонтов, миром» [13, с. 28].

Таким образом, центрированный на этической составляющей подход к конституированию субъекта исторической памяти может быть без осложнений скоррелирован с основными методологическими процедурами феноменологии Э. Гуссерля, которые, как было показано, никоим образом не подвергают сомнению онтологический статус целостной человеческой личности. В этом отношении, слова М. Хайдеггера о том, что вещи, выступающие для мышления и экзистенции в качестве сущностных феноменов, порождаются и воспроизводятся в мире исключительно благодаря личностному, одинокому усилию мышления [14, р. 45], представляются знаковыми и сохраняющим в себе *след* и *суть* гуссерлевского учения. Остается заключить, что интересующий нас субъект исторической памяти может быть определен как свободная человеческая личность, осуществляющая имманентные акты присвоения исторических событий в качестве их предельно значимого для себя и, следует особо подчеркнуть, *не* обыденного и *не* тривиального смысла, способного противостоять откровенно ложным формам конструирования дискурсов и нарративов памяти. Созидающим нервом и основанием данного подхода является этический постулат Э. Гуссерля о том, что способностью к созиданию мира на основе разума обладают свободные мыслящие личности, «вовлеченные в окружающий нас мир, постоянно его преобразующие» [4, с. 112]. Иными словами, личности, добровольно возлагающие на себя ответственность

за реализацию тех ценностных установок, которые приобрели для них характер внутренне обоснованного, императивного этического требования. Приведенные в статье высказывания К.М. Долгова, Э.Ю. Соловьева, А.В. Ахутина, С.А. Смирнова, В.В. Бибикина, З.М. Какабадзе и А.Э. Савина подтверждают ценностные полномочия гуссерлевского учения о личности как о разумном, этическом средоточии историчности человеческого мира.

Литература

1. Бибахин, В. В. Пора (Время-Бытие) / В. В. Бибахин. – СПб. : Владимир Даль, 2015. – 367 с. – (Серия «Слово о сущем»).
2. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 423 с.
3. Швейцер, А. Культура и этика Философия культуры. Часть вторая / А. Швейцер // Благоговение перед жизнью : Избранные труды. – М. : Прогресс, 1992. – С. 83–240.
4. Гуссерль, Э. Статьи об обновлении / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 111–135.
5. Долгов, К. М. От Киркегора до Камю : Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века / К. М. Долгов. – М. : Искусство, 1990. – 399 с.
6. Соловьев, Э. Ю. История и этика феноменологии позднего Гуссерля / Э. Ю. Соловьев // Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). – М. : Политиздат, 1991. – С. 389–402.
7. Бибахин, В. В. История современной философии (единство философской мысли) / В. В. Бибахин. – СПб. : Наука, 2014. – 398 с.
8. Лекторский, В. А. Умер ли человек? / В. А. Лекторский // Человек. – 2004. – № 4. – С. 10–16.
9. Ахутин, А. В. Античные начала философии / А. В. Ахутин. – СПб. : Наука, 2007. – 783 с.
10. Смирнов, С. А. Опыты по философской антропологии (Человек в пространстве культуры) / С. А. Смирнов. – Новосибирск : АО «Офсет», 1996. – 184 с.
11. Кутырев, В. А. Крик против небытия / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 60–72.
12. Какабадзе, З. М. Проблема человеческого бытия / З. М. Какабадзе. – Тбилиси, 1985. – 309 с.
13. Савин, А. Э. О сущности феноменологической философии / А. Э. Савин // HORIZON. – 2015. – № 4 (1). – С. 9–37.
14. Heidegger, M. Logic as the Question Concerning the Essence of Language / M. Heidegger ; Transl. into English by W.T. Gregory, Y. Unna. – Albany : State University of New York Press, 2009. – 177 p.

Экзистенция «героя» как событийная форма обладания судьбой

А. Д. ПАВЛОВЕЦ

Статья посвящена исследованию классического и неклассического понимания субстанциальности судьбы как изначально внеположного начала, не зависящего от мышления человека, человеческой воли и деятельности, определяющего его конечные цели. Концепция судьбы обосновывается в статье в качестве свободного и субстанциально определённого бытия как бытия для персональной формы торжества судьбы. Свершение человека, экзистенциальный модус бытия которого состоит в стремлении реализации судьбы в качестве высшего смысла и телеологического замысла собственного существования. Экзистенция героя как носителя существования для судьбы предполагает субстантивацию, поскольку герой выступает не в качестве исполнителя трансцендентных для него велений судьбы, но как человек, восполняющий субстанциальность самой судьбы в творческих, трагических актах самоисполнения.

Ключевые слова: герой, судьба, событие, состояние, свершение, субстанциальность, деяние.

The article is devoted to the classical and non-classical types of understanding of the substantiality of fate as something that has arisen outside and not expressed from mass thinking, will and the beginning of activity that achieves its ultimate goals. The article settles down the concept of fate as a free and substantially deliberated the being as a being-for a specific form of fulfillment of fate. The implementation of a person, an existential mode of being of whom, consists in the desire to realize the highest meaning and teleological intention of one's own console. The existence of the hero as the bearer of «existence for fate» implies the substantiation, because the hero projects not as an executor of the transcendental to him dictates of fate, but as a person who reproduces the substantiality of the chief fate in creative, financial acts of self-fulfillment.

Keywords: hero, fate, event, condition, accomplishment, substantiality, deed.

При рассмотрении вопроса о человеке, человечестве и его судьбе значение понятия «судьбы» для первого зачастую откладывается в форме сущностного осмысления. Эта задержка, или временное оттягивание, с одной стороны, естественно для самой судьбы мысли как для чего-то внеположного человеку в своём истоке, а также его собственным мышлению и жизненному миру; с другой же стороны, кажущаяся задержка в действительности может означать лишь слепоту внутреннего зрения, при котором, если оно осознанно или по крайней мере элементарно допущено как возможное состояние ума, чувств и воли, возможно иное понимание временной паузы в рождении и представлении смысла – как ослепляющей феномен видимости того, что пока человеком не зримо и не предполагаемо. Подобная «задержка», с нашей точки зрения, скорее искусственна. Это связано с тем фактом, что многие исследователи и мыслители, ставящие целью концептуализировать понятие судьбы, увидеть её место в культуре, различить её эпохальные формы, выявить и сформулировать комплексные подходы к её пониманию, неизменно оставляют в стороне от своих поисков ответ на вопрос о том, что значит иметь судьбу? Выделение судьбы в разряд исключительно и только понятий, категорий, концептов сразу же отстраняет нас от данного вопроса, элиминирует судьбу от антропологических истоков, вводя её таким образом в ряд отвлеченного от мира, созидающего и преображающего жизнь и сознание, превращая из основополагающего факта в одну из констант культурологии или гносеологии. Благодаря подобным когнитивным установкам судьба модифицируется или даже адаптируется под определённый тип научного дискурса в виде имплицитной логической единицы, более или менее удачно препарированной им на прозекторском столе классификаций, дефиниций и структурно-функциональных штудий. Но сущность её, как ни странно, остаётся не найденной, скрытой или просто не явленной в ослепляющем присутствии судьбы, взгляд которой оказывается устремлён на своё распостертое понятие и ровные швы концептуальных скреп, которыми в итоге оказывается усеяно её «тело».

Пожалуй, лишь за исключением Мартина Хайдеггера, западная философия двадцатого столетия низводит понятие судьбы к полному забвению, помещая его в архиве суеверий. Отчасти это происходит потому, что дефиниция судьбы традиционно рассматривалась как итог

и осмысление религиозной веры, которая, с точки зрения мышления «научной картины мира» и «антиметафизического» проекта позитивизма и аналитизма самых различных толков и направлений, поработала человека и мешала ему владеть собой в перспективе освобождения от тех самых «суеверий». Идея судьбы была демифологизирована и демистифицирована в той степени, в которой человек углублял знание объективных обстоятельств и ассерторических истин в русле научного развития экономических, культурных, языковых, историцистских, гештальт-функциональных программ и стратегий. Дело, безусловно, не могло обойтись и без апелляции к бессознательным формам ментального вытеснения, как и к невротически фундированным запретам, налагаемым на себя человеческим «эго». Позитивным исходом же, по всей видимости, представлялись рациональные принципы рождения и становления «суперэго», позволяющие индивиду нового времени ощутить себя в качестве присутствующего в мире и реализующего в нём свои стремления, освоившие, наконец, социально приемлемые формы ремиссии неврозов и психопатологий. Демифологизация и демистификация судьбы произошли, естественно, и в таких течениях, как неodarвинизм, марксизм, семиотика, постструктурализм, культурная антропология. По сути дела, открытие новых детерминант социального поведения и развития, стилей научного мышления сделало концепт судьбы рабом слишком большого количества цепей и интеллектуальных изощрений.

Изотропность реального исторического времени неоспорима, поэтому невозможно пересматривать судьбу задним числом, как невозможно и просто игнорировать судьбу. При всем разнообразии своих поисков философия всё же серьёзно отнеслась к давлению, оказываемому силой времени. Исходя из этого бесспорного факта, наша цель в настоящей работе определяется следующим образом. Выявить характеристики понятия судьбы в том виде, в котором оно присутствует в научно-философском дискурсе, указав на генезис данного понятия и на причины, в соответствии с которыми оно претерпело фундаментальные смысловые трансформации в контексте противостояния философии научного типа метафизике и онто-теологии. Во-вторых, эксплицировать генетическую связь понятий «судьбы» и «героя» в контексте переживания последним собственной фатальной, или, скорее, фатумной (от *Fatum* – рок, судьба; лат.) хрупкости, но и одновременно жизненной мощи и необходимости стать обладателем своей судьбы.

Перечисленные выше моменты имеют достаточно хорошо выраженную интеллектуальную историю. Укажем на несколько значимых и признанных философским сообществом исследований. Одной из самых известных и авторитетных на постсоветском пространстве работ, посвященных генезису понятия судьбы в эпоху Античности, является монография В.П. Горана «Древнегреческая мифологема судьбы». Данный труд направлен на исследование судьбы античного грека именно как мифологема и с решением проблемы генезиса категорий закона, необходимости и случайности в древнегреческой философии» [1, с. 7]. Однако, придавая судьбе статус лишь мифологема, автор превращает судьбу в рациональную мировоззренческую единицу, которая была естественным путём изъята в качестве фундаментального метафизического, а не историко-философского, исторического или историографического понятия с переходом от мифологического мировоззрения к мировоззрению научно-философскому. Примечательно, что данная операция осуществлялась довольно простым образом – путём замены термина «закон», несущего в себе образы как мыслительного, так и ценностного, жизненного гештальта античного грека, его диалектическим «аналогом» - движения мысли в рамках категорий «необходимого» и «случайного». Это, в конечном счёте, лишает понятие судьбы её реального носителя, выразителя и свидетеля – самого человека, фактически вычеркнув из философского мышления интенцию на выявление сверхсущей специфики их взаимоотношения, взаимодействия в перспективе целостной истории человеческой экзистенции, духа.

Однако в исследованиях, посвящённых как раз антропоморфической ипостаси осуществления трансцендентной судьбы, дело обстоит по существу так же. Так, в работе известного современного философа В.А. Конева «Модусы субъективности в культуре» судьба объявляется лишь одним из таких модусов. Следует уточнить, как именно сам автор понимает термин «модус»: «Культура берет на себя функции провокации действия, призыва к нему. Этому и служат особые культурные образования – модусы субъективности или способы формирования направ-

ленности действия человека» [2, с. 10]. Следуя этим путем, автор приходит к тому, что устанавливает необходимую связь между категориями судьбы и свободы при том, что именно свобода выступает субъективной формой энтелехии и культурным телосом самой судьбы в новейшее время. И, опять-таки, сводя человека к субъективности, а судьбу лишь к модусу культуры – пусть и основополагающему с телеологической точки зрения, В.А. Конев упускает из виду сущностную и крайне сложную в диалектическом, вернее даже в диалектико-онтологическом, плане связь между судьбой и человеком как её носителем и воплощающим началом.

Но если осмелиться, а в философском отношении для этого действительно требуется немалая смелость – стоит лишь вспомнить философскую и человеческую судьбу Мартина Хайдеггера, осмелившегося говорить о судьбе человека как о судьбе «человека-хранителя» всего сущего [3, с. 457] и судьбе самого Бытия в его событийности и истине [4, с. 30], спросить «Что же это значит – иметь судьбу?», то этот вопрос сразу переносит нас в пространство смыслов, определяемых корреляцией понятий «судьбы» и «обладание судьбой». «Обладание судьбой», «власть над судьбой», «власть судьбы над нами» суть горизонт коннотаций, в которых раскрываются историческая сцена действия судьбы, роль судьбы, её драма или комедия – раскрываются именно в этом вопрошании, ведь вопрос этот не абстрактно-концептуальный, а значит – сиюминутный, он манит за собой человека тысячелетиями, поскольку вопрошает о самой возможности свершения человеком своей судьбы как судьбы истинной. Вместе с тем было бы серьёзной ошибкой отнести весь комплекс действий человека к понятиям судьбы и обладания судьбой. Так, М. Эпштейн выделяет по крайней мере три типа событий, в перспективах которых можно вести речь о присутствии данных понятий: поступок, происшествие, свершение: «поступки, ибо они задаются самим субъектом действия <...> происшествия, т. е. события, в которых человек является не субъектом, но как бы объектом чужой воли <...> события, происходящие по определенной закономерности, по которой действия человека приводят к определенным событиям в его жизни. События такого типа можно назвать свершениями» [5, с. 65–66].

В свершении судьба выступает как бы третьей силой, удваивающей самой собой происшествие и поступок, то есть фактически совершающей их как длящиеся в планах решимости, бессилия, сосредоточенности – иначе говоря, в планах экзистенциальных. Судьба выступает здесь не как трансцендентное условие самой экзистенции, но как её первоначальное внутренне обоснование, раскрывающее действующего / претерпевающего человека как обладателя и одновременно свидетеля своей судьбы во всей его диалектической сложности. Но являются ли подобные обоснования и раскрытия пределом, финальным актом действия судьбы и человека, обладающего судьбой? Если мы предположим, что да – являются, то мы тем самым тривиализируем судьбу и свидетельство, приносимое судьбе – о чем? – конечно, о самой судьбе в ранге её исполнения и неисполнения. С нашей точки зрения, вести речь об экзистенциальном даре человеку судьбы, следствием чего выступает преизбыток решимости, невозможно вне того, что выше мы определили как хрупкость и уязвимость судьбой – первую часть диалектического единства фатума и человечности.

Но что является источником хрупкости и уязвимости? Потеря какого рода необходима человеку, чтобы сбиться в качестве своеобразного «топоса» судьбы и в то же самое время её «свидетеля», выдерживающего её ношу и проносящего живое знание о ней в имманентном опыте и трансцендентной ему истории? По всей видимости, уязвимость, в которой утрачивается экзистенциальный преизбыток обладания судьбой, означает рождение и дальнейшее присутствие (временное и сверхвременное) острого чувства того, что судьба осталась не исполненной, что преизбыток экзистенции ушёл в срыв, в ничто без своего истинного осуществления. Фактически, данное состояние эксплицирует лишь утрату смысла – теряется лишь идеальное наполнение, а интенсивность и длительность диалектически фундированной экзистенции просто заканчивается и возникает ситуация не-до-исполнения, или «почти» свершения, при котором, собственно, и начинается настоящее действие судьбы в человеке, а человека – в самой судьбе. За этой алогической и напрямую нерелефлексивной формой присутствия судьбы как предоставляющей обладание собой скрывается то, что отдельный человек, сообщества мыслителей и институциональные философы принимают за исчезновение судь-

бы, её историческую неявленность, но что в действительности есть её ослепляющее, и только в силу этого ослепления, полноценное и истинное присутствие в истории. Перефразируя язык восточной мистики, можно эксплицировать предлагаемое видение проблемы в следующих метафорических образах: как только мы упускаем время и его момент, судьба тут же выпадает из просвета и утаивается в сиянии открывающегося настоящего. Это похоже на то, когда воду наливают в бездонный кувшин. В таких условиях каждое действие не отражает смысла, оно просто случается, а событие, даже если оно происходит, не воспринимается и не рефлексивируется в качестве встречи или дара. Оно просто есть дар.

Возникает парадоксальная ситуация, проясняющая диалектические сложности метафизического, субстанциального истолкования судьбы. Судьба словно утрачивает себя в человеке в качестве интеллигибельной формы, что в контексте классической философии, в основе которой располагается понятие «самосознания», означает её десубстантивацию, а в перспективе философии неклассической, в особенности испаноязычного варианта развития феноменологии и экзистенциализма (Хосе Ортега-и-Гассет, Хавьер Субири, Мигель де Унамуно) – субстантивацию самого носителя и свидетеля судьбы. Иными словами, дар судьбы своему свидетелю заключается в том, что освободить его от судьбы в модусе самопознания, мышления и наделить рангом обладателя судьбы в действии, деянии.

Сложности, связанные с описанными выше процессами демифологизации и демистификации судьбы, таким образом, подразумевают невозможность для эпистемологии «воспользоваться» обстоятельствами, в которых и только в которых осуществляется судьба. Их нерелексивный характер оставляет эпистемологии как науке о методе и научной истине, эмпирических критериях и логических основаниях научного познания лишь одну, но абсолютно неприемлимую для неё возможность метафизического истолкования судьбы и её носителя. Исчерпывающий и эмпирически фундированный ответ на вопрос о том, в чём именно (фактически, конкретно) состоит действие судьбы, оказывается невозможен в рамках, исключающих понятия переживания, действия и деяния, существо которых лишь до определённого момента основывается на релексивном анализе и дескриптивных фигурах самосознания. Иными словами, для науки нового и новейшего времени непостижимым остаётся «топос», в котором рождается и осуществляется экзистенция свидетеля и обладателя судьбы. Вопрос о самой судьбе, таким образом, выносится за пределы эпистемологии и становится достоянием в лучшем случае философии истории или теологии, которая, однако, также испытывает на себе решительное давление логико-семантических критериев истинности познания.

Действительно, даже такой «расположенный» к рассмотрению сложных теологических проблем и духовных составляющих человеческого общества как Г. Зиммель, ставит вопрос о судьбе в довольно тривиальном ключе. Основным понятием выступает у немецкого философа «событие». Однако, по Г. Зиммелю, это не любое событие, но событие, касающееся «индивидуально осмысленной направленности, которая выступает как наше подлинное Я» [6, с. 189]. Вместе с тем он оставляет в стороне факт уникальности события, уточняя лишь, что события бывают разного рода, существуют на разных уровнях, на периферии или в центре человеческой жизни. Для немецкого философа судьбоносные события суть те, которые придают телеологический смысл индивидуальной жизни. Разница же между судьбоносными и незначимыми событиями располагается исключительно в сфере рефлексии: то событие, которое познано, может быть присвоено «подлинным Я», может стать судьбой, а то, что лишено понимания, становится простым опытом чувственного восприятия. На уникальности же события настаивает авторитетный в области изучения исламской философии, где понятие судьбы носит всеобъемлющий характер, современный российский философ А.В. Смирнов, однако и для него событие это действительность как таковая, подлежащая в первую очередь не переживанию и преображению, но осмыслению, установлению «логики смысла» судьбы. Согласно А.В. Смирнову, «чисто событийное» событие вряд ли возможно, поскольку мы всегда имеем дело с уже переработанными логико-смысловыми инструментами мира вещей. Поэтому автор пишет: «Событие не подчиняется нам, потому что оно не подчиняется отдельным, «одиноким» логикам смысла; потому что оно делает возможными их все, но не

сводится к ним» [7, с.65]. Возможно ли, что понимаемое таким образом событие приведёт нас к понятию обладания судьбой? По всей видимости, нет. Необходим человек определённого сорта, волевого и психического устройства. Такого человека мы именуем «героем».

Однако событие суть не просто внешнеположенная нам и рефлекслируемая действительная необходимость. Она требует иного отношения. Для схватывания события нам необходимо правильно настроенное внимание, особое настроение, которое мы можем достигнуть за счет собственной воли или, наоборот, нам нужен дар того, кто может даровать событие в том, что приятно называть случаем. Вспоминается метафора Джелладдина Руми о том, что не каждый погнавшийся за газелью сможет ее поймать, но что бы поймать газель нужно за ней все-таки погнаться. Столкновение воли и случая оборачивается скрытой в судьбе борьбой, превращающей судьбу в судьбу героя. Она снимает и в то же время сохраняет противоречие между волей и случаем. Таким образом, судьба в событийной перспективе – это, условно говоря, поле, на котором разворачивается человеческое существование в истории. В нем нет линейной перспективы, а сеть событий, в которой переплетаются возможное и истинное. Наша судьба сплетается, свивается с судьбами других. Мы способны улавливать случайные точки в потоке, однако они также событийны и динамичны, поскольку являются элементами живого поля истории и несут в сжатом виде все возможности во времени. Если эта точка фиксируется достаточно долго, описанное может позволить развернуть в ней весь потенциал того поля судьбы, которое свернуто в той или иной точке, в том или ином моменте: «Мое существование в этом мире / течет подобно ртути капелькам летучим» [8, с. 75]. Подобная «атомарно-континуальная» природа существования делает понимание судьбы первостепенной задачей. Это можно понять двояко. Во-первых, судьба открывается человеку во взгляде с иной точки зрения – с высоты переживания и созерцания, позволяющих охватить целое в его максимальном единстве. Во-вторых, судьбу можно распознать, если войти в мгновение, которое являет и раскрывает в себе (сосредотачивает в себе) всю полноту времени. Когда мы овладеваем собственным моментом, мы обретаем дар события, через который нам обнаруживается тайна свершения, тайна дарящего себя нам. Можно даже сказать, что момент в своей совокупности, заключающий в себе и стягивающий все поле судьбы, является основой нашей самости и, в то же время, провидением.

В этом скрывающем пространстве, в отказе от определенности настоящего, в определенности начала и конца, в отказе от сцены прячется сама судьба. Однако это не просто отсутствие, но именно сокрытие, переворачивающее саму жизнь. Она становится бессмысленной и пустой, а человеческая деятельность превращается в механическое исполнение. Только там, за пределами механицизма и бессмысленности, в рождении и после смерти судьба как первый и последний судья, первая и последняя надежда, измеряет человека и измеряет собой малые капли смысла нашей экзистенции. Только это обоснование создает представление о жизни как о достижении, о жизни как о вызове, о жизни, как о свидетельствовании. Так рождается герой – фигура, которая, с одной стороны, является эстетической единицей, придающей смысл жизни зрителя, не способного к свершению, а с другой, толкающая зрителя на свершение, наделяя его волей к событию. Данная эстетика героя и его значимость для зрителя порождает тень героя, которую безуспешно пытаются примерить на себя политические деятели или же деятели массовой культуры. К примеру, американский политический социолог Пол Холландер описывает сумерки героического в политической культуре XX в. следующим образом: «Имеются многочисленные свидетельства о том, что многие известные интеллектуалы XX века восхищались диктаторами различных идеологических убеждений, а также политической системой, которую они представляли. Такое восхищение, часто переходящее в преклонение перед героем, было неотъемлемой частью значительной части политических заблуждений» [9, р. 2].

Эстетика героя в возвышенной форме разворачивалась уже в творчестве Ф. Ницше. Он и сам, и его Заратустра представляют модель героя, который готов принять собственную судьбу и прожить ее сполна, решительно и уверенно свершив своими собственными актами. Поэтому судьба и энергия ее осуществления у Ницше равны: «Але так ужо хоча мая stvarальная воля, мой лёс. Альбо, слушней будзе сказаць, менавіта такога лёсу хоча мая воля!» [10, с. 92]. Однако и как это ни покажется странным, подобный герой лишь след, отмечен-

ный на листе жизни. Его жизнь суть самоуничтожение и самописание уничтожения на предел сил, когда он пишет и стирает свою судьбу в переживании мгновения, в двунаправленной мистерии судьбоносного пути, когда не только путь меняет героя, но и герой изменяет направление следования. Смысл и сцена жизни не создается человеком, но они могут быть переписаны, когда герой идет вперед, но возвращается и когда, возвращаясь, идет вперед, пребывая в мгновении данности судьбы. Это судьба героя, который может её созерцать и наслаждаться, двигаясь к Вечности, одновременно стараясь ее избежать. Этот путь, в конечном счёте, представляет собой бегство из вечности в вечность, о чём герой прекрасно осведомлён. Более того, герой вплетает в себя суть вещей и явлений, он увлечен бытием и формирует то, что наполняет смыслом человеческое существование. Тот, кто существует, должен постоянно сталкиваться со случайностью, и судьба для него – это оправдание неудач, болезней, собственного нежелания брать собственную ответственность за всю свою жизнь. Он смотрит на героя, просит разрешения насладиться его страстью к бытию, принять силы от его страсти к достижению судьбы. Он завидует герою, который осмеливается жить, действовать по своей воле в пределах изречённой или неизречённой для него судьбы. Безусловно, для смотрящего таким образом на героя неважно, кто он: сверхчеловек, вынужденный жить в мире умершего Бога и искать в себе альтернативу почившему; святой, оставивший мир и себя самого, чтобы служить Богу; подлинный свидетель, который сознательно, взойдя по ступеням совершенствования, приносит себя в жертву, чтобы свидетельствовать всем, что у него есть открытая им жизнью и смертью истина. Единственное, что всё же объединяет образы героя то, что они одинаково резко говорят о неслучайности событийности, о бытии события.

Примечательно, что христианский богослов IV в. Григорий Нисский учил, что в духовном восхождении «только все более и более достоверным образом открывается абсолютная непознаваемость Божественной природы. Все более и более к ней устремляясь, душа непрерывно растет, из себя выходит, себя превосходит, в жажде большего, так восхождение становится бесконечным, желание – неутолимым» [11, с. 49]. Эта жажда героя к обретению смысла, движение к своему источнику превращают ищущего в субстанциальный самосуший смысл, характеризуемый единством диалектических актов притяжения ко злу и неприятие зла, стирания и истового утверждения себя в действенном стремлении выйти за пределы сущего и бытия. Сделать себя сверхсущим, бессмертным нарушением порядков необходимости и случайности законов сущего и бытия и также в действии постичь это единство. Вот почему существование так тянется к герою, но и ненавидит его, когда он стремится стать лишь его интеллигибельным выражением. Существование «льнёт» к герою как к инстанции своего оправдания, поскольку герой есть тот смысл, который не присущ существованию самому по себе; человеческое же существование нуждается в герое, дабы выразить свои пределы, недостижимые возможности, тем самым присваивая их как возможности онтологические, сущие. Но когда человеческое существование просит, герой принимает его как своё собственное и единосущее ему самому. Эта ситуация прекрасно раскрывается в античном термине «фюсис» (φύσις – древнегреч.) в том, как его понимает Мартин Хайдеггер. Восхождение, рост, развитие (φύσις) означает по сути дела «вос-ставать (Ent-stehen), выводить себя из сокрытого (das Verborgene) и только так приводить оное к стоянию» [12, с. 99]. Это утверждение идентичности каждого существа уже является центральной чертой судьбы. Однако язык, на котором говорит судьба, вовсе не уверен, что его поймут, и даже не уверен, что у него есть собеседники, даже когда мы отвечаем и говорим: «Да, у меня есть судьба» или наоборот, «Нет! У меня нет своей судьбы», согласие и несогласие здесь суть простая гипотеза.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что язык, повествующий о судьбе (в том числе и в первую очередь язык автора настоящей статьи), никоим образом не есть сама судьба, он отягощен проблематичностью аутентичности говорения, свидетельствования. Прежде всего, потому что мы ставим дискуссию о пределе человеческих возможностей на уровень достаточно тривиального диалога между индивидами, а индивиды – это также ещё не судьба. Особо важным является то, что, согласно предложенной интерпретации специфики субстанциальности судьбы, субстантивации ею человека и образа героя, связь с судьбой в высшей степени драма-

тична, но свободна. Можем ли мы говорить о свободном человеке, который не одержим судьбой, а лишь существует, наслаждаясь своим ничем не детерминированным существованием? Можно ли говорить о нынешнем господстве некоей тривиальной и унифицированной судьбы – слабого отражения, стёршейся копии судьбы трагической и личной? Возможно, широко распространившиеся в наше «пост-современное» время копии и симулякры судьбы сами являются её порождением. Случайным или необходимым? Возможно, пришло время говорить о рабстве судьбы у человека не только в эпистемологическом отношении? Полагаем, что нет, не пришло. Как явствует из предлагаемой нами интерпретации фигуры героя, он не раскрывается посредством установления серийности копий. Скорее, в дело вступает сама Судьба, которая, завершив круг своего исполненного в человеке «предназначения», вновь стремится проникнуть в зарю начала, где судьба человека и человечества вновь ставятся под вопрос той судьбой, которая вынашивает и лелеет своего обладателя и героя?..

Литература

1. Горан, В. П. Древнегреческая мифологема судьбы / В. П. Горан. – Новосибирск, 1990. – 330 с.
2. Конев, В. А. Модусы субъективности в культуре / В. А. Конев // Вестник СамГУ. – 2014. – № 1. – С. 9–14.
3. Хайдеггер, М. Гераклит / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль, 2011. – 503 с.
4. Хайдеггер, М. Размышления XII–XV (Чёрные тетради 1939–1941) / М. Хайдеггер. – М. : Издательство Института Гайдара, 2020. – 344 с.
5. Эпштейн, М. Поступок и происшествие. К теории судьбы / М. Эпштейн // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 65–77.
6. Зиммель, Г. Проблема судьбы / Г. Зиммель // Избранное : в 2 т. – М, 1996. – Т. 2. – С. 186–193.
7. Смирнов, А. В. Событие и вещи / А. В. Смирнов. – М. : Садрa ; Изд. дом ЯСК. – 2017. – 232 с.
8. Хайям, О. Другой Хайям / О. Хайям. – М. : Изд. гр. «Традиция», книгоизд-во АБВ, 2014. – 216 с.
9. Hollander, P. From Benito Mussolini to Hugo Chavez Intellectuals and a Century of Political Hero Worship / P. Hollander. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 326 p.
10. Ніцшэ, Ф. Так сказаў Заратустра : кніга ўсім і нікому / Ф. Ніцшэ. – Минск : Маст. літ., 1994. – 367 с.
11. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – М. : СТСЛ, 2012. – 586 с.
12. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. – 302 с.

Рецензии

УДК 821.09(476:4)

EDN: ZE00QO

Новае ў беларускім літаратуразнаўстве, або Па старонках глыбокага даследавання

Н.Л. СЯРЖАНТ

Рэц. на: Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія / У. В. Гніламедаў [і інш.]; навук. рэд. У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч. – Мінск : Беларуская навука, 2022. – 492 с.

Літаратуразнаўчая імагалогія як навуковая дысцыпліна пачала складвацца дзесьці к пачатку XX ст., хаця сам тэрмін узнік толькі ў канцы стагоддзя. Не паглыбляючыся ў этымалогію тэрміна, у прадмет і аб'ект імагалогіі¹, якія дастаткова падрабязна вытлумачаныя ў рэдактарскай прадмове і іншых раздзелах калектыўнай манаграфіі «Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія», варта адзначыць, што як міждысцыплінарная галіна гуманітарыстыкі, імагалогія з сярэдзіны XX ст. трывала замацавалася ў заходняй навуцы ў працах і школах А. Ларталары, Ш. Корбэ, М. Кадо і Д.-А. Пажо, Х. Дызьрынка, Й. Леерэна, а з пачатку XXI ст. была прызнана ў Расіі як асобная сфера літаратуразнаўства. Нароўні з кампаратывістыкай імагалогія досыць трывала ўмацавала незалежныя пазіцыі ў расійскай навуцы, што пацвярджаецца не толькі колькасцю навукоўцаў, якія займаюцца імагалогічнымі даследаваннямі (В.Б. Земскаў, С.Б. Каралёва, Вал.А. Лукаў, Ул.А. Лукаў, Н.П. Міхальская, А.Р. Ашчэпкаў, А.В. Паўлоўская, А.В. Папілава, А.В. Палякоў, В.А. Палякова, У.П. Трыкаў, Л.Ф. Хабібুলіна, В.А. Хораў, К.Я. Рабчыкава, А.А. Казлова і інш.), але і ўключэннем вучэбнай дысцыпліны «Імагалогія» на філалагічных факультэтах у праграмы ВНУ. З 2014 г. па ініцыятыве кафедры рускай і замежнай літаратуры Томскага дзяржаўнага ўніверсітэта заснаваны навуковы часопіс «Імагалогія і кампаратывістыка», спецыяльная мэта якога – «садзейнічаць развіццю імагалогіі, міждысцыплінарнага навуковага кірунку, які вывучае вобразы рэгіёнаў, краін, народаў у родным ці іншакультурным асяроддзі» [1].

Беларуская навука на гэтым шляху, як прызнаюць аўтары нашай работы, робіць першыя крокі, і звязаны яны ў першую чаргу з даследаваннямі ў галіне параўнальнага, кампаратывісцкага літаратуразнаўства: «Першыя сістэмныя крокі літаратуразнаўчай імагалогіі ў Беларусі звязаны з даследаваннямі акадэмічных кампаратывістаў. Многія зместавыя аспекты калектыўных навуковых манаграфій “Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур. XI–XX стст.” (2006), “Еўрапейскі рамантызм і беларуская літаратура XIX–XX стст.” (2008), “Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць” (2012), “Паэтыка літаратурных сувязей” (2017), падрыхтаваных і выдадзеных Інстытутам літаратуразнаўства імя Янкі Купалы НАН Беларусі, так ці інакш звернуты да выяўлення вобразаў нацыянальнага “чужога”, нацыянальнага “іншага” ў беларускім прыгожым пісьменстве» [2, с. 7–8]. Тым не менш, вядома, катэгорыі «іншага», «чужога» і «іншасці», якія выяўляюцца галоўным чынам у поглядзе на іншую культуру, мову і менталітэт якога-небудзь народа ў лі-

¹«Імагалогія» (ад лацінскага «*imago*» – вобраз, адлюстраванне, выява), з ім звязана легітымнае вызначэнне імагалогіі як сферы навуковых ведаў, што мае прадметам вывучэння ўстойлівыя стэрэатыпныя вобразы «іншых», «чужых» этнасаў, краін, культур, іншародных для ўспрымаючай нацыянальнай свядомасці; хоць на ролю назвы напрамку прэтэндуюць усе тры лексемы – «іміджылогія», «імагалогія», «іміджыналогія». Усе яны паходзяць ад тэрміна «вобраз» (*image*, першапачаткова лац. «*imago*» – вобраз, адлюстраванне, уяўленне), але дзве першыя абазначаюць «навуку пра вобразы» (*image + logos*) і адрозніваюцца англійскім (*imagology*) і французскім (*imagology*) варыянтамі вымаўлення. Трэцяе паняцце можна перакласці як «навука пра ўяўленне» (*imaginology*), гэта значыць, пра працэс стварэння вобразаў (ад англ. *imagine* – выдумляць, уяўляць).

таратуры іншага народа застаюцца адной з актуальных праблем сучаснага айчыннага літаратуразнаўства (у рамках і кампаратывістыкі, і імагалогіі як яе часткі або самастойнай дысцыпліны). Успрыманне адной культуры іншай спараджае ўяўленні пра іншы народ ці краіну, якія, у сваю чаргу, паступова складваюцца ў пэўны вобраз. Ён можа ў большай ці меншай ступені адпавядаць рэчаіснасці, а можа і істотна ад яе адрознівацца. Фарміраванне сапраўднага вобраза – працэс, які адбываецца на працягу даволі доўгага прамежку часу і перажывае ўплыў самых разнастайных і нечаканых фактараў, патрабуе вывучэння і даследавання ў рэчышчы адпаведнай навуковай дысцыпліны з улікам міждысцыплінарнага падыходу [4, с. 3].

У калектыўнай манаграфіі «Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія», выдадзенай у 2022 г., вучоныя Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ўпершыню ў айчыннай навуцы абагулілі вопыт імагалагічных даследаванняў беларускай і еўрапейскіх літаратур на аснове вывучэння вобраза «чужога», «іншага» з прыцягненнем багатага факталагічнага мастацкага і навукова-тэарэтычнага матэрыялу. У манаграфіі прадстаўлена асэнсаванне нацыянальнага менталітэту, характару, сістэмы каштоўнасцей, светабачання, тыпу паводзін рускага, украінскага, польскага, іспанскага, англійскага народаў. З пункту гледжання ўспрымаючага суб'екта – беларускай культуры – дадзеныя этнастэрэатыпы асэнсаваны па кантрасце або падабенстве і служаць характарыстыкай уласнай (беларускай) нацыянальнай самасвядомасці, светаадчування, менталітэту, на што звяртаюць увагу аўтары практычна ўсіх раздзелаў манаграфіі і што пацвярджае вядомую канцэпцыю М.М. Бахціна пра «дыялог культур», у якой вучоны падкрэсліваў, што чужая культура поўна і глыбока раскрывае сябе толькі ў вачах іншай культуры: «Мы ставім чужой культуры новыя пытанні, якіх яна сама сабе не ставіла. Мы шукаем у ёй адказ на гэтыя нашы пытанні, і чужая культура адказвае нам, адкрываючы перад намі новыя свае бакі, новыя сэнсавыя глыбіні» [3, с. 335].

Некаторыя раздзелы манаграфіі цалкам адпавядаюць заяўленай метадалогіі даследавання, напрыклад, А.В. Вальчук «Вобраз Іспаніі і іспанцаў у Беларусі», Н.Л. Бахановіч «Вобраз паляка і польскай зямлі», Т.П. Барысюк «Вобразы Вялікабрытаніі і брытанцаў у сучаснай беларускай паэзіі», у іншых – аўтары ў аспекце імагалогіі выяўляюць мастацкую спецыфіку вобразаў «іншага», «чужога» ў беларускай і еўрапейскіх літаратурах. Відавочна, што ў цэлым усе даследчыцкія стратэгіі ў манаграфіі дапамагаюць пераадолець узаемныя міфы, памылкі і фобіі ў адносінах да «інакшасці», вобразаў «чужога», «іншага» ў выніку вывятлення іх ідэйна-эстэтычнай спецыфікі, этнічнай, сацыякультурнай і моўнай прыналежнасці: «у выніку сістэмна-комплекснага аналізу канкрэтных мастацкіх твораў і творчых індывідуальнасцяў выяўляюцца сістэмна-модульныя асновы і ідэйна-эстэтычная спецыфіка вобразаў “чужога”, “іншага” (паводле этнічнай, сацыякультурнай і моўнай прыналежнасці) у беларускай і некаторых еўрапейскіх літаратурах як аднаго з вызначальных кампанентаў інтэгральнай асновы агульнаеўрапейскага і сусветнага гісторыка-культурнага працэсу» [2, с. 8].

У першых трох раздзелах калектыўнай манаграфіі ў рамках літаратуразнаўчай і гістарычнай імагалогіі прадстаўлены вобразны дыкурс іспанскага, польскага, рускага, украінскага народаў і вобразы топасаў названых краін на аснове аналізу структураўтваральных элементаў «этнічных вобразаў», прасторава-часавых характарыстык у мастацкіх і гісторыка-літаратурных тэкстах у гістарычнай перспектыве XVI–XX ст.

Першы раздзел манаграфіі «Вобраз Іспаніі і іспанцаў у Беларусі» (А.В. Вальчук) пабудаваны на даследаванні вобразаў народа Іспаніі і іспанскай зямлі ў розных пісьмовых крыніцах, кампендыумах, артыкулах, падручніках па геаграфіі, пачынаючы з 1630 г. Аўтар звяртаецца да твора М. Сарбеўскага «*Descriptio gentium*» («Апісанне народа») у польскім перакладзе, помніка старажытнага беларускага пісьменства «Баркулабаўскі летапіс», напісанага беларускім хуткапісам XVII ст, у якім раскрыты не толькі вобразы іспанцаў і Іспаніі, але праз апісанне іспанскіх экспедыцый і адкрыццё імі новых тэрыторый дадзены першыя ўяўленні аб экзатычных невядомых вялікалітоўскім жыхарам цывілізацыях. Далей аўтар разглядае, як пад уплывам геаграфічных адкрыццяў фарміруецца вобраз далёкай Іспаніі ў кампендыуме В. Лубенскага «1703–1767», выдадзеным езуітамі, энцыклапедыі Б. Хмялеўскага, «Кароткім зборніку натуральнай, палітычнай і гістарычнай геаграфіі» А. Мікуцкага 1776 г. У гэтых геаграфічных выданнях падрабязна апісаны дзяржаўны, палітычны лад, эканамічны стан рэгіёнаў, гандлёвыя адносіны Іспанскага каралеўства; падрабязна характарызуецца цэн-

тральныя і перыферычныя гарады і землі; упершыню тлумачыцца этымалогія назвы краіны Іспанія (ад нямецкага *Nis*, захад і *Pania*, каралеўства). Асэнсаваны ў раздзеле вопыт першага параўнальнага даследавання гісторыі развіцця дзвюх краін у кнізе 1820 г. І. Лявелея «Польшча і Іспанія, гістарычная паміж імі паралель у XVI, XVII, XVIII стагоддзях». У высновах падкрэсліваецца, што ў кнізе І. Лявелея ўзноўлена шырокая панарама жыцця Іспаніі ад моманту яе росквіту да заняпаду, раскрыты прычыны развіцця гістарычнага працэсу, абумоўленыя грамадска-палітычнымі фактарамі, а таксама дадзены ўяўленні пра характар іспанцаў і яго эвалюцыю на працягу некалькіх стагоддзяў.

Непасрэдна літаратуразнаўчая імагалогія намячаецца як метады агляду мемуарнай прозы XVIII ст., у аналізе матэрыялаў рускага гістарычнага, літаратурнага і грамадска-палітычнага часопіса «Сын Айчыны» (выходзіў у Санкт-Пецярбургу), дзе ў 1821 г. быў надрукаваны «Погляд на гісторыю іспанскай літаратуры» Ф. Булгарына, які даў першыя ўяўленні аб мастаках слова з Пірэнейскага паўвострава для ўсіх народаў, якія ўваходзілі ў Расійскую імперыю. Гэта не проста экскурс у гісторыю іспанскай літаратуры, але і яе ацэнка, у якой найвышэйшага ўхвалення заслугоўваюць вярышні іспанскага ранняга Адраджэння – Сервантэс і Лопэ дэ Вега, і П. Кальдэрон. Аднак даследчыцкая аналітыка абмяжоўваецца згадкай імёнаў, асноўную ўвагу аўтар раздзела засяроджвае на рэфераце іншай працы Ф. Булгарына – «Успаміны пра Іспанію» (1823 г.), у якім падрабязна прадстаўлены ўражанні аўтара пра краіну, убачаную Булгарыным у час свайго ўдзелу ў напалеонаўскай кампаніі ў чыне капітана і кавалера ордэна Ганаровага легіёна. Завяршаецца раздзел аўтарскай рэцэнзіяй артыкула Л. Шапялёвіча ««Дон Кіхот» Сервантэса» і аналізам вобразаў іспанцаў і іспанак у беларускай лірыцы XX ст. – М. Багдановіча («Іспанскія песні»), Я. Купалы, М. Багуна, М. Танка; прозе В. Быкава («Доўгая дарога дадому»). У выніку вобраз Іспаніі і іспанскага народа, варыяцый нацыянальнага іспанскага характару разгледжаны аўтарам раздзела на матэрыяле розных літаратурных жанраў (летапісы, мемуары, гісторыка-літаратурныя артыкулы, сучасная лірыка) на працягу некалькіх гістарычных эпох. Дзякуючы паслядоўнаму імагалагічнаму метаду даследавання ў аўтара атрымалася раскрыць генезіс і фарміраванне «вобраза Іспаніі і іспанцаў» у культурнай і літаратурнай прасторы Беларусі з XVI ст. да нашых дзён паўнамерна і шматгранна.

Наступныя два раздзелы калектыўнай манаграфіі прысвечаны вывучэнню польскага, рускага і ўкраінскага вектараў у беларускай літаратуры XIX і XX стст. Даследчыца Н.Л. Бахановіч, якая з’яўляецца і аўтарам асобнага выдання «Абліччы іншага ў шматмоўнай літаратуры Беларусі XIX стагоддзя», папярэднічае сваё практычнае даследаванне аглядам навукова-тэарэтычных паняццяў, метадык і інструментарыя імагалогіі з апорай на матэрыялы артыкулаў А.Р. Ашчэпкавай, А.У. Папілавай, Ул.М. Топарава, В.П. Трыкава, В.П. Фельдэ, В.А. Хорава і іншых. Выпрацоўка навуковага апарата з выразным указаннем прадмета, аб’екта, мэты дазволіла даследчыцы разгледзець у шматмоўнай літаратуры Беларусі XIX ст. вобразы палякаў («карняж»), рускіх, украінцаў у суадносінах з беларусамі («літвінамі»). На аснове выкарыстання культурна-гістарычнага метады аналізу, захавання прынцыпу павагі і тактоўнасці ў інтэрпрэтацыі «іншага» Н.Л. Бахановіч прадставіла галерэю вобразаў і этнастэрэатыпаў палякаў і польскай зямлі, Расіі і рускага чалавека, Украіны і ўкраінцаў у беларускай літаратуры XIX ст. У якасці мастацкага матэрыялу прыцягнуты творы Я. Ходзькі «Вызваленая Літва, або пераход цераз Нёман», вершы Я. Чачота, Ф. Рысінскага, апавесць Г. Пузыні «Помста літвінкі. Праўдзівае здарэнне» (на яе матэрыяле разглядаецца развянчанне стэрэатыпаў «літвінскасці» і «польскасці»), «літоўская балада» А. Міцкевіча «Тры Будрысы», раман «Абрусіцелі» Н. Ланскай, вершы на польскай мове А. Бартэльса, на беларускай В. Савіча-Заблоцкага вобраз Расіі і рускіх прадстаўлены ў публіцыстыцы К. Каліноўскага, творах А. Міцкевіча, паэзіі Ф. Багушэвіча, асэнсаваны прычыны частых негатыўных канатацый «рускасці»; больш талерантнай ацэнцы ўдастойваюцца ўкраінцы як «суседзі па няшчасці», якія адчуваюць ціск з боку Расіі (аналіз зроблены на матэрыяле твораў В. Дуніна-Марцінкевіча, У. Сыракомлі).

Комплекснае даследаванне акрэсленай тэмы на матэрыяле шматмоўнай літаратуры Беларусі XIX ст., як і планавалася аўтарам, сапраўды дае плённыя вынікі, якія паглыбляюць уяўленні беларусаў пра сябе ў мінулым [2, с. 101].

Украінскі дыскурс у беларускай літаратуры ХХ ст. прасачыла даследчыца Ж.С. Шаладонава. Яе імагалагічны пошук прысвечаны аналізу асаблівасцей інтэрпрэтацыі тэм і вобразаў Украіны ў творах беларускіх пісьменнікаў. Асаблівая ўвага сканцэнтравана на арыгінальнасці і стэрэатыпнасці ўвасаблення ўкраінскіх топасаў у беларускай паэзіі: казачтва, Днепр, выявы знакавых культурна-гістарычных асоб: І. Катлярэўскага, С. Каўпака, І. Франко, Б. Хмяльніцкага, М. Шчорса, безумоўна, Т. Шаўчэнкі. Вобраз Кабзара раскрыты ў асобным раздзеле, дзе выяўлена спецыфіка мастацка-вобразнага ўвасаблення фігуры Тараса Шаўчэнкі ў творах беларускіх аўтараў, якія перадаюць сацыяльна-псіхалагічнае, індывідуальна-аўтарскае ўспрыманне феномена асобы і творчасці Кабзара праз прызму айчынных культурных традыцый і каштоўнасцей. Высновы даследчыцы, як і ў папярэднім раздзеле дэманструюць прадуктыўнасць імагалагічнага падыходу, бо засваенне іншасці выступае сродкам аўтарскай самарэалізацыі, спрыяе раскрыццю момантаў судакранання беларускай і ўкраінскай нацыянальных стыхій, фарміруе магчымасці больш паўнамернай камунікацыі, і ў канчатковым выніку, – канкрэтызуе разуменне свайго, больш праблемна і выпукла прадстаўляе яго аксіялогію і сэнсавую шчыльнасць як крытэрыі ідэнтычнасці краін і народаў: *«Самакаштоўнасць і знакавасць гэтага творчага акту праяўляецца ў паглыбленні разумення свайго, больш выразным прадстаўленні яго аксіялагічнай каштоўнасці, нашырэнні абсягаў самапазнання беларусаў, раскрыцці ўнікальнасці іх “месцаразвіцця” ва ўсходнеславянскім, еўрапейскім кантэксце»* [2, с. 211].

Сучасная рускамоўная паэзія Беларусі асэнсавана навуковымі рэдактарамі калектыўнай манаграфіі, акадэмікам У.В. Гніламедавым і дацэнтам М.У. Мікулічам. Праз выяўленне тыпалогіі ўзаемасувязей беларускай і рускай літаратур у нацыянальным літаратурна-мастацкім працэсе вызначаны тыпы нацыянальна-культурнай ідэнтыфікацыі сучасных рускамоўных паэтаў Беларусі. На аснове культурна-гістарычнай метадалогіі з элементамі імагалагічнага аналізу ахарактарызаваны вядучыя мадэлі моўнай рэпрэзентацыі этнакультурных канстант у творчасці В. Блажэннага, С. Яўсеевай, І. Катлярова, Ю. Фатнева, А. Жданава, А. Аўруціна, Г. Трэтмана, М. Шэлехава, А. Габрыэля, А. Скарынкіна, А. Крыклівец і іншых аўтараў.

У пятым раздзеле аўтар Т.П. Барысюк на матэрыяле сучаснай беларускай і брытанскай англамоўнай паэзіі выяўляе сувязі канцэптаў «сваё» і «чужое» з літаратуразнаўчымі паняццямі «архетып», «міф», «стэрэатып», «нацыянальны характар», «беларускасць» і «англійскасць». У даследаванні сучаснай беларускай паэзіі падкрэсліваецца іміджаўтваральная функцыя вобразаў Мінска і Лондана (Мінскі і Лонданскі тэксты культуры) для ўспрымання вобразаў Беларусі і Англіі ў цэлым; аналізуюцца вобразна-тэматычныя асаблівасці жанру лімерыка ў сучаснай беларускай і брытанскай англамоўнай паэзіі, раскрываюцца асноўныя функцыі англіцызмаў у вершах сучасных беларускіх паэтаў: алузіі на іншаземныя рэаліі і творы мастацтва і ў якасці экзатычнай рыфмы.

Аўтар шостага раздзела працы Н.В. Якавенка аналізуе вобразы знакавых гістарычных асоб усходнеславянскай гісторыі, спосабы і сродкі адлюстравання ў беларускай, рускай і ўкраінскай прозе пачатку ХХІ ст., асаблівасці аўтарскай інтэрпрэтацыі «сваіх» і «чужых» гістарычных персанажаў і матываў іх учынкаў, супадзенні або разыходжанні гэтай інтэрпрэтацыі з канкрэтна-гістарычнымі фактамі і крыніцамі, якія вядуць да міфалагізацыі і стэрэатыпізацыі вобразаў вядомых людзей старажытнасці і Сярэднявечча.

У заключным, сёмым, раздзеле «Асваенне іншасці ў беларускіх перакладах польскай паэзіі» даследчык С.Л. Мінскевіч абгрунтаваў арыгінальную канцэпцыю іншасці для перакладазнаўства, што дазволіла вызначыць крытэрыі адбору паэтычнага матэрыялу. Аўтар прадставіў тэарэтычныя характарыстыкі крытэрыя іншасці ў навуковым пазнанні рэалій, распрацаваў крытэрыі вызначэння імагалагічнага маркера пры супастаўленні польскамоўных тэкстаў і іх перакладаў. Далей аўтар даследаваў беларускія пераклады паэзіі Адама Міцкевіча, акрэсліў і раскрыў асноўныя крэатыўныя механізмы засваення іншасці ў творах паводле польскамоўнай паэзіі; разгледзеў асваенне іншасці ў польскім перакладчыцкім дыскурсе (на прыкладзе перакладаў паэзіі Максіма Танка). Аўтарам прасочаны і выяўлены тэндэнцыі, як з дапамогай гульні з сэнсамі, нетрывіяльнага выкарыстання рытмічных сродкаў, калейдаскопаў асацыяцый пераасэнсоўваецца іншамоўны, іншакультурны матэрыял і вымалёўваецца на пэўным мастацкім узроўні ў прасторы роднай мовы новы ўзор паэтычнага твора.

У выніку глыбокага параўнальна-тыпалагічнага аналізу, раскрыцця сацыяльна-гістарычных традыцый і каштоўнасцяў, нацыянальна-індывідуальных адрозненняў і падабенстваў, пісьменніцкіх феноменаў, арыгінальнага мастацкага мыслення ў калектыўнай манаграфіі «Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія» зроблены значны крок на шляху выяўлення новых дамінантных характарыстык духоўна-эстэтычнага свету беларускай і еўрапейскіх літаратур – рускай, украінскай, польскай, англійскай, іспанскай [2, с. 11]. Даследчыцкі арыгінальны вопыт кожнага аўтара манаграфіі ўносіць значны ўклад у пераадоленне ўзаемных міфаў і фобій, што ствараюцца ў полі ўспрымання іншай культуры, і садзейнічае ўмацаванню міжнароднай інтэграцыі на ўсіх узроўнях узаемадзеяння розных народаў.

Развіццё імагалогіі звязана з неабходнасцю садзейнічаць узаемаразуменню паміж народамі і мае пэўную гуманітарную мэту – спрыяе пазнаванню народамі адзін аднаго ў складанай мультынацыянальнай еўрапейскай прасторы [5]. Гэта думка Хуго Дызьярынка звязана з тэндэнцыяй палітычнай значнасці літаратуразнаўства ў Еўропе, якая фарміруецца на вачах, і беларуская навука, як мы пераконваемся, не застаецца ўбаку. У сучаснай адкрытай інфармацыйнай прасторы пытанне пра шляхі ўзнікнення стэрэатыпных уяўленняў пра «чужынцаў», прадстаўніка роднай нацыі і пра трансфармацыю гэтых стэрэатыпаў стаіць вельмі востра, таму апісанне, ацэнка і асэнсаванне праўдзівых і памылковых вобразаў народа, этнасу, нацыі, што ствараюцца ў мастацкім тэксце, павінны карэляваць з рэальным культурным кантэкстам, быць максімальна дакладнымі і адэкватнымі. Аўтары калектыўнай манаграфіі «Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія» распачалі адну з першых спробаў сістэматызацыі пакуль кропкавых, але цалкам годных і дзейсных пошукаў беларускіх навукоўцаў у гэтым кірунку.

Безумоўна, выданне сведчыць пра новую навуковую галіну, якая склалася ў рэчышчы беларускай кампаратывістыкі, пра тэндэнцыі літаратуразнаўства ў вывучэнні розных феноменаў мастацкай слаvesнай культуры ў міждысцыплінарным аспекце.

Літаратура

1. Имагология и компаративистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journals.tsu.ru/imagology/>. – Дата доступа : 20.12.2022.
2. Беларуская-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія / Т. П. Барысюк [і інш.]. – Мінск, 2022. – 492 с.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
4. Козлова, А. А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры / А. А. Козлова // Обсерватория культуры. – 2015. – № 3. – С. 118–122.
5. Dyserinck, H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur / H. H. // Europa und das nationale Selbstverständnis : Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. – Bonn, 1988. – S. 13–33.

Белорусский государственный
педагогический университет имени М. Танка

Поступила в редакцию 01.09.2023

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 02.02.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 13,77. Тираж 20 экз. Заказ № 59.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.